

ГЕРОЯМ 1812 ГОДА ПОСВЯЩАЕТСЯ

ОКСАНА ЗАХАРОВА

Дальняя эпоха первой половины XIX века

ОКСАНА ЗАХАРОВА

Дальняя
эпоха первой
половины
XIX века

ГЕРОЯМ 1812 ГОДА
ПОСВЯЩАЕТСЯ

ГЕРОЯМ 1812 ГОДА
ПОСВЯЩАЕТСЯ

Каждое поколение имеет своих кумиров, властителей дум. В России XIX столетия это были представители Армии, для которых служение Отечеству являлось основой жизненной позиции, но ключевое понятие мировоззрения — честь, нравственная ответственность перед предками за свои дела и поступки.

Героям 1812 года, подлинной элите российской нации, посвящается эта книга.

ОКСАНА ЗАХАРОВА

*Дальняя
эпоха первой
половины
XIX века*

ГЕРОЯМ 1812 ГОДА
ПОСВЯЩАЕТСЯ

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

УДК 929.395
ББК 63.3-7
3-38

Охраняется законодательством РФ
о защите интеллектуальных прав.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
встрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Художественное оформление
Я. Галеевой

Захарова О.Ю.
3-38 Бальная эпоха первой половины XIX века. Героям
1812 года посвящается / Оксана Захарова. — М.: ЗАО
Издательство Центрполиграф, 2012. — 271 с.

ISBN 978-5-227-03248-5

В последнее время в России необычайно возрос интерес к истории русских балов. Новая книга доктора исторических наук, профессора О.Ю. Захаровой продолжает знакомить читателей с историей бальной культуры России. На сей раз автор подробно рассматривает культуру первой половины XIX столетия.

Танцевальный вечер — это не простое развлечение, а регламентированный ритуал, где важна каждая деталь, начиная от манер поведения и заканчивая костюмом. На балах вершились судьбы народа, создавалось общественное мнение. Автор показывает специфику русского бала, его сложную, противоречивую природу.

В книге представлены программы балов первой половины XIX века, правила хорошего тона, а уникальные ноты и ценные фотографии, многие из которых публикуются впервые, дополняют и украшают издание.

УДК 929.395
ББК 63.3-7

ISBN 978-5-227-03248-5

© Захарова О.Ю., 2012
© ЗАО «Издательство
Центрполиграф», 2012
© Художественное оформле-
ние, ЗАО «Издательство
Центрполиграф», 2012
© Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург, 2012

Дальняя
эпоха первой
половины
XIX века

ГЕНЕРАЛАМ ДВЕНАДЦАТОГО ГОДА

Вы, чьи широкие шинели
Напоминали паруса,
Чьи шпоры весело звенели
И голоса,

И чьи глаза, как бриллианты,
На сердце оставляли след, —
Очаровательные франты
Минувших лет!

Одним ожесточеньем воли
Вы брали сердце и скалу, —
Цари на каждом бранном поле
И на балу <...>

Марина Цветаева

Картины светской жизни Москвы и Петербурга начала XIX столетия

Какой была Москва до 1812 года? Совершим мысленное путешествие по Первопрестольной начала XIX столетия.

Завершив государственную службу, многие знатные вельможи отдыхали в Москве, жизнь в которой была не только радужнее, но и значительно дешевле, чем в Петербурге.

«Богатые в продолжение всей зимы поочередно давали великолепные балы, роскошью в жизни не уступали мелким германским князьям; при великолепных домах они имели церкви, картинные галереи, хоры певчих, оркестры музыкантов, домовые театры, манежи с редкими лошадьми, соколиных и собачьих охотников с огромным числом собак, погребов, наполненные старыми винами», — вспоминал известный балетмейстер своего времени А.П. Глушковский.

На гулянья вельможи выезжали в позолоченных каретах с фамильными гербами, запряженных шестеркой лошадей.

Кучера и фореиторы были в немецких кафтанах и треугольных шляпах, в одной руке кучер держал

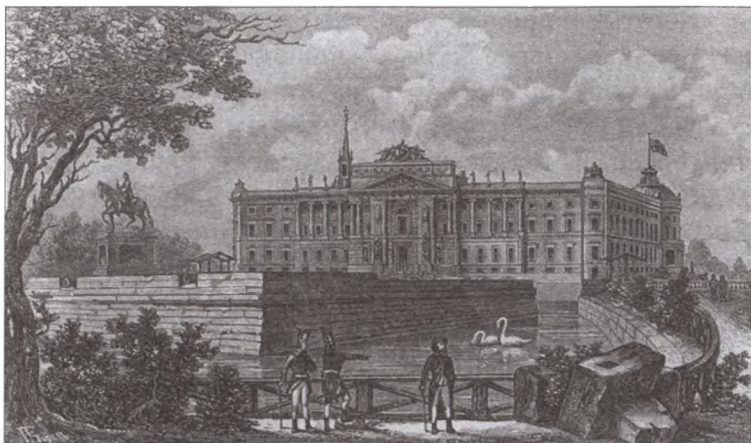
С.С. Жукин. Портрет императора Павла I

вожжи, а в другой — длинный бич, которым пощелкивал по воздуху.

На запятках кареты стояли егерь в шляпе с пером и араб в чалме (или скороход с высоким гусаром в медвежьей шапке).

Как и во времена Екатерины Великой, на балы и купеческие свадьбы приглашали гайдуков (рост не менее трех аршин) в богатых ливреях. Их служба заключалась в том,

чтобы без помощи лестницы поправлять восковые свечи в люстрах. Во время обеда или ужина, когда наступало время пить за здоровье гостей, гайдук появлялся с серебряным подносом, на котором стояли «серебряные вызолоченные бокалы», дворецкий подходил к

Вид Михайловского замка в 1800—1801 гг.

И. Урениус. Петербург. Зимняя канавка. 1815 г.

нему с бутылкой шампанского и наливал в бокалы вино, которое гости пили «под звуки труб и литавр».

С екатерининских времен сохранилась в Москве традиция воспитывать в богатых дворянских семьях маленьких турчанок и калмычек, которых по достижении совершеннолетия выдавали замуж с хорошим приданым.

Любимым местом прогулок московских аристократов был Тверской бульвар. По вечерам князь М.В. Голицын (чей дом находился на углу Бронной и Тверского бульвара) освещал его за свой счет разноцветными фонарями и шкаликами, свет которых, попадая на шлифованные металлические круглые щиты, стоявшие в обоих концах бульвара, отражался на все его пространство. Эти щиты называли в народе «œil de boeuf», то есть «бычий глаз». Во время иллюминации москвичи прохаживались по бульвару под звуки музыки в исполнении музыкантов рогового оркестра князя Голицына.

Тверской бульвар в начале XIX в.

Московские жители того времени не любили поговорку «На брюхе шелк, а в брюхе щелк». Они придерживались другого правила: «Не красна изба углами, а красна пирогами». Гостеприимством славилась не только богатая, но и бедная граждане Первопрестольной.

Что же касается домов московских аристократов, то у них для гостей каждый день был накрыт стол, так что дворяне и талантливые артисты без всякой церемонии приезжали к ним в известные дни обедать и проводили весь вечер «в разных удовольствиях».

Кулачные бои пользовались популярностью не только в среде простого народа. Не гнушались «гладиаторских игр» и некоторые московские аристократы. Так, граф А.Г. Орлов-Чесменский, известный своей необычайной силой (Алексей Григорьевич руками разгибал лошадиные подковы, свертывал в трубочки серебряные рубли), бился у себя дома на кулаках с известным в то время в Москве силачом арабом.

К особым увлечениям москвичей следует отнести также петушинные бои, разведение голубей (не было

*Москва. Вид на Владимирские ворота Китай-города
с Мясницкой улицы*

купеческого дома, где бы не было голубятни), а также слушание соловьиного пения в трактирах.

Московские жители любили оригинальничать. Чтобы обратить на себя внимание, князь Волконский, к примеру, выезжал иногда из дома зимой в санях, сделанных наподобие продолговатой лодки, впереди которой находилась «вызолоченная птичья голова с длинным носом, наклоненным к передку саней, она служила местом для сидения кучера...».

В описываемое нами время в Москве за карточными столами выигрывались и проигрывались целые состояния.

«Мне (А.П. Глушковскому. — *Авт.*) случалось учить детей танцам у многих богатых картежных игроков: по

тому случаю я бывал у них на всех вечеринках и балах. Нигде нельзя было лучше попить, поесть и повеселиться, как у них. Нередко на этих пиршествах бывали цыгане, фокусники и оркестр музыкантов; они платили всегда щедрою рукою. Однажды я сидел в кабинете у знакомого мне игрока Николая Ивановича Квашнина-Самарина, с которым я находился почти на приятельской ноге. Он метал банк всегда на огромные суммы. Я спросил его: «Я думаю, вчерашняя вечеринка вам дорого стоит?» — «Да, — отвечал он, — тысячи две». Тогда я решился сказать ему: «Вы имеете большое семейство, не лучше ли вам поберечь денежки на черный день?» — «Любезный друг, — ответил он, — ты не знаешь наших расчетов: чем роскошнее вечеринка, тем более на ней бывает понтеров, а это банкомету большая выгода; если понтер проиграет тысячу, другую, то говорит: «Зато я хорошо попил, поел и весело время провел», а у другого банкомета, где не допросишься и рюмки ерофеичу, жаль и рубля проиграть. Так, видишь ли, вечеринка стоила мне две тысячи, а приобрел я пять».

Летом народ любил гулять на Воробьевых горах. В то время горы были покрыты лесом, который спасал отдыхающих от летнего зноя. Здесь были раскинуты «палатки для цыган и торгующих местными и питейными продуктами...». Рано утром и вечером с соседних дач приезжали на Воробьевы горы отдыхающие для купания, прогулок и чаепития.

«В летнее время помещики жили в своих подмосковных деревнях; туда приглашали они своих знакомых на пиршества, иллюминировали сады, жгли великолепные фейерверки, музыка гремела в обширных залах дома, молодежь до полуночи танцевала, все дышало весельем».

О. Кадоль. Москва. Кузнецкий Мост. 1825 г.

Нельзя без улыбки читать в воспоминаниях современников о московских партикулярных балах начала столетия.

«Москвичи отличались не только радушием, но и заметной оригинальностью в приглашении и приеме гостей.

К примеру, вы пожелали поздравить соседку с именинами. В положенный день вы подъезжаете к ее дому, а швейцар вам объявляет, что вас покорнейше просят на вечер. «А много у вас будет гостей?» — «Да, приглашают всех, кто приедет утром, а *званых* нет; *тихий* бал назначен».

Вечером на «тихий бал» к А.С. Небольсиной (а именно к ней мы прибыли с поздравлениями) пожаловала вся Москва. Экипажи тянулись по обеим сторонам Поварской до Арбатских ворот.

Именинница умела принимать гостей: будь то главнокомандующий или студент: каждому поклон, каждому ласковое слово. Делай что хочешь — играй, разговаривай, молчи, ходи, сиди, «только не спорь слишком

громогласно и с запальчивостью; этого хозяйка боится».

В конце XVIII — начале XIX столетия бал открывал так называемый «длинный польский». Степенные старички и старушки щеголевато кланяются и приседают.

Вот начинается так называемый «отбой»: не попавшие в «польский» мужчины один за другим останавливают первую пару и, хлопнув в ладоши, отбивают даму; кавалеры отвоеванных дам переходят к другой. Последний кавалер или идет к картам, или, сопровождаемый словами «Устал!», «В отставку!», «На покой!», бежит к первой паре и отбивает даму.

Затем «длинный польский» превращался в «круглый», с попарными выходами и обходами, большими и малыми кругами, крестами, цепью и т. д.

По окончании «польского» «рисуется» менуэт, выстраивается в два ряда экосез или англес, потом следуют кадрили с вальсом, за ними «манимаска или краковяк, пергурдин или матрадура. В заключение горлица или метелица. После ужина — тампет или попури».

Особенность московских балов состояла также в том, что зачастую дам было больше, чем кавалеров, что вполне объяснимо — главные танцоры военные, а гвардия стоит в Петербурге.

Учитывая серьезность проблемы, во время подготовки одного из праздников графиня А.А. Орлова поручила знакомым дамам «вербовать хороших кавалеров».

Е.А. Муромцева обратилась с подобной просьбой к С.П. Жихареву¹, чтобы тот сопровождал ее на бал к Орловым.

¹ Ж и х а р е в С.П. (1788—1860) — тайный советник, сенатор; приобрел большую известность благодаря своему дневнику, который он вел, по его словам, 48 лет.

«Но я решительно танцевать не умею, — сказал я, — застенчив и неловок». — «*Et pourtant vous avez dancé chez les Werevkiens et vous dansez souvent chez les Lobkoff, comme si je ne le savais pas*»¹. — «Это правда, но у Веревкиных был бал запросто, а у Лобковых я танцую pour rire² в своем кружке, да и не танцую, а прыгаю козлом». — «А у Орловых будешь прыгать бараном — вот и вся разница! Болтай себе без умолку с своей дамой — и не заметят, как танцуешь». Я отнекивался, но мне Катерина Александровна решительно объявила: «*Vous irez, mon cher; je le veux absolument: a votre âge on ne refuse pas un bal comme celui du comte Orloff, ni une femme qui vous a vu naître. C'est ridicule!*»³

Делать нечего, буду снаряжать свой бальный костюм: пюсовый фрак и белый жилет с поджилетком из турецкой шали. Разоденусь хватом!»

Несмотря на грандиозный размах, бал у Орлова напоминал большой семейный вечер. «Могучий хозяин» граф А.Г. Орлов-Чесменский сидел в углу передней и распивал чай с почетными гостями, которые что-то друг другу рассказывали и при этом весело хохотали.

После ужина, который завершился в одиннадцать часов, Орлов приказал музыкантам играть русскую песню «Я по цветикам ходил» и заставил графиню плясать по-русски.

В других танцах постоянными кавалерами Анны Алексеевны были губернский предводитель Даш-

¹ И все-таки вы танцевали у Веревкиных и часто танцуете у Лобковых; как будто я этого не знаю (*фр.*).

² Для смеху (*фр.*).

³ Поедешь, мой милый; я решительно хочу этого. В твоём возрасте не отказываются ни от такого бала, как у графа Орлова, ни от такой женщины, которая видела тебя в пеленках. Это дико! (*фр.*)

*И.В. Баженов. Графиня
А.А. Орлова-Чесменская.
1838 г.*

ков¹ и поэт И.И. Козлов (автор «Чернеца»), танцующие мастерски.

В половине второго граф остановил танцы, закричав: «Пора по домам!»

Прощаясь с дамами, Орлов некоторых позволял себе обнять, другим целовал руки, третьих трепал по плечу и говорил им «ты».

Графиня Анна Алексеевна Орлова-Чесменская приводила отцовских гостей в восторг своей русской пляской.

Одним из ее поклонников был князь А.Б. Куракин, который до такой степени украшал себя бриллиантами, что, по словам Ф.В. Ростопчина, напоминал светящийся фонарь. Версальский щеголь так и не дождался расположения графини. Среди многих поклонников она выбрала сына графа М.Ф. Каменского — доблестного воина графа М.М. Каменского. Его смерть на турецкой войне стала первым страшным ударом для Анны Алексеевны. Второй последовал в 1808 году, когда она лишилась отца.

Дядя, граф В.Г. Орлов, был человек иного склада, чем Алехан, хозяйственный, рассудительный, по складу своего характера он не мог заменить графине Орловой отца — одного из самых ярких представителей XVIII столетия.

¹ Дашков отличился не только танцами, но и тем, что в ответ на предложение англичан продать им своих собак, имевших огромный рост и необыкновенно красивую шерсть, ответил: «Русский барин собаками не торгует».

Граф А.Г. Орлов-Чесменский доживал свой век в Москве. «Какое-то очарование окружало богатыря Великой Екатерины, отдыхавшего на лаврах в простоте частной жизни, и привлекало к нему любовь народную. Неограниченно было уважение к нему всех сословий Москвы, и это общее уважение было данью не сану богатого вельможи, но личным его качествам». Сердца москвичей покоряли не только могучая сила духа, радушие и доступность графа, но и следование русским традициям в обыденной жизни. Один из современников Орлова, заслуженный профессор Московского университета П.И. Страхов, в своих воспоминаниях рисовал картину появления графа на улицах Москвы:

*Неизв. художник.
Граф А.Г. Орлов-Чесменский*

«И вот молва вполголоса бежит с губ на губы: «Едет, едет, изволит ехать». Все головы оборачиваются в сторону к дому графа А.Г.; множество любопытных зрителей всякого звания и лет разом скидают шапки долой с голов, а так, бывало, тихо и медленно опять надеваются на головы, когда граф объедет кругом.

Какой рост, какая вельможная осанка, какой важный и благородный и вместе добрый, приветливый взгляд! Такое-то почтение привлекал к себе любезный москвичам боярин, щедро наделенный всеми дарами: и красотой разума, и силой телесной».

Н.Е. Сверчков. А.Г. Орлов-Чесменский в сани на Барсе

Во время московских гуляний граф красовался на знаменитом своем коне Свирепом, выезжая в пышных поездах с огромной свитой.

В манеже А.Г. Орлова, находившемся в его усадьбе Нескучное, устраивались карусели, на которых дочь графа Анна Алексеевна поражала зрителей тем, что на всем скаку копьём выдергивала ввернутые в стены манежа кольца и срубала картонные головы манекенов в чалмах и рыцарских шлемах. В определенные часы в манеже собирались известные любители верховой езды, среди них — княгиня Урусова, княжны Гагарины, Щербатова, Е.А. Карамзина, муж которой, известный историк Н.М. Карамзин, ездил ежедневно по утрам для моциона.

Жихарев упоминает в своем дневнике, что в конце марта 1805 года у графа Салтыкова «затеваются боль-

шая карусель, только не условились еще в назначении распорядителя».

Помощник Кина, отличный наездник красавец берейтор Шульц, стал главным берейтором последней конной российской карусели, состоявшейся в 1811 году в Москве. Ее инициатором был генерал от кавалерии С.С. Апраксин, участник крымских походов Потемкина, с 1803 года — военный губернатор Смоленска.

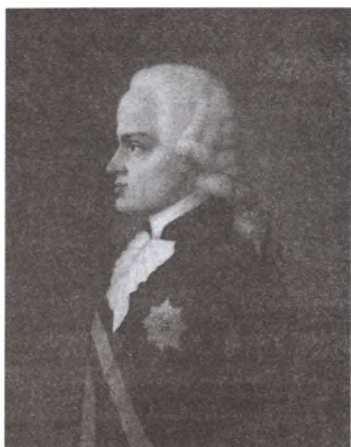

*Неизв. художник. Князь
И.С. Барятинский*

Главным судьей карусели 1811 года был главнокомандующий граф И.В. Гудович. К числу судей этого состязания принадлежали выдающиеся люди своего времени, среди них — русский посланник в Париже князь И.С. Барятинский, московский гражданский губернатор Н.В. Обресков, герой битвы при Аустерлице Ф.П. Уваров. Главным церемониймейстером карусели стал князь В.А. Хованский, а герольдмейстером — родной дед графа Л.Н. Толстого — И.А. Толстой.

Московская карусель 1811 года устраивалась частными лицами по подписке. Список почетных членов включал 31 человека. Первое место принадлежало графине А.А. Орловой-Чесменской. Второй шла Е.В. Апраксина, урожденная княгиня Голицына, дочь победительницы первой карусели 1766 года Н.П. Голицыной.

Здесь мы встречаем имена известных литераторов того времени — князя И.А. Долгорукова и сенатора

*Неизв. художник.
П.Г. Демидов*

Ю.А. Нелединского-Мелецкого, героя Турецкой кампании 1806—1810 годов генерал-майора А.Н. Бахметева и юного камер-юнкера князя П.А. Вяземского.

Среди жертвователей был и П.Г. Демидов, подаривший Московскому университету свою библиотеку, на его же средства в 1805 году было открыто в Ярославле Демидовское высших наук училище.

Взносы почетных гостей пошли на приобретение костюмов, призов, устройство бала и другие расходы. Для проведения карусели напротив Александровского дворца и Нескучного сада по проекту Ф.И. Кампорези был выстроен амфитеатр в окружности до 350 сажень с галереями и ложами для пяти тысяч человек.

Москва была взбуждена предстоящими состязаниями, участие в которых для молодого дворянина было делом чести. Карусель проводилась 20 и 25 июня 1811 года. По первому сигналу на карусельную арену выезжали рыцарские кадрили: военная, галльская, венгерская и рыцарская русская. Все рыцари были на лошадях редкой красоты с богатыми чепраками. Проехав несколько раз перед ложами, рыцари производили упражнения с копьём, пистолетом и шпагой. Завершив туры, кавалер останавливался в центре арены перед судейской ложей. Судьи подсчитывали набранные каждым участником очки и определяли четырех

призеров, которым дамы вручали призы под звуки труб и литавр.

Победителем карусели 20 июня был признан двора его императорского величества камер-юнкер граф А.И. Апраксин, награжденный пистолетами Кухенрейтера. За первое место на карусели 25 июня получил золотую медаль граф А.П. Апраксин. Среди победителей карусели 1811 года — князь Д.П. Волконский, А.Л. Демидов, А.И. Шепелев. Специального приза от дам, красного шарфа с надписью «Отважность в юности — залог доблести зрелых лет», удостоился неизвестный рыцарь за «ловкую, быструю и красивую езду». Когда он поднял забрало, все узнали Александра Всеволодовича Всеволожского.

Карусель 1811 года была благотворительной. Собранную сумму кавалеры раздавали находящимся в Москве раненым солдатам, бедным офицерам, вдовам и другим нуждающимся. Деньги шли также на выкуп тех, кто находился за долги под арестом. С той поры карусели в России пошли на убыль. Они стали проводиться уже без воинских упражнений, в сущности, это было исполнение дамами и кавалерами на лошадях различных танцев.

Императрица Александра Федоровна не знала равных в грациозности не только на бальном паркете, но и в манеже. Среди светских дам одними из лучших наездниц своего времени считались А.О. Смирнова-Россет и А.А. Оленина.

Как справедливо отмечает в своем исследовании, посвященном графине А.А. Орловой-Чесменской, граф С.Д. Шереметев: «Графиня Анна и ее подруги были женщины сильного духа, крепкого закала, возвышенного строя мыслей и незаурядного по тому времени образования». Для подрастающего поколения они яв-

*В.И. Гау. А.А. Оленина.
Фрагмент. 1839 г.*

лялись «примером долга и христианской добродетели». А.А. Орлова представляла настоящую старую не «грибоедовскую» Москву, о которой блестяще написал князь П.А. Вяземский: «Пора наконец перестать искать Москву в комедии Грибоедова. Это разве только часть закоулков Москвы. Рядом и над этой выставленною Москвою была другая, светлая, образованная Москва. Вольно же было Чацкому закабалить себя в

темной Москве. Впрочем, в каждом городе не только у нас, но и за границей найдутся и другие лица, сбивающиеся на лица, возникшие под кистью нашего комика. Суетность, низкопоклонство, сплетни и все тому подобное — не одной Москвы прирожденное свойство: найдешь их и в других европейских городах».

Москва стремилась ни в чем не уступать Петербургу, в том числе и в удовольствиях светской жизни. Гений танцевального искусства господин Йогель давал в Благородном собрании маскарады для своих учеников, на которые съезжалось до двух тысяч гостей. А по воскресеньям юных москвичей сажали в карету (по восемь человек) и отправляли на бега на Москву-реку, где за пятак серебром можно было купить у продавцов конфеты, сладости (каждая по копейке) и, раскрыв разные фигурки дома, достать оттуда билетки со стихами.

В конце XVIII — начале XIX столетия отношения детей и родителей не были такими панибратскими. С

родителями общались утром, во время обеда, чая и за ужином. В разговор дети вступали только после того, как старшие обращались к ним с каким-либо вопросом. «Мы наших родителей боялись, любили и почитали. Теперь дети отца и матери не боятся, а больше ли от этого любят их — не знаю <...> и, право, лучше было, больше чтили старших, было больше порядку в семьях и благочестия...» — вспоминала о годах своего детства в начале 50-х годов XIX столетия Е.П. Янькова.

Своих старших дочерей Елизавета Петровна возила обучаться танцевальному искусству к Пушкиным, которые жили в 1809—1810 годах «где-то за Разгуляем, у Елохова моста».

Дочери Елизаветы Петровны обучались танцевальному искусству вместе с А.С. Грибоедовым и О.С. Пушкиной (сестрой поэта), М.С. Грибоедовой (впоследствии талантливой арфисткой, сестрой А.С. Грибоедова) и другими детьми.

Александр Пушкин не отличался особой грацией, он был весьма неловок, а потому над ним часто посмеивались. Обиженный, он уходил в угол, где мог весь вечер просидеть на стуле.

Бабушка поэта М.А. Ганнибал, женщина дельная и рассудительная, не раз говорила о своем внуке: «Не знаю, матушка, что выйдет из моего старшего внука: мальчик умен и охотник до книжек, а учится плохо, редко когда урок свой сдаст порядком: то его не расшевелишь, не прогонишь играть с детьми, то вдруг так развернется и расходится, что его ничем не уймешь; из одной крайности в другую бросается, нет у него середины. Бог знает, чем это все кончится, ежели он не переменится».

Доставалось Александру Сергеевичу и за его внешний вид. В сравнении с А.С. Грибоедовым он выгля-

*А.Е. Мартынов. Вид на пандус, зеркальную площадку
и часть Камероновой галереи. Начало XIX в.*

дел «рохлей и замарашкой», но при этом обладал удивительными, очень живыми глазами, «из которых искры так и сыпались».

В 1814 году семья Пушкиных переехала в Петербург, а до их приезда в июле 1811 года сюда был привезен будущий поэт для определения в Царскосельский лицей.

Радужная, хлебосольная Москва осталась в детских воспоминаниях, взрослая жизнь начиналась в Петербурге, где молодые люди из лучших дворянских фамилий стремились поступить на службу в гвардию.

С начала воцарения Александра I общественная жизнь Петербурга заметно оживилась.

В зимние дни на Дворцовой и Английской набережных, между 12 и 3 часами, вы всегда могли

встретить представителей высшего света: блестящих офицеров, важных государственных лиц, иностранных дипломатов, великосветских львов и конечно же очаровательных дам, щеголявших в нарядах, сшитых по последней французской моде.

Это было время двух европейских правителей. Один, стоявший тогда во главе еще Французской республики, уже успел наполнить Европу славой своего имени, завоевал Египет, победил при Маренго. Но Наполеону еще предстояло стать императором, в то время как Александр Павлович был им не только по крови, но и по духу, при этом не стоит забывать, что добродетели отражаются в манерах, и, чтобы убедиться в этом, отправимся днем на прогулку на Дворцовую набережную.

В наше время даже трудно вообразить, что глава державы просто так, запросто, прохаживается по улицам города, останавливается, обмениваясь несколькими словами с представленными ему лицами, и даже иногда заходит невзначай к знакомым.

Так, в один из зимних дней фельдмаршалу Салтыкову сообщили, что государь вошел в прихожую, спросил о здоровье своего наставника и поднимается по лестнице.

Подойдя к большим креслам, в которых сидел старый фельдмаршал, император стоя разговаривал с ним, пока тот не пригласил его сесть словами: «Садись, батюшка».

*С.С. Жукин. Император
Александр I*

*Литография А. Мартынова. Летний сад и набережная
Фонтанки. 1820-е гг.*

«Благородные манеры — признак благородной души и просвещенного ума» — наши предки хорошо помнили эту истину.

Здесь же, на набережной, в каретах, появлялись императрицы, в сопровождении наставников прогуливались великие князья Николай и Михаил, реже всех показывался Константин Павлович.

Император жил летом в Каменноостровском дворце, а общество селилось на соседних островах. Оставшиеся в городе отправлялись гулять на острова и на Черную речку. По Неве и ее протокам скользило множество лодок. За лодкой знатного лица следовала лодка с духовой музыкой или с певцами-лодочниками, услаждавшими слух то отрывками из опер, то танцевальными пьесами, то народными песнями. Эту чудесную картину можно было наблюдать вплоть до восхода солнца.

Русская щедрость привлекала многих заезжих знаменитостей.

*С. Щедрин. Вид Каменного острова и дворца
в Санкт-Петербурге. 1803 г.*

Так, известный танцовщик Дюпор составил из русских танцовщиц балетную труппу, которая соперничала с подобными труппами Италии и Франции. Придворные маскарады Петербурга были весьма своеобразны. Их особенность заключалась прежде всего в том, что при неограниченном правлении стиль общения на подобных праздниках отличался простотой и естественностью.

На Новый год в день маскарада во дворец допускались не только военные и чиновники всех классов, но и купцы, мещане, лавочники, ремесленники и даже крестьяне, в том числе «прилично одетые» крепостные.

Представители разных сословий толкались и теснились в залах дворца, и никто не чувствовал себя

униженным, напротив, подобные собрания свидетельствовали о признании властями значимости каждого сословия Российской империи. Фраки, сюртуки, кафтаны, бальные платья, расшитые жемчугами, военные и штатские мундиры составляли картину необычную и незабываемую (маски в этот день не допускались).

Во время шествия в «польском» из одного зала в другой император иногда с трудом мог пройти через толпу, желавшую лучше рассмотреть монарха.

При этом августейшие лица «милостиво и приветливо относились к народу, который стекался на царское гостеприимство». Гости не только разглядывали высших сановников, но буквально осаждали многочисленные буфеты с золотой и серебряной посудой, с прохладительными напитками, пивом, медом, квасом и другими разнообразными угощениями.

На этих праздниках иногда присутствовало от 25 до 30 тысяч человек. Иностранцы удивлялись порядку в Зимнем дворце, «приличию толпы и доверчивости государя к своим подданным, которые с любовью, преданностью и чувством самодовольства теснились вокруг него в течение 5 или 6 часов».

Подобные праздники давались на Новый год и в царствование Николая Павловича¹.

Постоянные войны, которые вела Россия в начале XIX столетия, вынуждали императора достаточно часто покидать столицу.

Отсутствие Александра Павловича заметным образом оказывало влияние на характер светской жизни Петербурга начала XIX столетия.

¹ См.: Захарова О.Ю. Светские церемониалы в России XVIII — начала XX в. М., 2001. С. 141–142.

В 1807 году, находясь в Петербурге, Жихарев вновь попал в ситуацию, с которой примерно год назад столкнулся в Москве. Как и тогда, во время отсутствия гвардии в городе почти не осталось хороших танцоров, и, чтобы «помочь горю», граф Соллогуб набрал из штатских «мастеров бального дела».

Одной из дам, протанцевавшей у графини Салтыковой целую ночь (от десяти часов вечера до пяти утра), Жихарев посоветовал беречь себя и свою красоту, которая от бессонных ночей и от «неумеренных танцев» может пострадать.

«А на что мне красота? — возразила она. — Я замужем и прельщать никого не намерена. Годом прежде, годом после, а все же надобно будет подурнеть и состариться: по крайней мере, пока время не ушло, напрыгаюсь и навеселюсь вдоволь, а там и примусь за нравоучения своим детям». Это в своем роде также логика. Я спрашивал, справилась ли с кавалерами? «Множество их было, — отвечала она, — и всякого разбора; ловких и неловких; но для меня все равно, какие эти господа ни были бы, лишь бы шаркали по паркету». Ну, и это дело, подумал я. Следовательно, «*Vous n'êtes pas pour les grands sentiments?*»¹ — спросил я опять милую мою хозяйку.

«*Eh? Mon dieu, monsieur, je n'ai jamais-étudié la métaphysique, et en vérité, je ne sais pas à quoi peuvent ils servir*»².

После этой выходки для меня все стало ясно как день, я и вышел от красавицы с новыми познаниями в физиологии женщин. «*Courte et bonne*» [коротко и хорошо], говорят французы; «*Kurz, aber lustig*» [ко-

¹ Вы не поклонница высоких чувств? (*фр.*)

² Ах, месье, я никогда не изучала метафизики и, право, не знаю, на что они нужны (*фр.*).

ротко, но весело], повторяют немцы; а какой смысл дать этим фразам на русском языке — я еще не придумал».

Русские дамы были далеко не так сентиментальны, как принято о них думать.

Дочери «безумного, но мудрого XVIII столетия» в большинстве своем обладали твердой волей, чувством достоинства, достаточно неплохо разбирались в литературе, живописи, музыке, не говоря уже о том, что знание нескольких европейских языков было обычным явлением в дворянской среде.

Светская беседа изящна по форме, но не поверхностна. Дам высшего света трудно понять, «зато не любить невозможно».

Бальные платья, напоминавшие античные туники, демонстрировали все более укоренявшиеся в дворянской среде основные идеи римского морального кодекса, что не могло не сказаться на самом стиле придворной жизни. Поэтому военная молодежь без колебания отвергала в 1807 году приглашения на балы к французскому посланнику, несмотря на Тильзитский договор между Россией и Францией.

Система ценностей определяет правила поведения человека, который, руководствуясь ими, способен изменить мир к лучшему.

В то же время наследники «екатерининских любимцев» стремились не отставать от своих отцов по части устройства великолепных празднеств. В 1913 году в Петербурге состоялась выставка, посвященная придворной жизни с 1613 по 1913 год. В каталоге выставки мы находим описание праздника, устроенного А.Л. Нарышкиным 8 февраля 1808 года:

«Хозяева, ожидая высоких к себе посетителей, употребили всевозможное тщание на украшения для

дома, где, между прочим, комната, приготовленная для принятия во время ужина высочайшей фамилии, отделана была первым декоратором г. Гонзагою, совершенно в новом вкусе, соединяющем в себе великолепие с простотой, богатство с приятностью. Так же отделаны им были две комнаты сопредельные оной; в прочих отделка была лучших в городе мастеров; одним словом, хозяева ничего не щадили, чтобы можно было угостить наилучшим и приятным образом.

В саду, простирающемся от самых окошек дома и оканчивающемся на другой противулежащей улице, устроены были ледяные горы, украшенные архитектурой и освещенные разноцветными огнями.

В восемь часов вечера начался съезд. В девять часов присутствовал уже тут его императорское высочество государь цесаревич и великий князь Константин Павлович. В половине десятого прибыть соизволил государь император с императрицами и со всею высочайшею фамилиею; и когда их императорские величества выходили из карет, в то время у крыльца загремела музыка, а хозяева имели счастье тут встретить и препроводить их в среднюю залу, где находилось уже более семи сот приглашенных особ, и где вдруг, к общему всех удивлению, стена, в конце зала сего находящаяся, исчезла, представя декорацию с действующими в полной красоте (произведения живописца г. Корсини), она изображала гроту, которой глубина, теряясь из виду, представляла низпадающие с вершин утесов два источника, в стремлении своем составляющие в разных местах каскады и ручейки, где Нимфы резвились, Наяды плавали, Тритоны катались на Дельфинах, а посреди оных на камне, исходящем из воды, сидел Амур. При подошве гроты, окруженной

приятными видами рощи и пригорков; произведены были танцы, составленные г. Дидло из воспитывающихся в императорской театральной школе. Балет сей как замысловатым своим расположением, так и разнообразием приятнейших видов групп во время танцев привел всех в восхищение, обособливо танец г-жи Икониной был пленителен.

По окончании оного начался бал и катанье с гор; а через несколько минут в том месте, где пред сим была сцена, поднят был занавес и открылось новое отделение комнат, ведущих к тем, где учреждены были ужинные столы для высочайшей фамилии и для всех прочих посетителей. В час пополудни бал прерван был возвещением об ужине изобилием и роскошью приуготовленным. После ужина высочайшие посетители, возвратясь в большую залу, возобновили бал, и в то же время зажжен был в саду перед домом большой фейерверк, где между многими огненными явлениями зрелись четыре пальмы необычайной величины, составленные из зеленого огня. Бал продолжался в присутствии его императорского величества и их императорских величеств государынь императриц и всей высочайшей фамилии до пятого часа утра.

Сколько праздник сей не заключал в себе великолепия и пышности, но не могло ничто равняться с усердием и приветливостью хозяев, желавших доставить удовольствие посетившим их».

На Петергофской дороге у Красной мызы располагался великолепный сад А.Л. Нарышкина, при входе в который была выставлена доска с надписью: «Приглашаем всех городских жителей воспользоваться свежим воздухом и прогулкою в саду, для рассыпания мыслей и соблюдения здоровья».

На Шлиссельбургском тракте также находились великолепные парки, доступные для публики: князя Вяземского, Зиновьева, Апраксина, Шереметева и многих других.

В 1808 году Россия воевала со Швецией на территории Финляндии. Командуя 21-й пехотной дивизией, князь П.И. Багратион нанес шведским войскам несколько поражений, в марте 1809 года принял участие в походе по льду Ботнического залива. Через трое суток колонна Багратиона заняла Аландские острова, а авангард достиг шведского берега.

Суворовский любимец, чье имя было окружено ярким ореолом воинской славы, был с триумфом встречен в Петербурге. В его честь писались стихи и кантаты, давались балы и обеды. Портреты героя расходились во множестве. Петр Иванович обладал удивительно располагающей внешностью. «Среднего роста, сухощавый, с типичным восточным лицом, он держал себя крайне скромно, но с большим достоинством».

Среди восторженных почитателей Багратиона была великая княгиня Екатерина Павловна.

Царская семья всполошилась. Девушку выдали замуж за принца Ольденбургского, а Багратион получил назначение главнокомандующим Дунайской армией.

В приказах П.И. Багратиона мы читаем: «Солдата нужно учить и готовить быть победителем, а не из-

*Д. Доу.
Генерал от инфантерии
князь П.И. Багратион*

*Акварель К. Беггрова. Петербург. Триумфальные ворота.
1820-е гг.*

нурять...», «Всякий начальник должен стремиться приобрести любовь и доверие своих подчиненных и никогда не должен пренебрегать ими как единственными своими сотрудниками, с коими разделит славу...».

В дни решающих сражений большинство генералов появлялось перед войсками в общегенеральском мундире с золотым шитьем в виде дубовых листьев на воротнике, введенном в 1808 году. Накануне битвы «люди переодевались в чистое белье, тщательно брились, надевали парадные мундиры, ордена, белые перчатки, султаны на киверах и т. д.».

Именно таким изображен на портрете, находящемся в Военной галерее Зимнего дворца, князь Петр Иванович Багратион. Именно таким полки последний раз увидели его на Бородинском поле...

Париж времен консульства и империи

Зимний сезон 1800 года в Париже был поистине блестящим. Люсьен Бонапарт (брат Наполеона) жил в доме Министерства внутренних дел и давал великолепные праздники в специально построенной для этого галерее бывшим владельцем особняка герцогом Бриссаком.

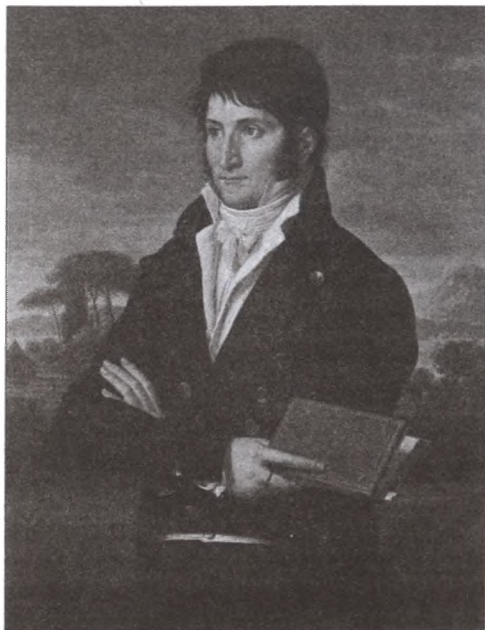
В конце галереи с видом царственной особы обычно восседала госпожа Бонапарт, которую все приглашенные на бал дамы приветствовали стоя, иногда она входила в зал в сопровождении супруги Люсьена Бонапарта — добродушной Христины, которая мило улыбалась собравшимся гостям праздника.

Казалось бы, в подобном выходе для Христины Бонапарт не было ничего унижительного, но, согласно светским и фамильным приличиям, Жозефине следовало войти с Христиной в зал, держась за руки, а не заставляя последнюю мило семенить впереди или позади себя. Подобным поведением, пренебрегая правилами этикета, супруга первого консула подчеркивала свою неприязнь к брату Наполеона.

Как и на любом церемониале, на балу сохраняется социальная иерархия, но здесь она не столь заметна, как во время проведения других ритуалов. К тому же именно бал позволяет женщине почувствовать себя истинной королевой. Здесь она повелевает умами, здесь все обязаны ей служить и ею восхищаться.

На описываемом нами балу подлинной королевой праздника была госпожа Мишен, чье имя тогда гремело по всему Парижу.

Вернувшись не так давно из Италии, она заставила всех присутствующих обратить на себя внимание весьма оригинальным для того времени костюмом. На

Люсьен Бонапарт, брат Наполеона

ней было платье из тончайшей индийской кисеи, со множеством складок, которые закрывали грудь и немного руки. Голову красавицы украшал тюрбан из еще более тонкой ткани, чем кисея платья. Если бы не золотая повязка на лбу госпожи Мишен, то могло показаться, что в зале находится великолепная алебастровая статуя. Впрочем, как только начиналось общение, то вся холодность исчезала и вы видели высокую, стройную женщину с прелестными глазами, а отсутствие на лице косметики еще больше подчеркивало ее природную красоту. Добавьте к этому великолепные манеры, и нам станет понятно, почему современники, один раз увидев эту даму, помнили о ней долгие годы.

Жозефина (Мари Роза Жозефа Таше де Ла Пажери)

Одним из самых знаменитых балов того времени в Париже был свадебный прием в доме госпожи Пермон, матери герцогини Абрантес. День праздника назначил сам первый консул (20 брюмера).

Лестницу и сени особняка украшали цветы и зеленеющие деревья. Предметы, освещенные цветными фонарями, казались волшебными.

*Летиция Рамолино,
мать Наполеона*

Хозяйка дома была восхи-
тительна в своем белоснеж-
ном «греческом» платье, за-
стегнутом на плечах двумя
бриллиантовыми аграфами.
На ней не было ни ожере-
лий, ни дорогих камней,
только бриллиантовые серь-
ги в ушах и живые цветы в
волосах. Все вместе состав-
ляло очаровательный балъ-
ный наряд, в котором каждая
деталь была продумана до
мельчайших подробностей.

Госпожу Бонапарт, приехавшую около девяти ча-
сов, с дочерью и сыном, госпожа Пермон встретила в
середине столовой (для других женщин она не выхо-
дила дальше дверей гостиной)

Бонапарт не мог прибыть к началу бала, он был
очень занят и просил передать, чтобы его не ждали к
первому контрдансу.

Бал начался около девяти с половиной часов. Сва-
дебный прием немыслим без королевского менуэта,
поэтому невеста за три недели до праздника возобно-
вила уроки танцев у Гарделя, чтобы «несчастный ме-
нуэт <...> шел как можно лучше».

К счастью для герцогини Абрантес, уже прошли те
времена, когда менуэт танцевали три-четыре, а иногда
и семь раз в течение вечера.

В половине одиннадцатого генерала Бонапарта еще
не было, в то время как гостиные были буквально на-
биты гостями. Но вот без четверти одиннадцать к
подъезду подъехала карета первого консула, который
быстро вошел в первый зал и в ответ на поклон хо-

*Элиза Бонапарт, великая герцогиня Тосканская,
сестра Наполеона*

зайки дома сказал: «Как, госпожа Пермон? Разве так встречают старого друга?» Он потянул к ней руку, она подала свою, и они вошли в танцевальный зал.

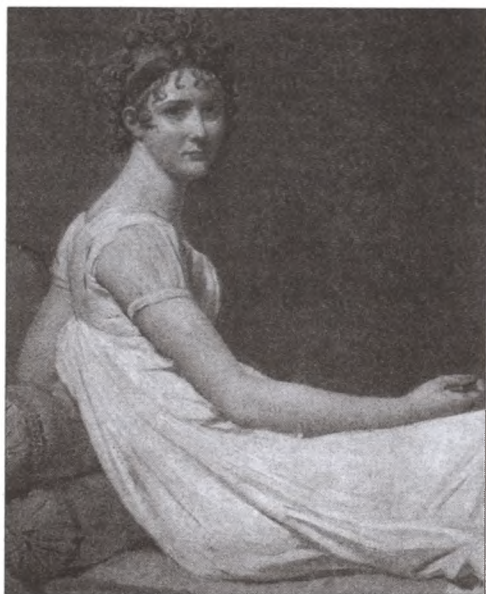
Бонапарт заметил, что некоторые из дам, находившиеся в гостиной, не встали в его присутствии и что гости перестали танцевать. «Пусть опять танцуют, госпожа Пермон!» <...> «Молодые люди должны весе-

Ж.О. Энгр. Бонапарт — первый консул

литься, а они всего больше любят танцы. Кстати, об этом: говорят, что ваша дочь танцует как девица Шимруа (танцовщица в опере. — *Авт.*). Мне надобно видеть это. Если угодно, и мы протанцуем топасо, единственный танец, который я знаю».

Уделив внимание гостям, Наполеон уединился в одной из гостиных с Талейраном, где они беседовали

Ж.-Л. Давид. Мадам Рекамье. Фрагмент

больше трех четвертей часа. Наконец настало время для менюэта. Невеста достойно справилась с танцем и заслужила похвалы присутствующих. В два часа ночи Наполеон приказал подать свою карету, на ужин он не остался.

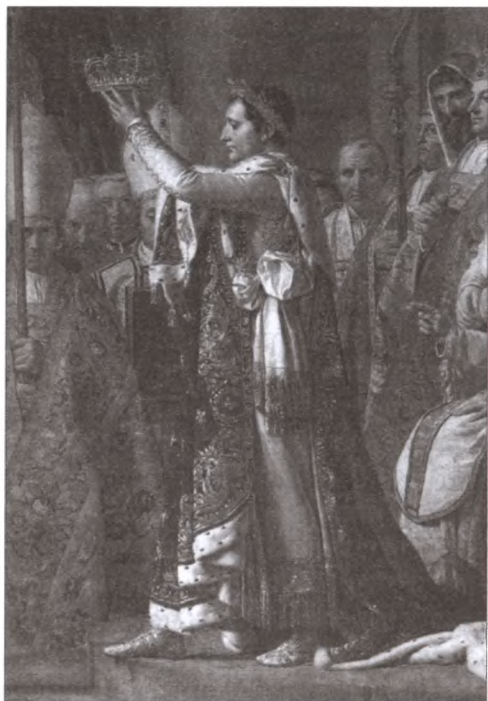
Красивейшие женщины Парижа собирались на балах в доме генерала Шпренгпортена, который был прислан в Париж императором Павлом I, для установления дипломатических отношений между Россией и Францией.

Здесь вы могли увидеть ту, чья красота вдохновляла художников на создание замечательных произведений. «Ее взгляд нежен и пронизателен; ее улыбка пленительна; ее слова приятны, выражение голоса мелодическое. <...> В ней соединены просто душевная

Ф. Жерар. Мадам Рекамье. Фрагмент

прелесть, нежность, доброта, и все это в таком согласии, которое одно уже составляет очарование. <...> Часто я находила в ней сходство с Мадоннами благоговейных живописцев Италии. <...> Душа оживляла глаза ее, проникала сквозь длинные, опущенные ресницы. <...> Она видела в природе только радость и отвечала на приветствия любви <...> молчаливым выра-

*Ж.-Л. Давид. Коронация Наполеона 2 декабря 1804 г.
Наполеон возлагает корону на голову Жозефины. Фрагмент*

жением благодарности. Она благодарила жизнь за то, что жизнь так прелестна и радостна», — вспоминала о мадам Рекамье герцогиня Абрантес.

В доме банкира Рекамье давались блестящие праздники для иностранцев. Путешественники из Италии, Швейцарии, Англии, Германии наслаждались парижским шиком также в домах Перрего, Сегена, Генгерло.

Русские стали приезжать после немцев, но окончательное сближение с петербургским двором замедлилось ввиду неопределенности русско-французских отношений.

Став императором, Наполеон решил сделать свой двор самым блестящим в Европе. Несмотря на личную неприязнь к Людовику XIV, именно его двор был выбран образцом для подражания.

Бонапарт любил слушать рассказы о жалком состоянии, в котором пребывают правители Испании и Португалии, любуясь при этом блеском собственных сокровищ. Дух революционного Парижа стремительно вытеснялся духом имперским — жаждой величия, почестей, славы. Церемониал призван поддерживать престиж власти, ее имидж и, главное, политику. Революционному собранию нужны митинги и шествия, двору императора — военные смотры и балы.

Танец, который объединяет военное и светское начала, является кадрили. Поэтому не случайно именно кадрили откроет новую страницу светской жизни имперской столицы Франции.

Первая кадрили в Париже после революции состояла из четырех цветов: белого, зеленого, красного и голубого. На дамах в белом были бриллианты, в красном — рубины, в зеленом — изумруды, в голубом — бирюза и сапфиры. Дамский костюм состоял из белого платья, обшитого серебром с атласными вставками цвета кадрили, на голове — черный бархатный убор с двумя белыми перьями.

Мужчины щеголяли в наряде из белого бархата с завязанным на боку шарфом (цвета кадрили). Головной убор мужчин был таким же, как у дам, что не могло не веселить многих присутствующих. Накануне праздника регулярно устраивались репетиции кадрили, на которые публика съезжалась по утрам и где дамы старались затмить друг друга своими нарядами, важной составляющей которого была кашемировая шаль. Во время танцев они сбрасывали ее на специальные скамейки.

На одной из репетиций у одной из дам была похищена прелестная белая шаль. Бедняжка сначала пришла в бешенство, потом впала в отчаяние, но шаль так и не нашлась. Впоследствии на балу у морского министра шаль была замечена на одной из девушек и возвращена владелице.

Великое искушение модой. На что только не идут женщины, чтобы угодить ее прихотям!

Несмотря на весну, балы в Париже продолжались.

Император хотел, чтобы двор блистал, а без проведения праздников и балов это невозможно. Сам Наполеон предпочитал если не уединение, то «жизнь спокойную в деятельности», то есть он бы предпочел проскакать десять лье галопом на лошади, так как активное движение не мешало работе его мысли.

«На бале, на празднике он поневоле занимался женщинами и мужчинами и говорил им фразы в доказательство, что властитель занимается ими. Но сколько ни противен был Наполеону этот шумный род жизни, он видел необходимость его», — вспоминала герцогиня Абрантес.

В имперском Париже революционные традиции столь стремительно уходили в прошлое, что на ужине после бала, который давал военный министр по случаю коронации, присутствующие с удивлением вспоминали, что в «прекрасное время свободы» аристократию

Ж.О. Энгр.
Мадемуазель Ривьер

Н. Госсе. Наполеон в Тильзите, 1807 г. Рядом с Наполеоном Александр I, прусская королева Луиза и Фридрих-Вильгельм III

заставляли «братски обедать на улице <...> и отрезали голову тому, кто не шел туда кушать с чистильщиком улиц, несмотря ни на какой дождь <...>».

Завоевать в Париже титул самой элегантной дамы весьма непросто, но еще сложнее завоевать мужчине право называться самым приятным человеком в обществе, особенно если вы иностранец, да к тому же военный чиновник, прибывший из России.

Получивший прекрасное домашнее воспитание полковник А.И. Чернышев сумел завести обширные знакомства в высших парижских кругах, сам Наполеон приглашал его на охоту и обеды. Покоритель женских сердец, по-светски обходительный, Чернышев стал еще более популярен в Париже, после печально знаменитого бала у австрийского посла князя Шварценберга, когда во время пожара русский офицер не потерял самообладания и помог спасению гостей праздника, среди которых были жены высокопоставленных лиц.

Один из «приятных кавалеров» Парижа получал в светских гостиных важную информацию, которую в период 1810—1812 годов отправлял в Петербург.

В своих действиях А.И. Чернышев, ставший при Николае I фактически вторым человеком в империи, исходил из тезиса: «В политике, так же как и в военном искусстве, главное правило заключается в том, чтобы делать противное тому, чего желает противник».

За Чернышевым давно следили. К счастью для Александра Ивановича, в феврале 1812 года ему удалось благополучно покинуть Париж.

«Знаете ли вы в истории более красивую эпоху, чем эта наполеоновская сказка. Именно — красота, красота и дурман. Все друг с другом знакомы, все друг друга любят и вместе с тем друг с другом воюют. Вся Европа какой-то элегантный салон, в котором то сражаются, то проходят в придворных полонезах».

*Д. Доу.
Генерал-лейтенант
светлейший князь
А.И. Чернышев*

Бал в Вильно. 1812 год

Годом духовного и нравственного испытания России был год 1812. В марте Александр Павлович прибывает в Вильно. Русский император поражает съехавшихся в город прекрасных дам своей утонченной любезностью, которая, по отзывам современни-

ков, превосходила изысканную галантность Людовика XIV.

Восстановить события тех дней нам помогут записки графини Шуазель-Гуффье, фрейлины при высочайшем дворе.

«В то время в Вильно занимались приготовлениями к празднеству в императорском доме, в Закрете. Над нашими головами готова была разразиться гроза; между тем все беспечно думали лишь об удовольствиях о том, какое счастье иметь Александра в Вильно. Мы не только не предвидели его отъезда и приближения к Неману наполеоновских войск, но мы не знали даже, что французы уже прошли через Германию. В Литву не пропускали никаких вестей; никогда еще политика не была окутана столь непроницаемой завесой».

Но при этом вряд ли кто из находившихся в городе предполагал, что готовящийся бал мог стать последним для императора и его окружения, среди которого было немало известных военачальников, в результате французы едва не выиграли кампанию, не обнажив своих шпаг.

В саду Закрета строили для танцевального зала открытую галерею, окруженную колоннами, в центре ее предполагалось устроить обширный луг с цветами. Эта работа была поручена архитектору, профессору Шульцу. Во время работ ему сделали замечание, что глубина фундамента не соответствует высоте галереи и толщине колонн. Шульц принял сказанное к сведению и пообещал исправить этот недостаток. Но на следующий день, во время обеденного часа для рабочих, галерея обрушилась, раздавив одного из строителей. Опасаясь подозрений в тайных отношениях с французами, Шульц бежал. Погоня, снаряженная

вслед за ним, обнаружила лишь шляпу архитектора на берегу реки.

Несмотря на столь печальные события, бал состоялся и, по словам современников, превзошел по великолепию другие подобные празднества.

Чудесный весенний вечер. В восемь часов гости собрались в парке, со всех сторон доносятся звуки духовой музыки в исполнении музыкантов императорской гвардии. Дамы в покрытых цветами, элегантных туалетах рассаживаются по кругу на паркетной площадке, на месте предполагаемой галереи.

«Блестящее собрание разряженных женщин, военных в богатых мундирах и орденах с алмазами, рассыпавшаяся на зеленой лужайке огромная толпа, пестревшая разнообразными блестящими цветами своих одежд, старые деревья, образовавшие обширные пространства зелени; река Вилия, отражавшая в своем извилистом течении и лазурное небо, и розоватые оттенки солнечного заката; лесистые вершины гор, исчезающие в туманном горизонте, — все представляло чудную картину. Но вот появился государь, и все взоры сосредоточились на нем одном».

Император был в этот вечер в форме Семеновского полка, причем присутствующие дамы отметили, как удивительно шли Александру Павловичу небесно-голубые отвороты мундира. Он обошел круг дам, не позволив ни одной из них встать даже во время обращения к ним, затем очаровательным гостям было предложено освежиться прохладительными напитками, после чего император открыл бал. Александр Павлович пригласил на полонез госпожу Бенигсен, исполнявшую роль хозяйки бала, затем госпожу Барклай-де-Толли. После этого, в паре с госпожой Шуазель-Гуффье, государь под звуки музыки под-

нялся в главный танцевальный зал, где бал продолжался.

Ужин был сервирован в саду, на двух небольших столах. «Было так тихо, что огни не гасли, и блеск иллюминаций, озарявший часть парка, фонтана и реки с ее островами, казалось, соперничал со звездами и с мягким светом луны. Говоря со мной, император назвал луну, — весьма, по-моему, не почтенно, — фонарем, заметив, что это лучшая часть иллюминации. Кто бы подумал, при виде любезности и оживления, проявленных в этот вечер Александром, что он как раз во время бала получил весть, что французы перешли Неман и что их аванпосты находятся всего в десяти милях от Вильно.

Шесть месяцев спустя Александр говорил мне, как он страдал от необходимости проявлять веселость, от которой он был так далек. Как он умел владеть собой».

Через три дня император покинул город, он отправился на свою главную квартиру в Свенцяны.

Прошло примерно два месяца между отъездом русского императора и вступлением в Вильно французских войск. Во время пребывания в городе Наполеон потребовал, чтобы дворянство явилось на прием в замок. Шуазель-Гуффье была вынуждена принять приглашение, дабы не скомпрометировать отца, которому приписывалось чрезмерное уважение к русским, но при этом она решила надеть фрейлинский шифр, несмотря на уговоры знакомых дам не делать этого. Ожидая резкой выходки французского императора на свой поступок и намереваясь дать на это твердый отпор, Шуазель-Гуффье прибыла в замок.

«Когда меня назвали Наполеону, взгляд его внимательно устремился на мой бриллиантовый шифр с

голубой кокардой. «Что это у вас за орден?» — спросил он. «Шифр их величеств, русских императриц». — «Так вы — русская дама?» — «Нет, ваше величество, я не имею чести быть русской». Впоследствии на балу, данном в его честь, Наполеон спросил у одной из дам, почему она не надела шифра, будучи фрейлиной при русском дворе, на что та ответила, что не сочла это нужным при данных обстоятельствах. «Почему же? — возразил Наполеон. — Это придворное отличие, которое ничего не означает. Дарование этого значка — большая любезность со стороны императора Александра. Можно оставаться хорошей полькой и носить шифр», — прибавил он, обращаясь в мою сторону с приветливой улыбкой. Наполеон даже в женщине умел ценить проявление сильного характера», — вспоминала Шуазель-Гуффье.

Но в целом, согласно воспоминаниям очевидцев, французский император не отличался особой учтивостью, что особенно было заметно после приемов Александра Павловича. Так, на балу в день польской конфедерации Наполеон, не удостоив поклоном вышедших ему навстречу дам, сопровождаемый криками «Да здравствует император!», поднялся в бальный зал, где сел в трон, сооруженный из кресла, ковра и подушки, которую, садясь, он отбросил ногой. «Затем он закричал, как бы тоном команды: «Дамы, садитесь!» Дамы тотчас сели, и бал открылся. Наполеон в течение нескольких минут оглядел танцующих дам, обратился с несколькими фразами к лицам своей свиты, к маршалам, к хозяину бала и уехал, сопровождаемый обычными кликами».

Вскоре после этого приема графиня во время конной прогулки посетит Закрет, еще недавно очаровавший всех своим праздником в честь русского импера-

тора. Теперь Закрет представлял собой грудку развалин. Апельсиновые деревья опрокинуты и разбиты, теплицы с тропическими растениями разрушены, замок представлял картину полного разгрома.

«Крапива и чертополох росли теперь в тех местах, где раньше цвели розы и спели ананасы. Печальное молчание царило там, где я недавно слышала звуки музыки и веселые, радостные голоса. Одни птицы еще пели и не покинули этих рощ. Фонтан иссяк. Словом, Закрет предназначен был служить военным госпиталем.

Я избавлю читателей от тех размышлений, которые естественно навевали на меня эти развалины и столкновение событий, столь противоположных и столь близких по времени одно к другому».

Трагическое и одновременно удивительное время, история двух балов — словно яркая его иллюстрация.

Балы в Полтаве и в Москве (1813—1815 годы)

Только русская армия успела покинуть пределы родного Отечества, как в некоторых губернских городах, известных своими воинскими традициями, включая Полтаву, возобновились светские приемы и балы.

В январе 1813 года на вечерах у губернатора П.В. Тютolina гости играли в бостон, слушали музыку и конечно же танцевали. Среди фаворитов бального сезона этого времени — вальс, кадрили, мазурка. Если дама три или четыре раза позволяла одному кавалеру пригласить себя на танец, то последнему это могло стоить карьеры. Потеря репутации в свете — трагедия для молодой девушки, которая только начала выезжать. А

репутация, как бы это сейчас ни выглядело странно, зависела в том числе и от умения танцевать.

На одном из бальных ноябрьских вечеров 1813 года произошла весьма поучительная история, которую поведала в своем дневнике Е.В. Налетова: «<...> Некая девица Руновская была на балу — хорошенькая девушка, но очень глупа и не воспитана. Хотя она и богата, но ее мало знают в городе, потому что она всегда в деревне. Я еще познакомилась с ней на свадьбе и смеялась до упаду, когда она танцевала». Итак, приговор вынесен и, соответственно, наказание должно последовать незамедлительно. Екатерина Васильевна обратила внимание губернатора на хорошенькую, нарядно одетую девушку и сказала, что та отлично танцует. Барышню никто не приглашал, и, как истинный рыцарь, губернатор решил исправить это недоразумение. Тут не на шутку испугалась и сама Екатерина Васильевна, и, чтобы хоть как-то спасти ситуацию, попросила знакомого пригласить Руновскую. Увидя, как та танцует, губернатор подошел к Екатерине Васильевне и сказал: «Мадемуазель, вы злая, право, вы презлая!» Я чуть не померла со смеху, а он, проказник, весь вечер от меня не отставал».

Справедливости ради надо заметить, что Екатерина Васильевна не принадлежала к числу светских интриганок. Это была всего лишь бальная шутка¹.

¹ Е.В. Налетова приходилась сестрой Надежде Васильевне Резвой (урожденной Налетовой) (1780—1845), супруги храброго воина, генерала 1812 года Дмитрия Петровича Резвого (1762—1823), и сопровождала своего шурина в военном походе. Однажды у Дмитрия Петровича собрались за столом сослуживцы, и один из них передал слова Аракчеева: пусть, мол, такой-то уйдет в отставку, я ему тысячу рублей дам, на что Резвой ответил: «Я ему самому три тысячи дам, только бы ушел». Из-за Аракчеева Д.П. Резвой покинул службу, но сохранил о себе добрую память среди офицеров.

После победы в Отечественной войне 1812 года и последующих кампаний 1813 и 1814 годов Россия радостно встречала своих воителей. Москва, Петербург давали балы, соперничающие между собой особым изяществом и вкусом, присущим этому времени.

В январе 1815 года московским балам не было числа.

«Воины повергают теперь свои лавры к стопам юных красавиц, которые, быть может, молились, чтобы они вышли целы и невредимы из боя. С осени здесь устраивается много свадеб. В Москве множество военных, их всюду встречаешь. Теперь им позволено носить фрак, к которому вовсе не идут гусарские усики».

Наконец-то настал год, когда вечно испытывавшая недостаток в кавалерах Москва смогла насладиться их переизбытком. На одном из балов князь Голицын был вынужден придумать кадрили, где у каждой дамы было бы два кавалера.

За чрезмерное увлечение вальсами и мазурками некоторые дамы расплачивались здоровьем, а зачастую и жизнью.

В феврале тяжело заболела княгиня Шаховская; вследствие простуды, полученной на балу, умерла графиня Бобринская.

Перед взрослым балом зачастую устраивался детский. Французские эмигранты, преподававшие в некоторых домах танцы, учили детей хореографии под мелодию *Vive Henri Quatre*. Танцы и политика — вещи совместные, и 1815 год в очередной раз доказал истину подобного утверждения.

В описываемое нами время в большой моде была мазурка в четыре пары: ее танцевали везде — на сцене и в великосветских салонах.

В Петербурге одни из лучших исполнителей мазурки был И.И. Сосницкий: «Па его были простые, без всякого топанья, но фигуру он свою держал благородно и картинно, <...> он, танцуя мазурку, не делал никакого усилия; все было так легко, зефирно, но вместе увлекательно».

В Москве отличался в мазурке актер А.М. Сабуров, который много заимствовал у Сосницкого, но в нем было больше «огня и жизни, хотя недоставало этого благородного *laisser aller*¹, характеризовавшего танцы Сосницкого».

Говоря о Сосницком, следует вспомнить и его современницу Н.С. Семенову, которая считалась «красою русской пляски». Первая красавица и отличная певица танцевала плавно и непринужденно, ее улыбка буквально обвораживала публику. Лучшие танцоры того времени были естественны, они не «фокусничали» на паркете. Простота и душевность исполнения свидетельствовали о высоком профессионализме.

Московские нравы начала 20-х годов XIX столетия были весьма патриархальны. Этикет ставил каждого на свое место. Молодые люди группировались вокруг представителей старшего поколения, которые держались степенно и внимательно наблюдали за молодежью.

На балах для дам почтенного возраста отводился большой диван в одном из углов зала. Сначала здесь обсуждались светские новости, а потом разбирались туалеты «девиц и барынь». Молодым девушкам приходилось иногда выслушивать соображения об их судьбе, и часто случалось, что планы родителей не отвечали их душевным пристрастиям. Спорить со стар-

¹ Непринужденность (фр.).

шими было не принято, да никто особенно и не пытался — таковы были нравы, дух той эпохи.

«Страсти жили тогда под пеплом романтизма, на них был брошен покров известной сентиментальности и абстрактности, которые смягчали порывы. Анализ чувств не вступил еще тогда в свои права, как впоследствии, и в девушках было больше веры в свои силы и в свою звезду на пути своего сердечного романа».

Балы в Париже, Вене, Брюсселе (1814—1815 годы)

В то время как Наполеон находился на острове Эльба, в Париже царствовал новый король. Блестящие праздники сменяли друг друга. Один из них в присутствии европейских монархов дал князь Шварценберг в Сен-Клудском дворце.

Гости наслаждались великолепной игрой французских актеров, ужинали в зале, находившемся возле оранжереи, которую украшало множество прекрасных цветов, и конечно же танцевали.

Благодаря императору Александру I стал популярен танец, «который называют польским. Он весь состоит в том, что надобно подавать руки и прохаживаться вдоль и поперек залы, а между тем можно разговаривать со своим кавалером: это главное. Можно сказать, что польский изобретен для тех, кто лишь на бале имеет случай завоевать сердца», — вспоминала герцогиня Абрантес.

Танцевали вальсы, контрдансы. «Очаровательный», по словам очевидцев, бал продолжался до рассвета.

На следующий день в опере давали «Эдипа» в присутствии Людовика XVIII.

В этот вечер зрительный зал представлял собой необычайное зрелище. Белые платья дам украшали не бриллианты, а ветки лилий, гирлянды белой сирени, белые перья. Прекрасные женщины в обрамлении прекрасных цветов создавали восхитительное зрелище. Не менее восхитительные вещи происходили и на сцене. Оркестр играл *Vive Henri IV* не только в антрактах, под музыку этой арии актрисы танцевали и на сцене. В общественной жизни Парижа это представление имело большое значение.

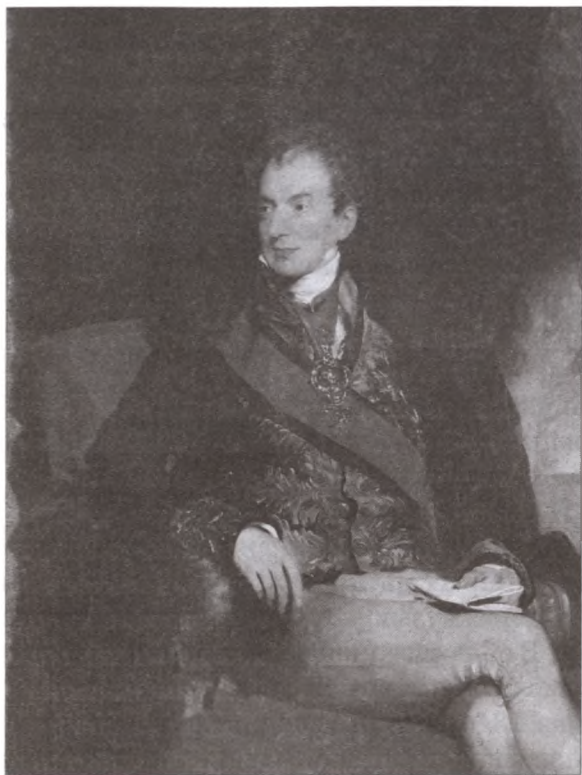
30 мая 1814 года был подписан Парижский трактат, возвративший страну к границам 1792 года.

Союзники решили в ближайшее время собраться в Вене и постараться там решить все проблемы, а до этого монархи Европы отправились в Лондон, где праздники доходили до последней степени великолепия и пышности. В столицу Англии приехали король Пруссии, канцлер Гарденберг, фельдмаршал Блюхер, но подлинной звездой был император Александр I. «Император России — это мой герой, это герой всех!» — писала одна английская леди.

Встреча в Лондоне была своеобразной пробой сил, главное дипломатическое сражение Европы начнется в сентябре 1814 года в Вене, куда русский импе-

*Портрет императрицы
Елизаветы Алексеевны*

К. Венцель. Меттерних

ратор торжественно въехал 13 сентября с прусским королем.

15 сентября в Вену прибыла императрица Елизавета Алексеевна, там же находились сестры императора — великие княгини Мария и Екатерина Павловны. Меттерних писал в одном из писем герцогине Абрантес: «Я провел в Бадене целый месяц. Но свобода моя была слишком кратка, и уже политический мир собирается в Вене, где будут рассуждать о делах. <...> Вы услышите также о бале, который я даю в об-

ширном и прекрасном доме, принадлежащем мне в одном из венских предместий».

Меттерних пропагандировал пышность, которая, по его мнению, свидетельствовала о финансовой стабильности в Австрии. Кроме того, развлечение иностранных гостей — один из способов держать их под контролем. Императора Франца очень беспокоили чрезмерные расходы на многочисленных гостей Вены, веселившихся за счет империи (каждый обед стоил 50 тысяч флоринов, в 30 миллионов золотых флоринов обошелся налогоплательщикам танцующий конгресс). Меттерниху требовалось не только много денег, но и много фантазии, чтобы развлекать высоких гостей.

На одном из балов Александр I сказал княгине Эстерхази, что предпочел бы большой парад, на котором присутствовал утром: «Этот праздник прелестен, но после утреннего он уже вроде бы ни к чему. Бал прекрасен. Зала большая и красивая. Но здесь всегда толкуются дипломаты, и мне не нравится вся эта фальшь».

Услышав это высказывание, посол Разумовский (тот самый, которому Бетховен посвятил некоторые из своих произведений) заметил: «Мне очень приятно это слышать. Чтобы доставить удовольствие вашему величеству, я приглашу на свой бал роту из вашего полка».

Марсель Брион в своем исследовании, посвященном повседневной жизни Вены времен Моцарта и Шуберта, пишет о том, что Александр I предпочитал балам военные парады, что он был мрачен и отстранен на самых веселых праздниках.

Но еще Наполеон говорил Меттерниху, что «было бы трудно представить себе человека более умного, чем император Александр <...>».

*Т. Лоуренс. Портрет
А. Веллингтона*

Разгадать русского императора не удалось никому. Можно сколько угодно злословить о его личных пристрастиях, о фантастическом успехе у женщин, о чем без умолку судачили на Венском конгрессе, но именно этот император прошел от Москвы до Парижа вместе со своей армией, которая не только не поджигала и не грабила европейские города, включая Париж, но еще и помогала их восстанавливать.

На фоне пленительных танцевальных мелодий, когда, казалось бы, вся Европа закружилась в вихре вальса и опьянела от наслаждений мирной жизни, случилось то, что никто не ожидал, хотя это событие должно было произойти, — Наполеон возвратился во Францию. Ранним утром Меттерниха разбудил курьер. В депеше австрийский канцлер прочел о том, что Наполеон бежал с Эльбы и высадился на юге Франции.

27 марта Вильгельмина Саган, одна из «королев» конгресса, давала бал в честь Веллингтона, который на следующий день отбывал в Нидерланды — к армии. Александр I подошел к герцогу и произнес знаменитую фразу: «Итак, вам предстоит вновь спасти мир».

В 1792 году Франция объявила войну Австрии и, как скоро выяснилось, всей Европе. Точку в этой войне поставил Веллингтон у Ватерлоо.

15 июня 1815 года. Бал у герцогини Ричмондской. Около девяти вечера прибыл Веллингтон. Спустя некоторое время принц Оранский сообщил герцогу, что французы переправились через Самбру.

Бал продолжался, Веллингтон вел светские беседы, время от времени отдавая распоряжения адъютантам. Ближе к полуночи в кабинете герцога Ричмондского он указал на карте место будущего сражения — Ватерлоо.

Как справедливо отметил в своем исследовании М.М. Куриев, «однажды У. Черчилль сказал, что битвы — это знаки пунктуации на страницах истории. Если так, то Ватерлоо одновременно и жирная точка, и восклицательный и вопросительный знаки».

В 1815 году начнется новый период европейской истории.

Император Александр I и А.П. Керн. Три встречи

Увлечение идеалами Средневековья пронизывало все стороны жизни российского дворянства. Живопись, литература, архитектура находились под влиянием рыцарской культуры, которая немыслима без культа Прекрасной Дамы.

Эпоха романтизма подарила нам подлинные шедевры любовной лирики. Стихотворение А.С. Пушкина «Я помню чудное мгновенье...» по праву считается одним из лучших поэтических произведений русской поэзии.

В своем стихотворении Пушкин высказал отношение к А.П. Керн, а что же сама Анна Петровна: кто был для нее рыцарем без страха и упрека, чей образ она хранила в сердце долгие годы?

*Неизв. художник.
А.П. Керн. 1820-е гг.*

«Конечно же Пушкина!» — скажут многие. Почему же «конечно»? Не умаляя выдающихся заслуг А.С. Пушкина перед отечественной словесностью, следует заметить, что в то время Россия имела подлинную государственную и военную элиту, людей чести и долга, многие из которых отличались не только высокими нравственными качествами, но и привлекательной наружностью.

Достаточно взглянуть на портреты в Военной галерее Зимнего дворца, чтобы убедиться в справедливости вышесказанного. «Генералы своих судеб» царили не только на бранном поле, но и на бальном паркете.

Одним из самых элегантных кавалеров своего времени считался император Александр Павлович, изысканные манеры и природное обаяние которого отмечали многие современники. Анна Петровна Керн не стала исключением.

Первая встреча Анны Петровны с императором произошла в 1817 году в Полтаве, на балу, который был дан по окончании смотра корпуса Ф.В. Остен-Сакена, где муж А.П. Керн, Ермолай Федорович Керн, служил дивизионным командиром. В начале бала настроение Анны Петровны было далеко не радостным. От впечатления, произведенного девушкой на балу в присутствии императора, зависела не только ее репу-

тация, но и репутация ее близких — все, от манеры держаться и говорить до мельчайших деталей бального туалета, должно быть безукоризненным.

В знаковые моменты своей жизни редко кто из дам бывает доволен своим внешним видом; Анна Петровна не была исключением. Она находила, что ее подруга, стоявшая рядом, гораздо лучше одета: на ней была куафюра с пером, которая, по ее словам, была любимым головным убором императора. Очаровательную головку Керн украшал голубой с серебряными листьями цветок, который сделался ей весьма «досаден».

В такой ситуации только истинный рыцарь способен вернуть даме уверенность в себе, а следовательно, и доброе расположение духа. Для Анны Петровны таким рыцарем стал император.

Александр Павлович во время полонеза весьма часто пропускал несколько пар вперед себя и потом, пригласив даму, шел за другими. «Эта тонкая разборчивость, только ему одному сродная, и весь он, с его обаятельною грациею и неизъяснимою добротою, невозможными ни для какого другого смертного, даже для другого царя, восхитили меня, ободрили, воодушевили, и робость моя исчезла совершенно. Не смея ни с кем говорить доселе, я с ним заговорила, как с давнишним другом и обожаемым отцом! Он заговорил, и я была на седьмом небе от ласковости этих речей и от снисходительности к моим детским понятиям и взглядам!»

Во время беседы Анна Петровна так расхрабрилась, что в ответ на приглашение приехать в Петербург пригласила императора в Лубны, на что тот засмеялся и сказал: «*Je viendrai? Absolument, Je viendrai!*»¹

¹ Приеду, непременно приеду! (фр.)

Восторженная и счастливая, вернулась Керн домой и, передав мужу весь разговор с царем, попросила его еще раз дать ей возможность хотя бы взглянуть на Александра Павловича.

Анна Петровна поехала к обедне в маленькую полковую церковь, разбитую шатром на поле Полтавской битвы, там она имела счастье «вновь увидеть» императора и «получить» от него поклон.

А в это время в городе много толковали о благосклонности Александра I к госпоже Керн, при этом многие полагали, что робкая и неловкая провинциалка вызвала расположение царя своим сходством с прусской королевой.

Но как бы то ни было, уже находясь в Петербурге, войдя в кабинет императрицы Марии Федоровны, император сказал тетушке Анны Петровны (которая представлялась императрице), что имел удовольствие познакомиться с ее племянницей, и прибавил: «*Elle est charmante, charmante, Votre niece*»¹. Завидная память и удивительное внимание.

Следующая встреча с Александром Павловичем произошла в Петербурге, где А.П. Керн гостила у своего отца.

Как известно, император в одно и то же время каждое утро любил прогуливаться по Фонтанке. Однажды, когда Анна Петровна ехала в карете через Полицейский мост, вдруг у самого окна кареты она увидела императора, который с улыбкой ответил поклоном на ее поклон. Через несколько дней бывшему дивизионному командиру Е.Ф. Керну князь Волконский от имени царя предложил бригаду, стоявшую в Дерпте.

¹ Она очаровательна, очаровательна, ваша племянница! (*фр.*)

С. Эрбер. Невский проспект в эпоху Пушкина. 1897 г.

Последняя встреча с императором произошла у А.П. Керн во время маневров в Риге в 1819 году.

В день приезда Александра Павловича вечером состоялся бал в зале Дворянского собрания. Анна Петровна балы любила, но в тот момент, когда следовало выезжать, ее одолевало желание остаться дома.

К счастью для Анны Петровны, на этот раз ей было не нужно хотя бы беспокоиться о туалете: из Петербурга заранее было выписано платье — тюлевое на атласе и головной убор: маленькая корона из папоротника, украшенная цветами.

Когда А.П. Керн вместе с мужем и сестрой вошли в зал, царя еще не было. В конце зала сидели почетные дамы и другие важные лица. Анна Петровна разместилась с сестрой около «менее важных дам» в

уголке, у печки. В центре зала находились мужчины из свиты императора.

Пока император не приехал, музыка не играла, был слышан только сдержанный говор.

Заметя Анну Петровну, Ф.В. Остен-Сакен вывел ее в центр и, попросив снять перчатку, поцеловал руку. Многие из присутствующих заметили смущение Керн и отметили ее скромность: поклонившись Сакену, она вернулась к сестре.

Вскоре в зал вошел император, с хоров грянула музыка, и певица, находившаяся там, пропела хвалебный гимн, который закончился словами:

Viva, Alexander, Viva!
L'onor di nostra Età¹.

Первое, что отметили приглашенные, — Александр Павлович обладал удивительной, только ему свойственной походкой: он не ступал по залу, а «как будто неся на облаках», в той походке и робость, и особая грация.

Не дослушав списка дам, с которыми император должен был, по мысли маркиза Паулуччи, открывать бал, Александр Павлович пригласил его супругу, а затем «взял в польский» свою хозяйку, супругу негоцианта.

Оказавшись vis-à-vis с Анной Петровной, он выразил радость от встречи и спросил о ее здоровье.

«Первые пары нас, по обычаю польского, разлучили; потом он еще раз меня взял и продолжал начатый разговор. Он сказал, что помнит, как мы молились в Полтаве. «Dans cette petite eglise, si vous souvenez?»²

¹ Да здравствует Александр!

Гордость нашего века (*ит.*).

² В этой маленькой церкви, вы помните? (*фр.*)

Я сказала, что такие минуты не забываются. А он заметил: «Jamais je n'oublierai le premier moment ou je vous ai vu!»¹

Когда император в третий раз пригласил А.П. Керн на польский, он сказал ей слова, которые она хранила в памяти всю жизнь: «Je veux que vous soyez dans l'aisance!»²

После этого Александр Павлович поинтересовался, будет ли Анна Петровна на маневрах. Она ответила, что будет непременно, хотя прежде этого не желала, боясь до смерти шума и стрельбы.

В тот вечер Анна Петровна Керн имела невиданный успех, который когда-либо встречала в свете.

Маневры 40-тысячного корпуса проходили за Двиной, на огромном поле, в конце которого была сооружена сквозная галерея, обвитая зеленью. Со стороны поля галерею украшал балкон, с которого дамы наблюдали за происходящим.

В конце маневров в нижней части галереи накрыли обеденный стол. Заметив А.П. Керн, Сакен приветливо ей поклонился.

Анна Петровна слышала, как Александр Павлович спросил у него: «Qui saluez vous, général?»³ Он ответил: «C'est m-me Kern!»⁴ Вставая из-за стола, император поклонился всем и лично Анне Петровне.

Судьба подарила А.П. Керн несколько встреч с императором. Первая — в Полтаве, последняя — в Риге.

О своих чувствах к российскому императору Александру I Анна Петровна блестяще напишет в своих воспоминаниях:

¹ Никогда не забуду первую минуту, когда я вас увидел! (фр.)

² Обращайтесь ко мне, как к родному отцу! (фр.)

³ Кому вы кланяетесь, генерал? (фр.)

⁴ Это госпожа Керн! (фр.)

«Многие восхищались в то время — кто Сухозанетом <...> кто графом Орловым, генерал-адъютантом.

Я никого не замечала, ни на кого не смотрела: разве можно смотреть по сторонам, когда чувствуешь присутствие Божества, когда молятся?

Это были только мужчины: красивые ли, не красивые — мне было все равно. А он был выше всего! Я не была влюблена <...> я благоговела, я поклонялась ему! <...> Этого чувства я не променяла бы ни на какие другие, потому что оно было вполне духовно и эстетично. В нем не было ни задней мысли о том, чтобы получить милость посредством благосклонного внимания царя, — ничего, ничего подобного <...> Вся любовь чистая, бескорыстная, довольная сама собой.

Если бы мне кто сказал: «Этот человек, перед которым ты молишься и благоговеешь, полюбил тебя, как простой смертный», я бы с ожесточением отвергла такую мысль и только бы желала смотреть на него, удивляться ему, поклоняться, как высшему, обожаемому существу! <...>

Это счастье, с которым никакое другое не могло для меня сравниться!»

Приемы московского генерал-губернатора светлейшего князя Д.В. Голицына

В начале XIX столетия в Москве «любили и могли жить широко и весело». В 1818 году московские вельможи-хлебосолы старались превзойти друг друга в устройстве балов и праздников. Маменьки заказывали своим дочерям платья, в которых было бы не

стыдно предстать перед губернатором в Благородном собрании, где собиралось более тысячи человек. И все же самые изысканные туалеты берегли для балов в присутствии императора, где приглашенные имели больше возможностей быть им замеченными¹.

Одним из лучших балов в Москве по праву считались праздники во дворце Апраксиных на Знаменке. В 1818 году в честь присутствия в Москве царской фамилии Апраксина давали бал, на который была приглашена примерно тысяча человек.

Во время бала вдовствующая императрица обошла весь зал и поприветствовала дам и девиц «милостивыми словами». На ужин, приготовленный в утопающем в цветах Манеже, государь отправился с хозяйкой дома. С.С. Апраксин шествовал вместе с императрицей, а великие князья вели дочерей Апраксина и невесту его сына, которая была до такой степени прекрасна, что напоминала, по отзывам современников, чудесную розу.

Насколько ласков и приветлив был С.С. Апраксин, настолько обходительной и приветливой хозяйкой балов была супруга московского генерал-губернатора князя Д.В. Голицына (с 1820 года) — княгиня Татьяна Васильевна.

Весь вечер она старалась оказывать внимание каждому гостю, посылала кавалеров к нетанцующим девушкам, для всех находилось у нее доброе, приветливое, ласковое слово, а если ей нечего было сказать — «пройдет мимо и улыбнется».

В это время молодым девушкам, начавшим выезжать в свет, было с кого брать пример.

¹ Особой популярностью пользовались бальные платья, шитые по шелку серебром.

Ф.Н. Риссе. Светлейшая княгиня Т.В. Голицына. 1835 г.

Супругу московского генерал-губернатора князя Д.В. Голицына москвичи обожали «от мала до велика».

Стараниями княгини Голицыной в Москве был основан Дом трудолюбия, учреждены сиротские училища, она заботилась «о распространении образования среди девиц бедного класса» и «с любовью матери» беспокоилась о детях-сиротах в различных благотворительных учреждениях и приютах. Князь Шаликов в 1824 году написал к портрету Татьяны Васильевны:

Не нужны лира, кисть, резец,
Чтобы друзья добра женой пленялись сею!
В восторге скажет мать, отец:
Дом трудолюбия и нравов создан ею!

Княгиня была небольшого роста, худощава, с удивительно приятным и приветливым лицом. Татьяна Васильевна обладала привлекательной внешностью, но не принадлежала к числу первых московских красавиц. Напротив, герой Бородина, генерал от кавалерии князь Голицын, будучи довольно высокого роста, имел величественную осанку, прекрасные черты лица и безукоризненные манеры.

Получив образование за границей, он великолепно знал европейские языки и очень плохо владел русским. Перед тем как произнести речь, ему приходилось самому составлять ее для перевода на русский и почти вызубривать написанное, чтобы выступить с нею перед собравшимися. Впоследствии Дмитрий Владимирович осилил родной язык и владел им весьма неплохо.

Однажды кто-то заметил при А.В. Суворове про одного русского вельможу, что он не умеет писать по-русски. «Стыдно, — сказал Суворов, — но пусть он пишет по-французски, лишь бы думал по-русски». Князь умел думать по-русски, и это действительно главное.

Москва любила своего генерал-губернатора и была ему многим обязана. Он первый обратил внимание на плохое освещение улиц, на пожарную команду, на недостаток воды и придумал устройство фонтанов. Не только в крупных делах, но и в мелочах Дмитрий Владимирович умел быть добр не напоказ, а по своей «непритворной доброте».

Князь имел камердинера, который нередко пребывал в нетрезвом состоянии, а так как Дмитрий Владимирович не умел сердиться, а только слегка бранил своего слугу, тот не особенно себя ограничивал и выпивал частенько.

*Неизв. художник с оригинала Ф.П. Рисса.
Светлейший князь Д.В. Голицын. 1830-е гг.*

Уезжая вечером в театр или на бал, Голицын обычно распускал всех слуг, кроме швейцара. Камердинер был обязан дежурить и дожидаться его возвращения. Однажды, возвратившись довольно поздно домой, князь довольно долго звонил, но, так никого и не дождавшись, пошел в соседнюю комнату, где нашел своего слугу на полу мертвецки пьяным. Генерал-губернатор никого не потревожил, разул его и уложил в постель. Утром старик со слезами на глазах просил у Дмитрия Владимировича прощения. В этот день он дал клятву больше не пить и сдержал слово.

Весьма оригинальной московской личностью того времени была Федосья Ивановна Бартенева, любившая вместе с детьми с самого утра наносить визиты.

В одном доме она пристроит на занятия историей или математикой мальчиков, в другом — девочек. Сама она отправлялась в гости и забирала детей вечером. Дети так привыкли к такой жизни, что говорили: «Нам нужен дом только для того, чтобы переночевать, а днем нам нужна большая карета, жаль только, что наша без печи, потому что бывает холодно, а то бы нам и дом не нужен». Однажды, когда дети были еще совсем маленькие, Бартенева, оставив их в карете, отправилась на бал к Голицыным. На дворе был сильный мороз, и дети стали плакать. Во время бала к Голицыну подходит камердинер и докладывает, что в карете Бартеневой мерзнут дети. Дмитрий Владимирович приказал их перенести к себе в кабинет, накормить и положить спать. После этого случая всякий раз, когда Бартенева приезжала на бал к Голицыным, князь посылал за детьми, которые ожидали танцующую маму в кабинете генерал-губернатора.

Князь Дмитрий Владимирович Голицын занимался не только благоустройством города. «В продолжение своего долгого правления он не сделал ни одного несчастного и очень, очень многих людей спас от гибели, и таких даже, которые без его помощи давным-давно были бы где-нибудь в Иркутске или Камчатке. Мало этого, он иногда принимал участие в семейных делах, когда к нему обращались, и без всяких судбищ и тяжб все улаживал и соглашал враждовавших. Трудно решить, кто был добрее сердцем — князь или княгиня», — вспоминала Е.П. Янькова.

Княгиня Татьяна Васильевна скончалась в 1841 году, «искренно оплаканная Москвою». Князь Голицын ненадолго пережил супругу. В 1844 году вся Москва провожала генерал-губернатора в последний путь. «Это было народное последнее выражение всеобщей

любви к покойному градоначальнику, от которого не ожидали уже ничего, а потому это была не лесть перед могучим вельможею, а всеобщая народная печаль и благодарность за все его бывшие хлопоты и благосостояния».

«Без лести предан». Бал у графа Аракчеева

В российской истории не много найдется государственных деятелей, одно упоминание имени которых вызывает негативную реакцию. Фамилия Аракчеева ассоциируется с образом жестокого, бездушного человека, циника, человека-автомата, непреклонного в исполнении своих решений.

Эти характеристики графа А.А. Аракчеева содержатся в воспоминаниях многих современников. Но вместе с тем есть и другие источники, в которых личность Аракчеева характеризуется не столь однозначно.

В 1807 году он отказался от ордена Святого Владимира I степени; в 1808 году — от ордена Святого Андрея Первозванного, взяв на память только рескрипт. В 1813 году граф отказался от звания фельдмаршала, хотя даже его противники признавали весьма значительную роль Аракчеева в доведении русской артиллерии до высшей степени совершенства.

В 1814 году Аракчеев отправляет в императорский кабинет драгоценные бриллианты, которыми был осыпан портрет Александра I, пожалованный ему императором, и носит его в простой золотой оправе.

Его ненавидели за военные поселения. Но для Александра I это была одна из важнейших реформ его царствования, попытка найти решение проблемы со-

держания регулярной армии в мирное время без убытка для государственной казны. Главная идея реформы — совмещение солдатами воинской службы с крестьянским трудом.

Благая, но во многом утопическая идея императора в короткий срок была реализована, в частности, в Новгородской губернии, где за восемь лет, по свидетельству очевидцев, на месте болот расцвели сады и выросли города. Но при этом крестьянин-поселенец жил по строгому распорядку, за всякое отклонение от которого жестоко наказывали. Хозяйку в доме штрафовали за сбежавшую курицу, за то, что горшок стоит не на указанном месте. Были составлены даже специальные таблицы бракосочетания девиц и вдов, которых венчали по воле начальства, не интересуясь отношением невесты к жениху.

Граф беспрекословно выполнял приказ императора, а жестокость методов его исполнения оправдывал чрезмерным усердием своих подчиненных.

Несмотря на суровый характер, Аракчеев не забывал тех, с кем дружил в молодые годы, он умел быть благородным и преданным, память об императоре Павле I была для него священна. Александра I он обожал и делал все, чтобы заслужить его одобрение.

Аракчеев не терпел равенства, даже великому князю Константину Павловичу однажды досталось от все сильного графа. В один из праздников Аракчеев нико-

*Аракчеев
Алексей Андреевич
(1769–1834)*

го не принимал, и адъютант записывал всех приезжавших в специальную книгу, которую на другое утро представлял графу. «Увидя в ней, что являлась в одиннадцать часов с поздравлением конная гвардия с шефом своим, он отметил резолюцию: «Объявить, что военный министр один, так могли бы раньше приехать», — вспоминал В.Р. Марченко, бывший в 1810 году статским советником, томским гражданским губернатором (с 1834 года — член Государственного совета), действительный тайный советник (1840).

Но при этом граф умел ценить в других смелость и независимость и не преследовал тех подчиненных, кто своим поведением демонстрировал, что его не боится.

В декабре 1820 года у Аракчеева был маскарад и бал. Маскарад продолжался недолго, по его окончании дамы оставались в маскарадных костюмах, а кавалерам следовало переодеться в мундиры.

Николай Алексеевич Титов, получивший впоследствии звание «дедушка русского романа» (поддерживаемого Глинкой и Даргомыжским), был приглашен в этот вечер к Аракчееву на бал и решил использовать данную возможность, чтобы выразить свое отношение к графу.

Сначала портупей-юнкер Титов в костюме тирольца обошелся весьма фамильярно с хозяином праздника, а затем, переодевшись, он вошел в первый зал в кивере. Во время представления Аракчеев поклонился Титову и предложил снять амуницию, попросив быть «без церемонии и танцевать». Повесив в передней кивер и тесак, Николай Алексеевич вошел в зал, надев вместо перчаток рукавицы.

Получив замечание, Титов все-таки надел перчатки и встал у дверей. Аракчеев снова подошел к нему

и пригласил принять участие в танцах. Наконец он не выдержал и крикнул: «Да что же ты не танцуешь!»

Чтобы не оказаться в Сибири, Титов пригласил на вальс сестру и снова встал у дверей, демонстративно отказываясь от напитков и мороженого, которые разносили по залу.

Во время попурии кто-то, вальсируя, толкнул Николая Алексеевича, и тот едва не уронил знамена, стоявшие в зале (танцевали в знаменном зале, так как граф был шефом полка его имени, то знамена находились в его доме).

Аракчеев подошел к Титову и сказал: «Вы знамена чуть не уронили, знаете ли, это священная вещь». К счастью, нашлись свидетели, подтвердившие, что юношу едва не сбил с ног один из танцующих.

Не дождавшись ужина, Титов уехал. Граф заметил его отсутствие и попросил передать Николаю Алексеевичу, что пригласит его в понедельник на обед. Узнав о приглашении, Титов решил идти на обед с деревянной ложкой, так как нижним чинам серебряных ложек не полагается. В результате на обед Николай Алексеевич не пошел, сославшись на дежурство.

Завидная дерзость портупей-юнкера Титова и завидное терпение графа Аракчеева.

Вскоре после кончины Алексея Андреевича Аракчеева последовало вскрытие его духовного завещания, по которому граф, не назначив наследника, предоставлял выбор его государю. Николай Павлович пожаловал все имущество покойного Новгородскому кадетскому корпусу, который с этого времени принял фамильный герб графа и название Новгородского (затем Нижегородского) графа Аракчеева кадетского корпуса.

А.А. Аракчеев носил звание почетного члена и попечителя Филотехнического общества и почетного любителя Императорской Академии художеств. Известный мореплаватель Коцебу назвал именем Аракчеева открытые им в 1817 году острова в Тихом океане.

Личность Алексея Андреевича Аракчеева сильно волновала воображение современников. Он был строгим исполнителем служебного долга, как он его понимал.

Париж в 30—40-х годах XIX столетия. Балы в австрийском и английском посольствах

Уже в эпоху Реставрации о виртуозности в исполнении танцев заботились значительно меньше, чем во времена консульства и империи. К 1833 году женщина, которая «слишком хорошо танцует», стала предметом насмешек. Или она недавно покинула пансион, а значит, слишком молода, или она воспитывалась в те времена, когда танцевать действительно учили, а следовательно, она очень стара. Стало модно танцевать с нарочитой небрежностью.

Танцы, требующие строгого соблюдения этикета, постепенно выходят из моды. В 1827 году на придворных балах начинают исполнять котильон, в то же время в 1820 году при дворе вальс был запрещен. Полька завершила начатый вальсом процесс освобождения танцующих от подчинения строгому рисунку.

Высший свет Парижа столь рьяно взялся за обучение новому танцу, что уже за короткое время учителя танцев Лаборд, Коралли и Селлариус сделали целое состояние.

Танцкласс Селлариуса работал с утра до трех часов ночи, ученики приезжали к нему на занятия даже после бала. В августе 1844 года Селлариус отправился обучать польке отдыхающих в курортных городах (сначала в Виши, потом в Бадене). Новое светское увлечение принесло преподавателю доход в размере 30 тысяч франков.

Франция буквально заболела полькой. В медицине появился диагноз «полечная болезнь» (опухшие ступни и растянутые связки).

Вкусы высшего света сближаются со вкусами простого народа. Как справедливо отмечает в своем замечательном исследовании А. Мартен-Фюжье, «полька становится одним из признаков смешения высшего общества с бульваром». И все же представители аристократических кругов стремились не посещать балы для широкой публики, где за порядком надзирал полицейский комиссар. Присутствие полиции поддерживало дух пристойности, а ее отсутствие, как, например, в варьете, — разнузданность. Причем известен случай, когда в ресторане «Бургундский виноградник» молодые повесы аристократы учинили полный разгром (это произошло в последний день карнавала, что некоторым образом объясняет их поведение). По сути, единственным балом для широкой публики, где вы могли встретить потомков древних французских родов, был бал в опере. Изначально доступ на эти балы (первый состоялся в 1716 году) имели только аристократы, которые приезжали туда в городских костюмах и не танцевали.

В начале Июльской монархии директор оперы объявил, что будет балет. Во время бала балет переместился в зал, и публика пустилась в пляс. Полиция пыталась вмешаться, но сделать ничего не смогла.

С начала 30-х годов балы в опере становятся традиционными. Во многом благодаря их успеху Париж превращается в мировую столицу танца.

Бал давал возможность заявить о себе в свете, где одно лишь богатство не могло гарантировать, что вы могли стать членом высшего общества. Братья Ротшильд это прекрасно понимали, потому с помощью балов пытались укрепить свое положение. Их приемы были роскошны. 26 мая 1841 года Соломон Ротшильд устроил праздник, достойный «Тысячи и одной ночи». Когда гости выходили из бального зала, они видели, что «простирающиеся перед ними великолепные сады ярко освещены. Разноцветные лампы сияли между деревьями, каждый куст искрился, на ножке каждого стебля расцветал факел».

Выставленное напоказ богатство привлекало высший свет. Один из журналистов советовал гостям запастись зелеными очками, чтобы блеск золота их не ослепил.

Если банкиры устраивали роскошные праздники для укрепления своих позиций в аристократических кругах, то дипломаты должны были давать балы и приемы, в том числе с целью доказательства могущества своих государств.

Наиболее роскошными праздниками славились посольства Англии и Австрии. Незаурядные личности послов Аппоньи и Гренвила, а также достойное финансирование дипломатических миссий позволяло им регулярно устраивать блестящие праздники.

Балы в австрийском посольстве считались лучшими в Париже. «Наш вчерашний бал, — замечает кузен посла Рудольф 5 января 1830 года, — удался как нельзя лучше; ужин на четыре сотни человек привел всех в восхищение. Герцог де Талейран сказал Пьеру д'Арен-

бергу (а тот пересказал мне), что наш праздник — самый лучший во всем Париже».

Супруга посла, графиня Тереза Аппоньи, ввела в Париже венский обычай устраивать танцевальные утренники: начинались они в полдень, заканчивались около восьми часов вечера. Эти балы получили позже название «садовые празднества», потому что они протекали не только в доме, но и в саду, где гостей в перерывах между танцами ожидал второй завтрак. По мнению современников, у подобных приемов были и недостатки. Времяпрепровождение на свежем воздухе приятно в хорошую погоду. Кроме того, у дам возникали и другие проблемы: «Как показаться на люди в нарядном платье без глубокого выреза? Как сочетать шляпу с цветами, вплетенными в волосы?»

«Утренние балы» напоминали сельские праздники, но госпожа Аппоньи устраивала и настоящие сельские праздники в поместьях Тюильри и Бельвю. 23 июля 1833 года Рудольф рассказывает о сюрпризе, который приготовили супруге посла ее гости. Сначала они пели в честь ее куплеты, а потом устроили фейерверк: «Красные и синие бенгальские огни зажглись повсюду: среди деревьев, на озере, в старой башне, а затем в небо взметнулись снопы пламени и ракеты. По озеру плавала лодка, изрыгавшая сверкающие шары самых разных цветов, а мост превратился в огненный фонтан». Осенью 1838 года графиня пригласила весь Париж на сбор винограда. Каждому гостю выдали соломенную шляпу, корзину и виноградный нож. Таким образом, графиня Аппоньи стала созидательницей «фешенебельной пасторали».

Посольство Англии стремилось ни в чем ни уступать посольству Австрии в организации светских приемов, и в этом значительная заслуга супруги посла

леди Гренвил, придворной дамы королевы Виктории, «доброй, умной и поистине великолепной», по описанию Аппоньи.

В январе 1826 года леди Гренвил дала большой бал, на который разослала 1150 приглашений. Несмотря на то что гостей приехало намного меньше, в частности русские не прибыли на праздник по причине траура по императору Александру, организация подобного приема — дело непростое. Супруга посла так объясняет сестре, как она вышла из положения: «Мы открываем для гостей весь первый этаж. В оранжерею — ковер на алой подкладке, полторы дюжины люстр и полдюжины диванов, температура та же, что и в жилых комнатах; в большой зале и в гостиных сняты все двери и выставлены окна. На втором этаже открыты три салона, в зеленом салоне пять столов для виста и для экарте, в парадной светло-желтой спальне газеты и альбомы. Внизу в первой столовой до ужина буфет. В час откроется большая столовая с горячим и холодным ужином».

В 1837 году королева Виктория взошла на английский престол. 24 мая 1839 года леди Гренвил устраивает в честь своей королевы роскошный «бал роз». «В английское посольство прибывают две тысячи гостей: мужчины в белом, с розой в петлице, молодые дамы в белом и розовом, а пожилые — в белом, с букетами роз. Все они танцевали до самого восхода солнца под сенью роз и листвы».

Светский успех во многом зависит от воспитания. Леди Гренвил была необычайно популярна в Париже прежде всего благодаря своим манерам, она слыла дамой приветливой, остроумной, и к тому же общение с ней приносило собеседнику, по словам современников, «ни с чем не сравнимое удовольствие».

Для укрепления политического авторитета Англии супруга посла сделала не меньше, а может быть, и больше, чем лорд Гренвил.

Превратности внешней политики не позволяли посольству России занимать должное место на карте светского Парижа. Кроме того, по словам Аппоньи, царь выделял русским дипломатам слишком скромные суммы. Видимо, гости не часто посещали русское посольство. Виктор Балабин, с мая 1842 года занимавший пост секретаря в посольстве, много говорит о вечерах, на которые он получил приглашение, однако не припоминает о приемах в собственном посольстве.

Разногласия России и Франции по восточному вопросу привели к дипломатическому кризису 1841 года. Франция отзывает из Петербурга Проспера де Баранта, а Николай I отозвал из Парижа Палена (Россию стал представлять в Париже поверенный в делах граф Николай Киселев).

Упоминание имени французского посла (с сыном которого дрался на дуэли М.Ю. Лермонтов) вынуждает нас покинуть Париж и отправиться в столицу Российской империи.

Екатерина Сушкова и Михаил Лермонтов. История любви

Бал, как и любой церемониал, — это высший уровень общения между людьми. Здесь вы несете ответственность не только за себя, но и за свою семью, за свой род, своих друзей, за тот класс общества, к которому принадлежите.

Но именно на балу, в силу специфики этого церемониала, больше искушений, а следовательно, больше возможностей или испортить свою репутацию, или возвыситься в глазах света. Особенно это важно для женщины, потому что бал — это единственный церемониал, где ей предназначена главная роль. Здесь она демонстрирует свой вкус, грацию, манеры, умение поддерживать беседу.

Мнением света не пренебрегали, но при этом одних светская жизнь тяготила, тогда как других она буквально окрыляла, даруя чувство свободы, спасая от одиночества.

«Многие упрекают меня, — писала в своих записках Е.А. Сушкова, — в сильной привязанности к свету; да, я люблю его, я жажду балов, выездов, шума, толпы, но я люблю их, *как угар, как опьянение, как свободу*. В толпе мне дышится свободнее. Вы, все вы, взлелеянные родительской нежностью, вы не поймете меня! Вы возвращаетесь домой весело, спокойно, есть кому порадоваться вашим успехам, есть вам с кем посоветоваться, есть кому вас приголубить, когда вы обманетесь в надежде, — а я дома более одинока, чем в свете... Нет, поверьте мне, не завидуйте, а главное — не осуждайте тех, которые кажутся слишком привязанными к свету, — это верная примета, что нет им отрады дома!»

Первый выезд на бал, который состоялся 1 января 1829 года, Екатерина Александровна Сушкова (1812—1868) запомнила на всю жизнь.

«Войдя в ярко освещенную залу, у меня потемнело в глазах, зазвенело в ушах; я вся дрожала. Хозяйка и дочь ее (бал состоялся у Хвостовых. — *Авт.*) старались ободрить меня своим ласковым приемом и вниманием. Когда же я уселась и окинула взором залу, я

готова была хоть сейчас уехать домой. <...> Протанцую, думала я, один только танец, не промолвлю ни словечка, вот и останется мне лестное воспоминание о моем первом бале», — вспоминала Е.А. Сушкова.

Но робость скоро исчезла, дамы и девушки заговорили с Екатериной Александровной первыми (тогда еще не существовало в свете правила говорить и танцевать только с представленным лицом), а кавалеры наперебой приглашали ее на танцы.

Во время кадрили партнер спросил Е.А. Сушкову, танцует ли она мазурку. Девушка решила, что у нее интересуются, умеет ли она танцевать мазурку, а потому утвердительный ответ прозвучал отрывисто и с нотками обиды в голосе. Заиграла музыка, а Екатерину Александровну никто не приглашал.

«<...> знакомый мой взбесился, подлетел ко мне, говоря:

- Как же вы мне сказали, что танцуете мазурку?
- Да, — отвечала я.
- Где же ваш кавалер?
- Меня никто не позвал.
- Я звал вас, а вы сказали, что танцуете.
- Ах, боже мой, я сказала вам правду. Я умею танцевать мазурку!»

Искренность и непосредственность Сушковой произвели столь благоприятное впечатление на гостей праздника, что первый выезд на бал стал ее триум-

*Е.А. Сушкова.
Миниатюра 1830-х гг.*

фом, то есть в этот вечер барышню заметили и не забыли.

Дебют прошел столь удачно, что впоследствии Екатерина Александровна, записав дома в бальную книжечку партнеров по танцам, сама первая оповещала кавалеров на балу о своем выборе.

Сушкова не считала себя кокеткой. «Кокетка хочет нравиться всем без исключения, и старому и молодому, и умному и глупому, и женатому и холостому, <...> а я, напротив, и танца, бывало, не дам тому, кто мне ничем не нравился».

Будучи в Москве у А.М. Верещагиной, Е.А. Сушкова (она жила рядом на Молчановке. — *Авт.*) познакомилась с ее двоюродным братом М.Ю. Лермонтовым. Занятия в Университетском пансионе не мешали ему быть почти каждый вечер их кавалером на вечерах. Екатерина Александровна называла его своим чиновником по особым поручениям и отдавала ему на хранение шляпу, зонтик, перчатки. «Сашенька и я <...> обращались с Лермонтовым, как с мальчиком, хотя и отдавали полную справедливость его уму. Такое обращение бесило его до крайности, он домогался попасть в юноши в наших глазах и был неразлучен с огромным Байроном...»¹

Находясь в Москве, Екатерина Александровна имела возможность сравнить петербургские и московские партикулярные балы. К сожалению, это сравнение было не в пользу последних.

28 мая 1833 года она присутствовала на «блестящем» бале, который в Петербурге был бы, по ее словам,

¹ Девушки любили подшучивать над Михаилом Юрьевичем и однажды, зная, что тот неразборчив в пище, угостили его булочками, начинкой которых были опилки. Не успели проказницы опомниться, как Лермонтов несколько булочек съел.

только «бесцветным» вечером. Екатерину Александровну раздражало буквально все: пестрота бальных туалетов, чрезмерно украшенных драгоценностями; неумение изящно использовать аксессуары (одной рукой обмахиваются веером, другой держат огромный букет), но главное — отсутствие хороших манер, принятых в петербургском обществе.

Дамы обращались друг к другу всегда на «ты», тон при этом был резкий и даже дерзкий, слова *madame*, *mademoiselle*, *monsieur* изгнаны из их словаря, допускались обращения по имени, фамилии или даже прозвищу. Содержание беседы состояло исключительно из воспоминаний о редких кавалерах (преимущественно гвардейских офицерах), которые на короткий срок появлялись в Москве и которым, по мнению Сушковой, достаточно лишь поздороваться и попрощаться с дамой, чтобы надолго остаться в ее сердце.

Семейственность московских приемов не всем приходилась по вкусу. Отвергнутая столица во многом противопоставляла себя Петербургу, рафинированность которого тяготила москвичей. Светской барышне из Петербурга, где находился двор, а следовательно, и гвардейские полки, было непросто понять барышню московскую, для которой встреча с гвардейцем — это уже событие.

К тому же столь резкая характеристика московских балов во многом, видимо, объясняется и тем, что в это время Екатерина Александровна находилась в весьма подавленном душевном состоянии. Незадолго до этого она отказала богатому жениху, и этот поступок вызвал неоднозначную реакцию ее родственников.

Но как бы ни критиковала Сушкова московские праздники, именно в Москве, на балу у своей кузины

А. Чельшев.
М.Ю. Лермонтов — юнкер

графини Ростопчиной, она познакомилась с Алексеем Лопухиным, который сумел завоевать ее сердце.

Екатерина Александровна полюбила, и, казалось бы, ничто не предвещало печального завершения этих отношений.

4 декабря 1834 года состоялся бал, который стал для нее одновременно и роковым, и счастливым.

Гости, сняв шубы в швейцарской, входили в танцевальный зал по прекрасной лестнице, украшенной цветами и увешанной зеркалами.

У дверей зала Екатерину Александровну караулил М.Ю. Лермонтов, чтобы первым ангажировать ее на танец.

Она пообещала ему две кадрили и мазурку. Сушкова обрадовалась встрече с Лермонтовым, по ее словам, он отличался умом, но главное, он был «друг Л[опу]хина. Л[опу]хин был моей первенствующей мыслью».

Михаил Юрьевич сообщил Екатерине Александровне, что его на днях произвели в офицеры и что гусарский мундир и эполеты дают ему право танцевать с ней мазурку. В ответ на это Сушкова заметила, что пошла бы танцевать с ним, даже если бы у него не было эполет.

«— По зрелости моего ума?

— Нет, это в сторону; во-первых, я в Петербурге не могу выбирать кавалеров, а во-вторых, я переменялась во многом.

— И этому причина любовь?»

Поэт не ошибся. Сушкова была влюблена, и он откровенно дал ей понять, что знает имя ее избранника, который, по его словам, имеет доброе сердце, но «ничтожный ум».

Екатерина Александровна была смущена, она поняла, что Лопухин рассказал друзьям об их отношениях и, возможно, хвастался «влиянием своим на меня».

В конце разговора Сушкова сказала Лермонтову, что 6 декабря «у нас будут танцевать, и он нам решительно объявил, что приедет к нам».

«Удальство» поэта весьма испугало девушку. Лермонтова не остановило даже то, что в этот день в доме Сушковых не будет приема и к тому же Михаил Юрьевич не представлен ее родным. Но Лермонтов был настроен решительно и не собирался уступать.

6 декабря поэт приехал на вечер к Сушковым. Спустя двадцать дней на балу у генерал-губернатора Екатерина Александровна призналась Лермонтову в любви и дала обещание оставить Алексея Лопухина.

Михаил Юрьевич Лермонтов прибыл на бал к самой мазурке, он был нежен, рассказывал о детстве, о бабушке, радужными красками рисовал картину будущей жизни с девушкой в деревне, за границей, «...всегда вдвоем, всегда любящими и бесконечно счастливыми...».

Екатерина Александровна не знала, что в этот вечер Лермонтов виделся с ее женихом, который почти до двенадцати ночи сидел у постели «больного» поэта, а после его ухода поехал на бал, поэтому, когда Лопухин требовал у Сушковой ответа, с кем она танцевала на этом балу мазурку, он не мог поверить, что партнером Екатерины был Лермонтов, и требовал сказать правду. Это был конец их отношениям.

Сушкова понимала, что оттолкнула «верное счастье быть любимой, богатой, знатной за неверный призрак, за ненадежную любовь!».

Поступок Лермонтова не просто насторожил, а испугал Екатерину Александровну, но ослепленная любовью женщина не думает о будущем.

Сушкова боготворила поэта, он же относился к ней весьма своеобразно: требовал гладко зачесывать волосы, хотя эта прическа явно не шла Екатерине Александровне, носить одно и то же платье, пунцовый цвет которого в сочетании с зеленым венком делал его более похожим на театральный костюм, чем на балльный туалет. На все замечания Сушковой Лермонтов отвечал: «Что вам до других, если вы мне так нравитесь?» Екатерина Александровна боялась дуэли между Лопухиным и Лермонтовым. Лопухин трогал ее своей преданностью, покорностью, смирением. Лермонтов поработил своей взыскательностью, он не молил, а требовал любви. Но, несмотря ни на что, выбор был сделан в пользу поэта. Однажды вечером Екатерина Александровна получит анонимное письмо:

«Милостивая государыня,
Екатерина Александровна.

Позвольте человеку, глубоко вам сочувствующему, уважающему вас и умеющему ценить ваше сердце и благородство, предупредить вас, что вы стоите на краю пропасти, что любовь ваша к нему (известная всему Петербургу, кроме родных ваших) погубит вас. Вы и теперь уже много потеряли во мнении света оттого, что не умеете и даже не хотите скрывать вашей страсти *к нему*.

Поверьте, *он* не достоин вас. Для *него* нет ничего святого, *он* никого не любит. *Его* господствующая

страсть: господствовать над всеми и не щадить никого для удовлетворения своего самолюбия.

Я знал *его* прежде, чем вы, *он* был тогда и моложе и неопытнее, что, однако же, не помешало ему погубить девушку, во всем равную вам и по уму и по красоте. *Он* увез ее от семейства и, натешившись ею, бросил.

Опомнитесь, придите в себя, уверьтесь, что и вас ожидает такая же участь. На вас вчуже жаль смотреть. О, зачем, зачем вы его так полюбили? Зачем принесли *ему* в жертву сердце, преданное вам и достойное вас.

Одно участие побудило меня писать к вам; авось еще не поздно! Я ничего не имею против *него*, кроме презрения, которое он вполне заслуживает. *Он* не женится на вас, поверьте мне; покажите *ему* это письмо, он прикинется невинным, обиженным, забросает вас страстными уверениями, потом объявит вам, что бабушка не дает ему согласия на брак; в заключение прочтет вам длинную проповедь или просто признается, что он притворялся, да еще посмеется над вами, и — это лучший исход, которого вы можете надеяться и которого от души желает вам:

Вам неизвестный, но преданный вам
друг NN».

После допроса, устроенного близкими, она чувствовала себя отверженной от семьи.

Разлука с Лермонтовым, которого не пускали в дом, становилась с каждым днем все более невыносимой.

Спустя время на вечере у Лонгиновых, где Сушковой было запрещено танцевать мазурку с Лермонтовым, они все же нашли друг друга, сели рядом и весь вечер проговорили. На других вечерах она старалась танцевать только с Михаилом Юрьевичем. Так Екатерина Александровна и жила от вечера к вечеру и

считала жизнью только те минуты, когда видела поэта. Затем они встречались все реже. И вот на одном из балов Лермонтов прошел мимо Сушковой, сделав вид, что не заметил ее. Она попыталась понять, за что он сердится.

«Имею ли я право сердиться на Вас? Я доволен всем и всеми и даже благодарен Вам, за все благодарен».

В этот вечер Михаил Юрьевич больше не разговаривал с Екатериной Александровной. Но через несколько дней он ей скажет: «<...> я Вас больше не люблю, да, кажется, и никогда не любил».

Впоследствии одной из кузин Сушковой, которая во всех подробностях знала историю взаимоотношений Екатерины Александровны и Михаила Юрьевича, Лермонтов признается: «<...> я ее любил искренне, хотя и недолго, она мне была жалка, и я уверен, что никто и никогда так не любил и не полюбит меня, как она».

В перипетиях любовной игры, инсценированной Лермонтовым в столичных светских гостиных зимой 1834/35 года, поэт напишет в одном из писем к А.М. Верещагиной: «Теперь я не пишу романов, я их делаю».

Однако, как справедливо отмечает Ю.Г. Оксман, «<...> Лермонтов не только *делал* романы, — вопреки своей юношеской бравade, он их писал.

Страницы «Княгини Лиговской» <...> свидетельствуют о том, что уже в 1836 году история с Е.А. Сушковой дала материал для одного из важнейших сюжетных узлов романа, почти все персонажи которого представляли собою откровенные сколки с живых лиц, участников той же светской эпопеи.

«Полтора года тому назад, — читаем мы в третьей главе «Княгини Лиговской», — Печорин был еще в

свете человек довольно новый: ему надобно было, чтоб поддержать себя, приобрести то, что некоторые называют светскою известностью, т. е. прослыть человеком, который может делать зло, когда ему вздумается; несколько времени он напрасно искал себе пьедестала, вставши на который он бы мог заставить толпу взглянуть на себя; сделаться любовником известной красавицы было бы слишком трудно для начинающего, а скомпрометировать девушку молодую и невинную он бы не решился, и потому он избрал своим орудием Лизавету Николаевну, которая была ни то, ни другое. Как быть? В нашем бедном обществе фраза: он погубил столько-то репутаций — значит почти: он выиграл столько-то сражений».

История взаимоотношений Сушковой с Лермонтовым, особенно ее финал, стала для девушки сильным душевным потрясением, она потеряла «надежду на любовь».

Екатерина Александровна уезжает в деревню, где в 1836—1837 годах пишет свои записки — исповедь, отнюдь не предназначавшуюся для печати¹. В 1838 году Е.А. Сушкова вышла замуж за А.В. Хвостова, с которым познакомилась на балу 1 января 1829 года, — он был первым кавалером ее первой мазурки².

Находясь долгое время за границей, последние годы Е.А. Хвостова провела в Петербурге в заботах о воспитании дочерей.

¹ Дочери Е.А. Сушковой решили обнародовать эти записки. В 1896 году они были напечатаны в «Вестнике Европы».

² Это был весьма образованный человек, он служил на дипломатическом поприще, был секретарем при посольствах в Соединенных Штатах и Персии, директором дипломатической канцелярии в Тифлисе, секретарем посольства в Турине, поверенным в делах в Неаполе и, наконец, состоял в звании генерального консула в Венеции, Марселе и Генуе.

В Середниково летом 1830 года Михаил Юрьевич напишет и посвятит Екатерине Александровне стихи, в которых кроется истинная правда о чувствах поэта.

ЧЕРНООКОЙ¹

Твои пленительные очи
Яснее дня, чернее ночи.

Вблизи тебя до этих пор
Я не слыхал в груди огня.
Встречал ли твой волшебный взор —
Не билось сердце у меня.

И пламень звездочных очей,
Который вечно, может быть,
Останется в груди моей,
Не мог меня воспламенить.

К чему ж — разлуки первый звук
Меня заставил трепетать?
Он не предвестник долгих мук,
Я не люблю! Зачем страдать?

Однако же хоть день, хоть час
Желал бы дольше здесь пробыть,
Чтоб блеском ваших чудных глаз
Тревогу мыслей усмирить.

БЛАГОДАРЮ!²

Благодарю!.. Вчера мое признание
И стих мой ты без смеха приняла;
Хоть ты страстей моих не поняла,
Но за твое притворное вниманье
Благодарю!

В другом краю ты некогда пленяла,
Твой чудный взор и острота речей
Останутся навек в душе моей,
Но не хочу, чтобы ты мне сказала:
Благодарю!

¹ См.: Сушкова Е. Записки. Л., 1928. С. 113.

² Там же. С. 114.

Я б не желал умножить в цвете жизни
Печальную толпу твоих рабов
И от тебя услышать, вместо слов
Язвительной, жестокой укоризны:

Благодарю!

О, пусть холодность мне твой взор укажет,
Пусть он убьет надежды и мечты
И все, что в сердце возродила ты;
Душа моя тебе тогда лишь скажет:

Благодарю!

* * *

У врат обители святой¹
Стоял просящий подаянья
Бессильный, бледный и худой,
От глада, жажды и страданья.

Куска лишь хлеба он просил,
И взор являл живую муку,
И кто-то камень положил
В его протянутую руку.

Так я молил твоей любви
С слезами горькими, с тоскою;
Так чувства лучшие мои
На век обмануты тобою!

Посещение императорской фамилией Одессы и Крыма. 1837 год

В 1837 году император Николай Павлович предпринял путешествие на юг России, главная цель которого — маневры в Вознесенске с 18 августа по 3 сентября. Генерал-губернатор Новороссии М.С. Воронцов принимал в подготовке визита активное участие.

«В апреле—мае 1837 года граф находился в Алупке, где продолжалось строительство дворца. Оттуда он

¹ См.: Сушкова Е. Указ. соч. С. 115.

К. Гампельн. Светлейший князь М.С. Воронцов. 1820-е гг.

направлял письма гражданским губернаторам Таврической, Екатеринославской и Херсонской губерний, керчь-еникальскому градоначальнику, командиру Балаклавского греческого пехотного батальона. Содержание посланий было одинаковым: построены ли пристани, отремонтированы ли мосты, какие меры приняты по исправлению дорог от Севастополя до Балаклавы, из Таганрога до Ростова, от Вознесенска до Николаева и Одессы?»

Специальные комиссии занимались «заготовлением почтовых, а в Крыму почтовых и верховых лошадей, седел и всякого рода сбруи», подготовкой квартир и убранством интерьеров, «распределением продовольственных припасов».

Обязательными членами комиссии были купцы, которым оказывалось содействие для поездки в Константинополь «за различными вещами»: мебелью, тканями, предметами декоративно-прикладного искусства, предназначавшимися, к примеру, «для украшения Бахчисарайского ханского дворца, который будет посещать Государь император».

Перед самым приездом царя в Одессу Воронцов покинул Вознесенск, чтобы убедиться в готовности города принять гостей.

Императрица и великая княжна Мария Николаевна прибыли в Одессу 4 сентября и остановились во дворце новороссийского генерал-губернатора. Программа посещения города Александрой Федоровной была следующей: 5-го императрица вместе с великой княжной прослушала Божественную литургию в церкви Одесского института благородных девиц, состоявшего под покровительством Александры Федоровны. Приветствуя воспитанниц, она упомянула, что в 1818 году положила первый камень дома, занимаемого институтом. Затем последовало посещение собора.

Проехав в экипаже по одесским улицам, императрица выразила «свое удовольствие при виде изящных зданий... города».

Вечер был посвящен посещению театра, где давали «Норму» Беллини.

В ночь с 5 на 6 сентября в Одессу прибыл император с наследником престола.

*П.Ф. Соколов. Светлейшая
княгиня Е.К. Воронцова.
Около 1823 г.*

6 сентября Николай I с Александрой Федоровной посетили собор, где приняли из рук архиепископа Гавриила святую икону. Затем состоялись смотр войск и представления во дворце военных и гражданских чиновников, иностранных консулов и почетного купечества.

Вечером того же дня в здании Биржи в честь высочайших гостей Одесса давала бал, который, как и всякий церемониал, имеет символическое значение.

«Бал имеет символическое значение?» — удивится кто-то из читателей.

Чтобы рассеять подобные сомнения, предлагаю на некоторое время покинуть Одессу и вернуться на несколько дней назад — в Вознесенск, где 30 августа в доме главного начальника сосредоточенных в Вознесенске войск, генерала от кавалерии графа Витте, состоялся бал.

Стены и потолок бального зала были обтянуты кисеею, вдоль карниза висели фестоны из голубой материи, отороченные блестящей бахромой.

Зал украшали воинские доспехи и огромные канделябры, сделанные из сабель и ружей. Четыре люстры были увенчаны кирасирскими касками. В глубине, от пола до потолка, возвышался тройной ряд ружей, сабель и копий, освещенных множеством свечей.

Две комнаты, предназначенные для императорской фамилии, отличались изяществом убранства. В одной

из них было развешено редкое оружие разных веков и народов. Бал начался в восемь часов вечера и окончился в два часа ночи (число посетителей доходило до 1500 человек). Бал в Вознесенске — бал военной столицы края.

Бал в Одессе должен был представить город как столицу огромного сельскохозяйственного региона империи, центр торговли и мирного судоходства.

За две недели до приема одесский градоначальник А.И. Левшин обратился к М.С. Воронцову с просьбой утвердить смету на «исправление всей наружной штукатурки и побелку стен биржевого здания; на устройство внутри большой залы пилястр и «росписку» стены; на пробивку двух дверных отверстий и на сделание дверей с коробками и приборами...». Градоначальник предлагал произвести все эти работы за свой счет. Но Воронцов наложил резолюцию: «разрешить из суммы 1838 года», имея в виду городские доходы.

Мебель, ковры, египетские циновки, турецкие шали, предназначенные для залов и комнат Биржи, были привезены в Одессу из Константинополя.

Бал устраивался по добровольной подписке жителей, без привлечения городских, казенных или общественных средств. Сумма расходов доходила до 70 тысяч рублей. Обязанности хозяйки бала приняла на себя графиня Е.К. Воронцова.

Вечером 6 сентября 1837 года здание Биржи напоминало сказочный дворец, над балконом которого блистали слова: «Боже, царя храни!» Перед входом в зал был устроен кабинет для императрицы. Его убранство отличалось вкусом, оригинальностью и роскошью. Кабинет украшали листья и гроздья свежего винограда, драпировка из роскошных шалей. Открылся бал полонезом, и первой парой были императрица с генерал-губернатором М.С. Воронцовым.

Петербургский двор того времени задавал тон европейским дворам как самый пышный, блестящий и светский. Императрица Александра Федоровна была воплощением изящества, любила окружать себя прекрасным и обладала утонченным вкусом. Она поистине царила на балах своего времени, восхищая всех грациозностью движений: «Императрица... танцевала как-то совсем особенно: ни одного лишнего рас, ни одного прыжка или неровного движения у нее нельзя было заметить. Все говорили, что она скользила по паркету, как плавает в небе облачко, гонимое легким ветерком», — вспоминала М. Каменская.

Поэтическое прозвище Александры Федоровны — Лалла Рук. Именно под этим именем увековечена императрица в ранней редакции VIII главы «Евгения Онегина» А.С. Пушкина:

Когда в умолкший, тесный круг,
Подобна лилии крылатой,
Колеблясь, входит Лалла Рук.
И над поникшею толпою
Сияет царственной главою
И тихо вьется и скользит
Звезда — Харита меж Харит.

* * *

Петербургский двор задавал тон европейским дворам, как самый пышный, блестящий и светский. Императрица Александра Федоровна была воплощением изящества, любила окружать себя прекрасным и обладала утонченным вкусом. Она поистине царила на балах своего времени, восхищая присутствовавших грациозностью движений в полонезе и французской кадрили. Александре Федоровне не было равных в их исполнении. «Императрица Александра Федоровна танцевала как-то особенно: ни одного лишнего рас, ни одного прыжка или неровного движения у нее нельзя было заметить. Все говорили, что она скользила по паркету, как плавает в небе облачко, гонимое легким ветерком», — вспоминала М. Каменская.

*Великий князь Николай Павлович в костюме Алариса,
царя Бухарского, и великая княгиня Александра Федоровна
в костюме Лалла Рук*

Зимний сезон 1820/21 года в Берлине был особенно блестящ. Этому немало способствовало присутствие в столице многочисленных августейших особ, и прежде всего великого князя Николая Павловича и великой княгини Александры Федоровны. По предложению герцога Карла Мекленбургского собравшиеся принцы и принцессы решили дать в королевском замке представление, в котором соединились бы все искусства — пластика, драма, музыка, живопись. В качестве сюжета была избрана поэма Томаса Мура «Лалла Рук». Напомним вкратце ее содержание.

Владелец Бухарии Абдалла отправляется в Дели, к повелителю Индии Ауренгзебу просить руки его дочери Лалла Рук для своего сына Алариса. Во время путешествия принцессы в Кашмир, где ее должен встретить жених, Лалла Рук влюбляется в молодого поэта. С грустью приближается она к Кашмиру, где должна расстаться с вдохновенным певцом. Но, прибыв в город, Лалла Рук

узнает в вышедшем ей навстречу женихе своего любимого, очаровавшего ее спутника-поэта.

Поэма была воспроизведена в ряде живых картин, сопровождаемых пением и исполнением инструментальных номеров. Постановкой картин занимался известный архитектор Шинкель. Романсы на музыку Спонтини исполнили лучшие певцы Берлинской оперы. Помимо профессиональных актеров, в картинах участвовали все августейшие особы, представители высшего берлинского общества — всего 123 человека.

Обе главные роли выпали на долю Николая Павловича и Александры Федоровны. Великая княгиня изображала Лалла Рук. Она была в длинном белом платье с корсажем из золотого газета. Прозрачная розовая вуаль с серебряными прошивками была наброшена на ее плечи. Костюм Николая Павловича, исполнявшего роль Алариса, состоял из голубого кафтана черкесского покроя, с широким поясом, на голове — род татарской шапки и зеленой чалмы.

Представление состоялось в берлинском королевском замке 15 (27) января 1821 года перед членами двора и высшим обществом и повторено для большого круга зрителей 30 января (11 февраля) на сцене только что отстроенного Берлинского драматического театра.

Как ясно показывает выбор сюжета, целью представления являлось приветствие долгожданного союза брата русского императора с дочерью короля Пруссии.

Согласно отзывам в печати, великая княгиня играла великолепно. Это зрелище вдохновило В.А. Жуковского, присутствовавшего на празднике в Берлине, на создание одного из своих лучших творений — стихотворения «Лалла Рук» (январь 1821 года).

Подобные праздники становились событием в политической и культурной жизни Европы, знаковым символом своего времени, отражающим основные этические нормы высшего класса общества.

* * *

В двенадцатом часу ночи император удалился, но танцы продолжались. В первом часу пополуночи высокие гости последовали на ужин, столы для которого были накрыты между биржевой колоннадой и балльным залом. Стены украшали флаги морских держав, люстры были изготовлены в виде морских якорей.

Стол для императорской фамилии был установлен на специальном возвышении. Кроме того, были на-

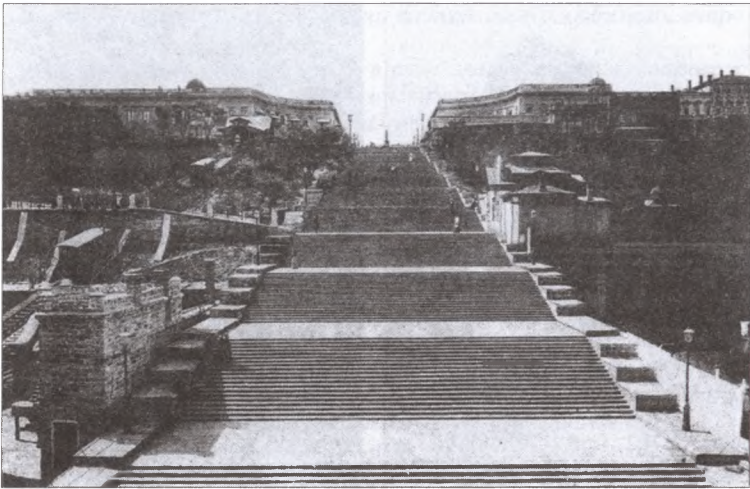
Император Николай Павлович и императрица Александра Федоровна

крыты 30 столов в этом же зале для 350 особ, других посетителей угощали в отдельных комнатах.

После ужина Александра Федоровна вернулась в танцевальный зал. Знак высочайшего уважения — следовать в первой паре с императрицей. Этой чести вновь удостоился М.С. Воронцов. И это при том, что в зале присутствовали наследник и великий князь Михаил Павлович. Бальный церемониал еще раз подтвердил особый статус генерал-губернаторской власти и личное уважение к М.С. Воронцову.

Этот бал — важное событие в истории не только культурной, но и политической жизни Одессы и всего региона.

7 сентября царь посетил одесский карантин, совершил поездку вдоль берега до Пересыпской лесной плантации и лично поблагодарил одесского градоначальника Левшина за инициативу по насаждению де-

Бульварная лестница в Одессе

Институт благородных девиц в Одессе

ревьев на сыпучем песке. Николай Павлович осмотрел строящуюся каменную лестницу, городскую больницу, Одесский институт благородных девиц, «тюремный замок» и другие городские заведения.

Государыня побывала на выставке сельских, художественных и ремесленных произведений.

В институте благородных девиц воспитанницы всех классов держали экзамен в присутствии императрицы. Николай I наблюдал за экзаменом в высшем классе. Вместе с наследником царь осмотрел церковь, больницу, обошел все классы института.

Концерт, данный воспитанницами, был весьма оригинален: шестнадцать девушек разыграли на восьми фортепиано увертюру оперы Россини «Семирамида», аранжированную на тридцать две руки, а затем последовали хоровое пение и изящные танцы.

В доме призрения сирот императрицу принимали председатель Одесского женского благотворительного общества графиня Е.К. Воронцова и вице-председатель граф Р.С. Эдлинг.

Император вместе с наследником посетил Ришельевский лицей, еврейское мужское и женское училища, дом призрения сирот Одесского благотворительного общества, дом призрения нищих и еврейскую больницу.

На выставке одесских художников и ремесленников Николай Павлович приказал налить рюмку одесского вина и выпил за их здоровье.

Завершился день итальянской оперой в Одесском театре.

9 сентября утром император вместе с императрицей и наследником отплыли в Севастополь. Иностранные торговые суда салютовали военному пароходу «Северная звезда» пушечными выстрелами.

Царь должен был покинуть Одессу на следующий день после приезда, но задержался на несколько дней. Нельзя не согласиться с историком В.В. Солодовой, что причина изменения графика путешествия — это

*Автолитография Г. Митрейтора.
Император Николай I*

прием, оказанный в Одессе, и, бесспорно, в этом заслуга М.С. Воронцова.

Император — первый человек в государстве, а генерал-губернатор — в доверенном ему регионе. И несмотря на это, а может быть, именно поэтому имя М.С. Воронцова не мелькает на страницах периодической печати тех лет, оно упоминается только в связи со значительными событиями.

Находясь в Одессе, царь в своих обращениях подчеркивает уважение к местным властям и жителям города, отношение к генерал-губернатору он выскажет по окончании путешествия.

Л. Дессеме с оригинала Т. Лоуренса.

Портрет графа М.С. Воронцова

Нравственное кредо генерал-губернатора М.С. Воронцова содержится в словах, сказанных сыну: «Люди с властью и богатством должны так жить, чтобы другие прощали им эту власть и богатство»

10 сентября в Севастополе в два часа пополудни государь произвел в море смотр Черноморского флота, затем посетил Георгиевский монастырь, где был встречен митрополитом Агафангелом и М.С. Воронцовым.

Два дня спустя император и наследник прибыли в Бахчисарай; здесь состоялась встреча с татарским

дворянством. Они осмотрели мечеть, ханские гробницы, в диванном дворце был совершен обряд татарской свадьбы.

13 сентября Николай I и Александр Николаевич отправились в Севастополь, а императрица — в Успенский собор.

В Чуфут-Кале караимы приветствовали Александру Федоровну криками «ура!». Осмотрев мечеть, она посетила караимский дом и после завтрака в окружении свиты отправилась верхом в Бахчисарай.

По завершении смотра Черноморского флота император и цесаревич прибыли в Бахчисарай, откуда августейшая семья выехала в Симферополь. М.С. Воронцов встречал гостей в соборе. После молебна они последовали в загородный дом графа.

На губернской выставке императорская фамилия отметила изделия из крымского мрамора и «порфира», одна ваза «порфиновая» была пожалована эрцгерцогу Иоанну Австрийскому, а другая (мраморная) — М.С. Воронцову, а затем царь осмотрел военный госпиталь, больницу, странноприимный дом, строящиеся богоугодные заведения и «остался доволен везде порядком и чистотой».

На Южный берег Крыма император и императрица отправились 15 сентября.

Таврида прекрасна в это время. На смену зною приходит мягкое обволакивающее тепло. Если пейзаж средней полосы России можно сравнить с застенчивой девушкой, красота которой незаметна с первого взгляда, то природа Южного берега Крыма напоминает роскошную светскую львицу, один взгляд на которую вызывает восторг. Эту землю невозможно разлюбить...

Отобедав в Алуште, путешественники проехали через станцию Бюк-Ламбат до поворота в Артек и при

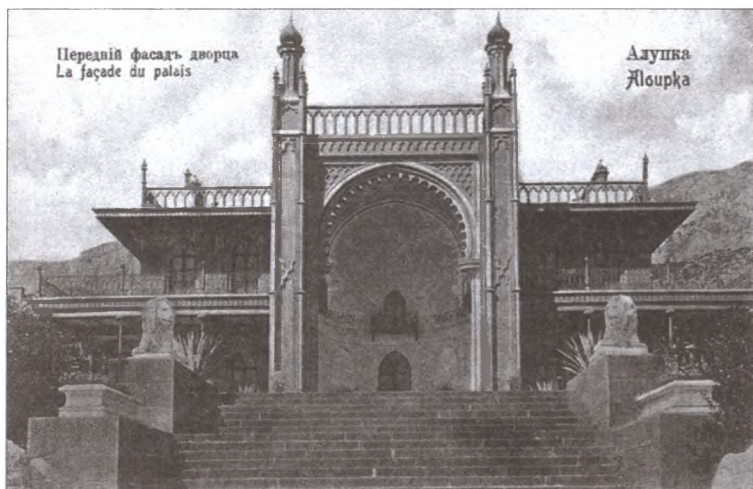
К. Боссоли. Алушта

спуске с большой дороги были встречены М.С. Воронцовым с супругой. Думается, встреча именно в этом месте носила определенный смысл. Дороги — одна из главных забот генерал-губернатора.

Но одно дело — рапортовать о проделанных работах на бумаге, а другое — не побояться продемонстрировать плоды своих трудов на практике. М.С. Воронцов никогда не отступал и не перекладывал свою ответственность на других. За промахи он привык отвечать сам, в случае же успеха в первую очередь представлял к награде своих подчиненных. Согласитесь, достаточно редкое качество для руководителей подобного ранга.

Вот и в Артеке гости одобрили дорожные работы и отметили труды одного из инженеров.

16 сентября они отправились из Артека в Гурзуф, а далее продолжили свой путь через имения Сафонова, Джаксона, владения Воронцова — Ай-Даниль,

Алупка. Главный корпус дворца. Южный фасад

Мартьян, Никитский сад и Магарач, в Массандру графа Воронцова, где расположились на ночлег.

17-го путешественники были уже в Ялте, где присутствовали при освящении церкви.

Визит императорской семьи в Ялту — это особая страница в истории города. Николай I предоставил небольшой деревушке на Южном берегу Крыма статус города, очертил на карте его границы и утвердил план, составленный архитектором Эшлиманом.

17 сентября состоялось посещение Ореанды, принадлежавшей графу Витте. Оно примечательно великолепной вечерней иллюминацией.

В этот же день высочайшим указом имение Ореанда было подарено Николаем I супруге Александре Федоровне, управление имением оставалось под надзором М.С. Воронцова.

Днем позже Николай Павлович и Александра Федоровна побывали в доме князя А.Н. Голицына в Гаспре.

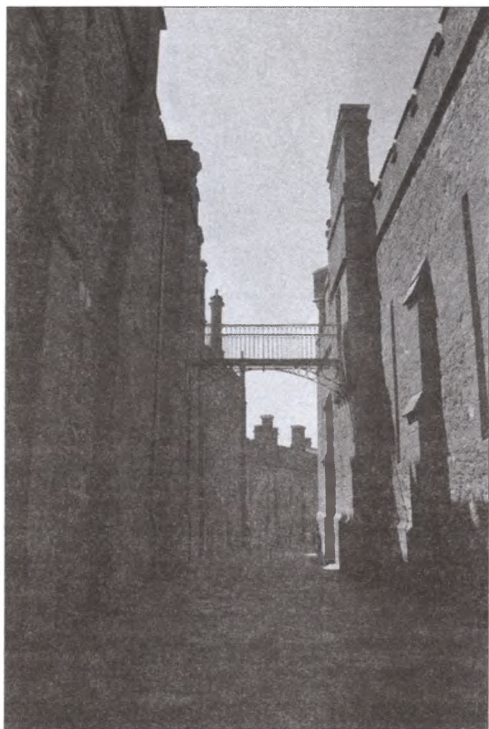
Алупка. Главный корпус со стороны парадного двора

В Мисхоре они встретились с Еленой Павловной и во втором часу пополудни прибыли в Алупку, при въезде в которую были встречены хозяевами хлебом и солью.

В восемь часов вечера начался праздник. Горы и деревья засияли огнями. На Ай-Петри были разложены костры. Казалось, что звезды спустились с небес. В рощах и ущельях среди скал звучала музыка. Великолепное торжество, устроенное Карлом Кебахом, удалось на славу.

19 сентября гости слушали Божественную литургию в Кореизской церкви. По окончании обедни царь осмотрел пехотный батальон Модлинского полка. После обеда государь и наследник отправились в Ялту, откуда отплыли на пароходе «Северная звезда» в Геленджик.

Александра Федоровна осталась в Алупке. Императрица проводила вечера в комнате, называемой

Алупка. Шуваловский проезд

Сераскирской. Она была отделана по образцу подобной комнаты в Константинополе в доме Сераскир-паши. По лиловому фону стен и потолка вились цветы, пол покрывала египетская циновка. Несколько хрустальных ваз с золотыми рыбками украшали гостиную.

Император, посетив на обратном пути из Геленджика и Анапы Керчь, отправился в Редут-Кале.

Императрица и княжна продолжали наслаждаться красотами Алупки, прогуливаясь каждый день по ее садам и окрестностям.

К. Боссоли. В горах близ Ай-Петри

Не забывали августейшие гости и соседей Воронцовых. 25 сентября они завтракали у княгини Кочубей в Симеизе, а 26 сентября в Мисхоре у О.С. Нарышкиной. В тот же день прибыл в Ялту из Керчи наследник, 27 сентября императрица посетила Ореанду. 28-го наследник выехал из Алупки и отправился в Симферополь.

В день отъезда Александры Федоровны, 30 сентября, татарские женщины устроили обед в ее честь. На зеленой площадке, рядом с дворцом, под навесом из винограда сидели татарки с детьми, угощение состояло из риса с маслом. Сначала женщины смущались, но затем живо общались с Александрой Федоровной через переводчика. После прочтения молитвы Аллаху они пожелали императрице счастливого пути.

30 сентября путешественники прибыли в Массандру. 1 октября императрица прослушала в Массандровской церкви обедню.

*С. Фросте. Графиня
О.С. Нарышкина. Конец
1830-х гг.*

2 октября через Биюк-Ламбат гости прибыли в Алушту, откуда поднялись верхом на Чатырдаг и, пересев в экипажи, прибыли в Симферополь, где остановились в доме графа Воронцова, 3 октября они покинули город.

Путешествие императора стало для М.С. Воронцова своеобразным экзаменом.

В высочайшем рескрипте на имя новороссийского и бессарабского генерал-губернатора М.С. Воронцова Николай Павлович отмеча-

ет, что, посетив Одессу, он нашел в городе отличный порядок, строительство «многих красивых зданий», что свидетельствует о «цветущем онго состоянии». Поездка в Крым доставила Николаю Павловичу не меньшее удовольствие, чем визит в Южную Пальмиру — Одессу.

Особенно порадовали царя успехи в строительстве на Южном берегу Крыма «прочных и удобных дорог».

Император подчеркивает, что отдает должное «благоразумной заботливости и неусыпным трудам» М.С. Воронцова и выражает генерал-губернатору «полную и совершенную признательность за отлично-полезное служение Ваше, пребывая к Вам навсегда благосклонный Николай». Четырнадцатилетний труд на благо Новороссии и всей империи был заслуженно оценен императором.

**Законодатели бальной моды
30—40-х годов XIX века княгиня
З.И. Юсупова и графиня
А.К. Воронцова-Дашкова**

Когда мы говорим о 30-х годах XIX столетия, то у многих это время ассоциируется исключительно с личностью Пушкина, его жизнью и творчеством. Наверное, это во многом справедливо. Но, к сожалению, в подобном взгляде кроется опасность одностороннего восприятия большого света, который, по словам графа Владимира Александровича Соллогуба, «<...> в тридцатых годах <...> был настоящим большим светом. Русская знать, еще не обедневшая, держалась сановито и строго чуждалась наводнивших ее впоследствии всякого рода проходимцев. Но всем и каждому соблюдалась вежливость самая утонченная, гостеприимство самое широкое. Торгашество почиталось позором, всякий поступок, могущий подать повод истолкованиям ложным, возбуждал порицание самое строгое. Хотя беспредельно преданный и зависимый от двора, большой свет в то же время сумел сохранить некоторую независимость».

После гибели Лермонтова Белинский ставил Соллогуба на второе место среди современных писателей — сразу вслед за Гоголем, поэтому мы не будем пренебрежительно отмахиваться от мнения тех, кто не только по рождению, но и по воспитанию, образованию по праву принадлежал к высшим кругам русского общества 30—40-х годов XIX столетия, и с помощью их воспоминаний попытаемся восстановить картины русских балов второй четверти XIX века.

16 января 1839 года М.А. Корф писал в своем дневнике:

«Элементы, из которых составляются эти балы *большого света*, довольно трудно обнять какими-нибудь общими чертами. Разумеется, что на них бывает весь аристократический круг; но кто *именно* составляет этот круг в таком государстве, где одна знатность происхождения не дает сама по себе никаких общественных прав, — объяснить не легко. В этом кругу есть всего понемножку, но нет ничего, так сказать, dokonченного, округленного. Тут есть и высшие административные персонажи, но не все; некоторые отделяются от светского шума по летам, другие по привычке и наклонностям. Точно так же в этом кругу есть и богатые, и бедные, и знатные, и ничтожные, даже такие, о которых удивляешься, как они туда попали, не имея ни связей, ни родства, ни состояния, ни положения в свете! Между тем весь этот круг как заколдованный: при 500 000 населения столицы, при огромном дворе, при централизации здесь всех высших властей государственных — он состоит не более как из каких-нибудь 200 или 250 человек, считая оба пола, и в этом кругу, то есть в особенно так называемом *большом свете*, невозможно и подумать дать в один вечер два бала вдруг. Молодые люди-танцоры попадают легче, но тоже не без труда. Так, например, флигель-адъютанты и кавалергардские офицеры почти все везде; конногвардейских много; прочих полков можно всех назвать наперечет, а некоторых мундиров, например гусарского, уланского и большей части пехотных гвардейских, решительно нигде не видеть. Появление в этом эксклюзивном кругу *нового* лица, старого или молодого, мужчины или женщины, так редко и необыкновенно, что составляет настоящее происшествие. Заклучу одним: человеку, не посвященному в таинства петербургских салонов, невоз-

можно ни по каким соображениям угадать *à priori*, *кто* принадлежит к большому кругу и кто нет. Есть министры, члены Государственного совета, генерал-адъютанты, статс-секретари, придворные чины, — не говоря уже о сенаторах, которых нигде никогда не увидишь, которые решительно никуда не приглашаются: есть люди знатные по роду и богатству, просвещенные, со всеми формами лучшего общества, которые в том же положении; и есть, напротив, — как я уже сказал, — люди совершенно ничтожные, которые везде бывают, которых *везде* зовут, большею частью потому, кажется, что они играют в высокую игру, до которой некоторые из наших баричей большие охотники».

Как справедливо отмечает в своем исследовании, посвященном узловым проблемам биографии М.Ю. Лермонтова в 1837—1841 годах, Э.Г. Герштейн, весьма «знаменательно наблюдение Корфа о лейб-гусарских мундирах». Появление на балах в Аничковом дворце лейб-гусар — явление новое и во многом замечательное. Кавалергарды теряли свое исключительное преимущество безраздельно царить на придворных балах. Лейб-гусарский полк славился своими традициями, в разное время там служили П.Я. Чаадаев, Денис Давыдов, приятель А.С. Пушкина П.П. Каверин. Лейб-гусарскому полку посвящена строфа в «Тамбовской казначейше»:

Родов, обычаев боярских
Теперь и следу не ищи,
И только на пирах гусарских
Гремят, как прежде, трубачи.
О, скоро ль мне придется снова
Сидеть среди кружка родного
С бокалом влаги золотой
При звуках песни полковой!

И скоро ль ментиков червонных
Приветный блеск увижу я,
В тот серый час, когда заря
На строй гусаров полусонных
И на бивак их у леска
Бросает луч исподтишка!

На квартире Лермонтова в Царском Селе собирались А. Монго-Столыпин, К. Браницкий, А. Долгорукий, А. Шувалов, те, кто составляли треть общества «шестнадцати», которое в 1839 году состояло из молодых людей, «<...> частью окончивших университет, частью из кавказских офицеров. Каждую ночь, возвращаясь из театра или с бала, они собирались то у одного, то у другого. Там после скромного ужина, куря свои сигары, они рассказывали друг другу о событиях дня, болтали обо всем и все обсуждали <...>». Участники кружка были желанными гостями на светских приемах. Так, 9 октября на званом ужине в Царском Селе присутствовали А.Г. Столыпин и А.А. Монго-Столыпин, А.П. Шувалов, А.Н. Долгорукий. 3 и 29 января 1839 года эти лейб-гусары приглашаются в Аничков дворец для танцев.

Одним из тех, кто пользовался особым уважением товарищей, был А.А. Монго-Столыпин, прославившийся среди современников своей преданностью А.К. Воронцовой-Дашковой. Благодаря очарованию графини дом ее супруга в Петербурге был одним из самых блестящих.

Александра Кирилловна отличалась не только необыкновенным остроумием, но и тонким вкусом, изяществом, грацией, неподдельной веселостью. Многие женщины пытались ей подражать, но «...ни одна из них не могла казаться тем, чем та была в действительности».

Графиня А.К. Воронцова-Дашкова

К ПОРТРЕТУ

*Как мальчик кудрявый, резва,
Нарядна, как бабочка летом;
Значенья пустого слова
В устах ее полны приветом.*

*Ей нравиться долго нельзя:
Как цепь, ей несносна привычка,
Она ускользнет, как змея,
Порхнет и умчится, как птичка.*

*Таит молодое чело
По воле — и радость и горе.
В глазах — как на небе светло,
В душе ее темно, как в море!*

*То истиной дышит в ней все,
То все в ней притворно и ложно!
Понять невозможно ее,
Зато не любить невозможно.*

«В петербургском обществе в подражание парижскому впервые тогда появились львицы, или так называемые дамы высшего круга, отличавшиеся в свете или своею роскошью, или своим положением, или своим умом, или своей красотой, или, наконец, всем этим совокупно, а главное — множеством своих поклонников. <...> Графиня Воронцова, бесспорно, более всех заслуживала <...> наименования львицы. <...> Она не имела соперниц».

Весь цвет петербургского общества приглашался на ежегодный зимний бал к Воронцовым-Дашковым. В этот вечер дворец Воронцовых представлял великолепное зрелище: «На каждой ступени лестницы стояло по два ливрейных лакея: внизу в белых кафтанах — ливрея Дашковых, на второй половине лестницы в красных кафтанах — ливрея Воронцовых».

К десяти часам заканчивался съезд гостей, которые, в ожидании членов императорской фамилии, размещались в двух первых залах дворца. Когда приходило известие, что император с императрицей выехали к Воронцовым, мажордом Риччи, в черном бархатном фраке, коротких бархатных панталонах, чулках и башмаках, со шпагой сбоку и треуголкой под локтем, вставал в сопровождении двоих дворецких у подъезда. Граф Воронцов находился в это время на первой ступени лестницы, графиня — на первой площадке. Императрица поднималась по лестнице, опираясь на локоть графа Воронцова, при этом она с присущей ей любезностью приветствовала присутствующих. Император следовал за своей супругой.

Бал начинался полонезом. В первой паре шествовала императрица с хозяином праздника. Мажордом Риччи всегда находился рядом с Александрой Федоровной, во время танца он стоял в дверях бального

зала. Во время ужина для императрицы сервировался отдельный стол с посудой из чистого золота. Император, как обычно, прохаживался между столами и садился там, где ему было угодно.

Каждый бал у Воронцовых-Дашковых — это событие в светской жизни Петербурга. Но один из них особенно запомнился современникам. Масленичный бал у графа И.И. Воронцова-Дашкова в 1841 году был устроен 9 февраля. Собираясь туда, М.А. Корф записал в своем дневнике: «Сегодня масляничное воскресенье — *folle journée* — празднуется в первый раз у графа Воронцова. 200 человек званы в час; позавтракав, они тотчас примутся плясать и потом будут обедать, а вечером в 8 часов в подкрепление к ним званы еще 400 человек, которых ожидают, впрочем, только танцы, карты и десерт, ужина не будет, как и в других домах прежде в этот день его не бывало»¹. Этот бал стал последним петербургским придворным балом в жизни М.Ю. Лермонтова, который прибыл с Кавказа в отпуск. «Приехав сюда, в Петербург, на половине масленицы, я на другой же день отправился на бал к графине Воронцовой, и это нашли неприличным и дерзким. Что делать? Кабы знал, где упасть, соломки бы подостлал», — писал Лермонтов А.И. Бибикову в конце февраля 1841 года.

10 февраля Корф так опишет этот вечер: «На вчерашнем вечернем бале Воронцова был большой сюрприз и для публики, и для самих хозяев, — именно появление императрицы, которая во всю нынешнюю зиму не была ни на одном частном бале. Она приехала в 9 часов, и, уезжая в 11, я оставил ее еще там. Впрочем, она была только зрительницею, а не участ-

¹ Обычно утренний бал завершался мазуркой. Для вечернего приема дамы, которые были с утра во дворце, «переменяли свой наряд».

ницею танцев. Государь приехал вместе с нею. Оба великие князя были и вечером и утром».

Император заметил Лермонтова среди 600 приглашенных и сделал замечание Михаилу Юрьевичу. «Орлиные взоры», бросаемые в сторону поэта, не мешали последнему беззаботно кружиться в вальсе. Раздосадованный таким поведением, Соллогуб подошел к Михаилу Юрьевичу. «Да что ты тут делаешь! — закричал я на него. — Убирайся ты отсюда, Лермонтов, того и гляди, тебя арестуют! Посмотри, как грозно глядит на тебя великий князь Михаил Павлович! «Не арестуют у меня!» — щурясь сквозь свой лорнет, вскользя проговорил граф Иван, проходя мимо нас <...>»

Портрет хозяйки своего последнего петербургского бала А.И. Воронцовой-Дашковой М.Ю. Лермонтов изобразил в стихотворении «Как мальчик кудрявый, резва...». Другой русский поэт, Н.А. Некрасов, посвятил ей стихотворение «Княгиня», напечатанное в журнале «Современник» в 1856 году. Это произведение едва не стало причиной дуэли между русским поэтом и бароном де Пойли, за которого графиня Воронцова-Дашкова вышла замуж в Париже после смерти супруга. Этот брак вызвал много пересудов, особенно после преждевременной смерти Александры Кирилловны. Поговаривали, что француз отравил графиню Дашкову, чтобы скорее воспользоваться ее состоянием. Строки поэтического творения Некрасова вполне могли послужить поводом к дуэли:

Тут пришла развязка. Круто изменился
Доктор спекулятор: деспотом явился!
Деньги, бриллианты — все пустил в аферы,
А жену тиранил, ревновал без меры.
И когда бедняжка с горя захворала,
Свез ее в больницу... Навещал сначала,
А потом уехал — словно канул в воду!

К счастью для русской культуры — дуэль не состоялась. В действительности Александра Кирилловна умерла от чахотки в Париже — городе, который славится своими загадочными любовными романами, главными участниками которых зачастую становятся наши соотечественники.

Не стала исключением и княгиня Зинаида Ивановна Юсупова, чья красота вызвала восхищение современников.

Юсуповы давали великолепные балы, в которых, впрочем, не было «щегольства и барства» праздников Воронцовых.

Князь Б.Н. Юсупов был совершенно не похож на своего отца князя Н.Б. Юсупова. После смерти Николая Борисовича он «<...> поспешил превратить Архангельское в доходное место. Большая часть произведений искусства была перевезена в Петербург, зоологический сад продан, актеры, танцовщицы и музыканты уволены. Император Николай I вмешался, но было уже поздно: непоправимое произошло», — вспоминал князь Ф.Ф. Юсупов. Князь Юсупов не был расточителен, а значит, по мнению современников, он был скуповат.

На одном из балов Борис Николаевич, проводив императорскую чету до танцевальной залы, вышел на лестницу и крикнул одному из дворецких: «Дать вы-

*К. Робертсон.
Княгиня З.И. Юсупова,
урожденная Нарышкина.
Первая треть XIX в.*

*Неизв. художник с оригинала
К. Робертсон. Князь
Б.Н. Юсупов —
действительный статский
советник, гофмейстер.
Первая треть XIX в.*

ездному их величеств два стакана чаю, а кучеру один».

После смерти супруга княгиня Юсупова отправилась за границу и обосновалась в Париже. В ее особняке в Парк де Принс побывал весь Париж Второй империи. На одном из балов в Тюильри Наполеон III представил ей молодого французского офицера по имени Шово. Для своего нового супруга Зинаида Ивановна купила замок Керьоле в Бретани и «снабдила его титулом графа, тогда как себе

добилась пожалования титула маркизы де Серр».

Князь Ф.Ф. Юсупов вспоминал: «Каждый год мы наносили визит прабабке в Париже. Она жила одна с компаньонкой в доме Парк де Принс. Мы селились в павильоне, связанном с домом подземным переходом, и ходили к ней лишь вечером. Я видел ее, восседающей в большом кресле, спинка которого была украшена тремя коронами: княжеской, маркиза и графской. Несмотря на возраст, она все еще была красива и сохранила всю величавость походки и благородство осанки. Всегда тщательно накумаченная и надушенная, она носила рыжеватый парик и появлялась во множестве жемчужных колье». До последних дней своей жизни княгиня Юсупова была своеобразным символом одного из самых ярких периодов истории блистательного Санкт-Петербурга.

а

б

в

Юсуповский дворец:

а — Малый балльный зал; б — Танцевальный зал; в — «Танцующая грация». Мрамор. Фрагмент плафона. Конец XIX в.

*Князь Ф.Ф. Юсупов-младший и княжна императорской крови
Ирина Александровна. Фото 1913 г.*

Столица Российской империи имела в то время подлинный высший свет, на который «<...>» еще не пахнуло ни английской деревянностью, ни французской распушенностью; правда, мы и тогда перенимали, по нашей привычке, многое у соседей-европейцев, но все щегольское, красивое, тонкое».

«Бобовый» маскарад 1841 года

Балы отличались не только пышностью, но и оригинальностью. В январе 1841 года в Петербурге состоялся так называемый «бобовый» маскарад, устраиваемый по образцу французского праздника. В день крещения во Франции пекли нечто вроде кули-

ча, в котором запекали миндалину или бобовое зерно; тот, кому оно доставалось, становился «королем боба». Он выбирал из присутствующих королеву, назначал должностных лиц, и все это сопровождалось смехом, шутками, играми и танцами. (В 1872 году боб достался Виктору Гюго.)

Программа петербургского праздника 1841 года сообщает нам, что в этом году роли распределялись следующим образом:

король Боб IV — граф М.Ю. Виельгорский;
королева Бобина — А.О. Смирнова, рожденная Россет;
королевский принц — Н.В. Всеволожский;
гофмаршал двора и главный начальник удовольствий — граф И.И. Воронцов-Дашков;
обер-церемониймейстер и гофмаршал публичных танцев — граф А.Н. Толстой;
обер-каницлер — граф А.А. Бобринский;
толстый, большой, жирный рейт-паж королевы — Г.А. Захаржевский;
большой карлик короля — барон М.И. Пален;
министр неправосудия, последний адъютант — его высочество принц Г.Г. Ольденбургский;
министр мира, первый генерал-адъютант — граф А.И. Чернышев;
министр публичных мраков и разноголосицы — А.Ф. Львов (композитор);

П.Ф. Соколов.
 А.О. Смирнова-Россет

К.П. Брюллов. М.Ю. Виельгорский

*министр публичного здравия — В.Д. Олсуфьев;
трубадур — князь М.В. Кочубей;
главный вводителъ послов — граф С.С. Уваров;
посол из нежной страны — граф А.И. Рибопьер;
Флора — княгиня Л.Н. Гагарина;
посланец любви — Д.П. Хрущев;
посол царя Гороха — граф В.А. Соллогуб;
посольша царицы Чечевицы — графиня Е.П. Ростоп-
чина;
Баба-яга — князь Д.П. Волконский;
главная начальница граций — графиня А.К. Ворон-
цова;
главная начальница хорошего тона — княгиня
Е.П. Белосельская.*

«ГЕНЕРАЛЫ СВОИХ СУДЕБ...»

А. Кившенко. Вступление русских и союзных войск в Париж 31 марта 1814 г.
И скоро силою вещей
Мы очутились в Париже,
А русский царь главой царей...
А.С. Пушкин

Гравюра Т. Сазерлэнда по рисунку У. Хиза.
Вступление союзников в Париж 31 марта 1814 г.

«ГЕНЕРАЛЫ СВОИХ СУДЕБ...»

А. Кившенко. Вступление русских и союзных войск в Париж 31 марта 1814 г.
И скоро силою вещей
Мы очутились в Париже,
А русский царь главой царей...
А.С. Пушкин

Гравюра Т. Сазерлэнда по рисунку У. Хиза.
Вступление союзников в Париж 31 марта 1814 г.

Д. Доу. Генерал от инфантерии барон Ф.В. Остен-Сакен
19 марта 1814 года в Париже были назначены русский, австрийский, прусский и французский коменданты, генерал-губернатором Парижа стал Ф.В. Остен-Сакен. Барон Остен-Сакен, вступив в должность, запретил «тревожить и оскорблять кого бы то ни было за политические мнения или за наружные кем-либо носимые знаки».

Где бы он ни появлялся, везде было слышно: «Да здравствует генерал Сакен!» В частной жизни Сакен отличался веселым нравом, любезностью, остроумием. В благодарность за гуманное управление получил золотую шпагу с надписью: «Город Париж генералу Сакену».

Д. Доу. Генерал-лейтенант князь Н.Г. Репнин-Волконский

В 1813 году князь Н.Г. Репнин-Волконский — генерал-губернатор Саксонского королевства. Он учредил комиссию для помощи пострадавшим от войны, им выдавали продовольствие, зерно для посева, дрова и материалы для построек. Многие пошлины были отменены. По всему государству отстраивались общественные здания, восстанавливались дороги.

Русский генерал-губернатор не только ничего не нажил, но и потратил собственные средства на благотворительность. Возобновили деятельность академии. При Медико-хирургической академии была открыта бесплатная клиника для бедных. В первых числах ноября 1814 года Николай Григорьевич получил приказ покинуть Дрезден: «Саксонцы, вспоминайте иногда того, который в течение года составлял одно целое с вами».

Д. Доу. Генерал от кавалерии А.П. Тормасов

За разгром саксонского корпуса Ренье при Кобрине граф А.П. Тормасов получил орден Святого Георгия 2-го класса. Ценил его способности как военного администратора, Кутузов поручил ему «управление армией в самое трудное и тревожное время». В 1814 году Тормасов был назначен главнокомандующим в Москве. Жители столицы ценили Тормасова, который, «сохраняя законы, был равно внимателен к богатому и бедному, сильному и слабому, в чести сущему и в убожестве пребывающему». Так писали они в адресе государю. «Щеголь смолоду, он и в преклонных летах был тщателен в одежде и таким являл себя на войне и в сражениях. Вспыльчивый нрав его умерялся добродушием. При строгой бережливости любил блеск; подчиненные не легко выслуживали у него награды».

Д. Доу. Генерал-майор Я.А. Потемкин

После сражения под Можайском и до декабря 1812 года во всех военных действиях неразлучным спутником графа М.А. Милорадовича был начальник его штаба Я.А. Потемкин. Благодаря его мужеству и распорядительности под Кульмом у Гелленберга была спасена гвардейская артиллерия. По словам русского военного историка А.И. Михайловского-Данилевского, он «принадлежал к числу образованнейших людей своего времени; он был добр и любезен, он был обожаем и предводимыми им войсками».

Д. Доу. Генерал-лейтенант А.Н. Бахметев

Генерал от инфантерии А.Н. Бахметев, начальник пехотной дивизии, с ней он участвовал в Бородинской битве. 26-я пехотная дивизия под его командованием во время Бородинского сражения была выдвинута в первую линию на место уничтоженного корпуса Раевского. Здесь неприятельское ядро оторвало герою ногу, военная служба его в строю закончилась.

Д. Доу. Генерал от инфантерии граф М.А. Милорадович
Девиз герба военного губернатора Петербурга М.А. Милорадовича — «Ma droiture me soutient» («Прямота меня поддерживает» (*фр.*) — избран самим его владельцем. «Многие его считали фанфароном, но он с юных лет являл полное бесстрашие в самые опасные минуты боя... Переноса с солдатом все невзгоды, умея с ним говорить и его ободрить, совершая эффектные чудеса храбрости, Милорадович сохранял полное спокойствие под пулями: под ним убивали лошадей, пуля сносила со шляпы султан, а он способен был закуривать трубку, поправлять ордена или драпироваться в «амарантовую шаль», и французы сравнивали его за щеголеватое удалство со своим Мюратом; его называли «русским Баярдом».

Д. Доу. Генерал-лейтенант И.К. Орурк

В 1815 году из Кракова М.С. Воронцов сообщает И.К. Орурку, что, согласно его просьбе, он велел несколько польских, краковяков и мазурок списать и ему оные выслать.

Д. Доу. Генерал-лейтенант И.В. Сабанеев

Военное происхождение кадрили, вероятно, объясняет ее популярность среди русских офицеров в начале XIX века. В 1815 году в одном из своих писем из Варшавы М.С. Воронцов сообщает, что кадрили танцует даже И.В. Сабанеев, прославленный генерал русской армии, участник швейцарского похода А.В. Суворова.

Д. Доу. Генерал от кавалерии Ф.П. Уваров

В знак признательности к своим подчиненным по гвардейскому корпусу Уваров оставил 400 тысяч рублей на сооружение памятника в их честь. На эти деньги позднее были воздвигнуты Нарвские триумфальные ворота, открытые в 1834 году

МОДА КОНЦА XVIII — НАЧАЛА XIX В.

Дамские моды с 1800 по 1810 г.

Бальное платье, принадлежавшее
Наталии Суворовой, дочери
А.В. Суворова. Рубеж XVIII—XIX вв.
Государственный Эрмитаж, Санкт-
Петербург

Бальное платье. Россия.
1800-е гг. Государственный
Эрмитаж, Санкт-Петербург

Фрагмент подола бального платья.
10-е гг. XIX в.

Фрагмент подола бального платья.
10-е гг. XIX в.

Фрагмент подола платья. Конец XVIII — начало XIX в.

Фрагмент платья. Последняя четверть XVIII в.

Женский парадный костюм эпохи ампира. Вероятно, принадлежал императрице Марии Федоровне, вдове императора Павла I. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Вечернее платье. Петербург. 1830-е гг. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Бальное платье. Россия. 1840-е гг. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

РИСУНКИ ОРАСА ВЕРНЕ

Орас Верне (1789—1863) — французский художник и литограф. Большая часть представленных рисунков опубликована в 1810—1818 годах.

Мужской костюм. 1810 г.

Бальное платье. Начало XIX в.

Костюм для прогулок. Начало XIX в.

Бальный костюм. Начало XIX в.

Дамский костюм. Начало XIX в.

Дамский костюм. 1813 г.

Дамский костюм. 1813 г.

Дамский костюм. 1813 г.

Дамский костюм. Начало XIX в.

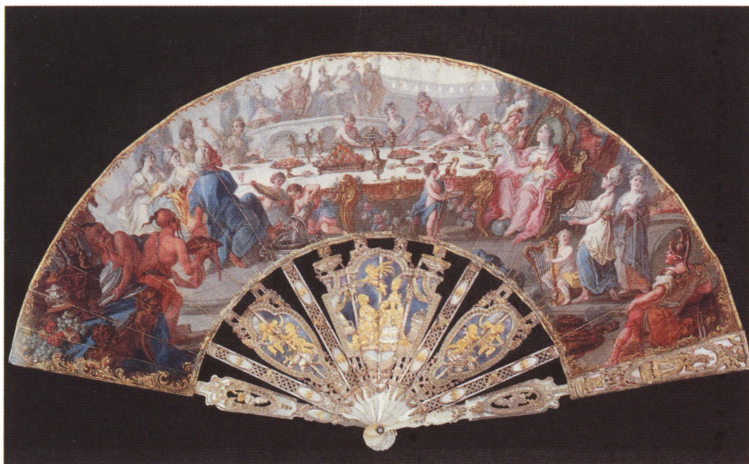

Дамский костюм для зимних прогулок. Начало XIX в.

Платье «la Ninon». 1815 г.

ВЕЕРА ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ESTHER OLDHAM

Веер «Пир Клеопатры». Франция. 1770 г.

Веер «Дамские занятия». Франция. 1770 г.

Веер. Англия (?). 1783 г.

Веер «Ассигнации». Франция. 1792 г.

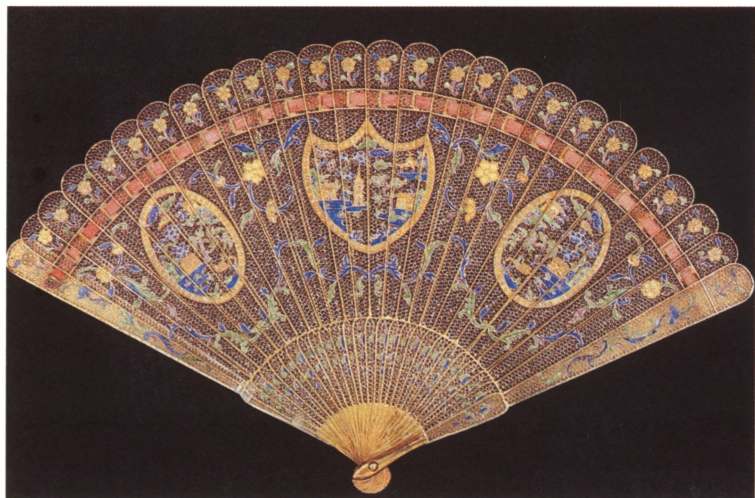
Веер. Англия. 1792 г.

Веер «Немецкая песня». Германия. 1795 г.

Веер «Праздник сельского труда». Франция. 1798 г.

Веер. Китай. 1785—1800 гг.

Веер «Искренность». Англия и Франция. 1790—1810 гг.

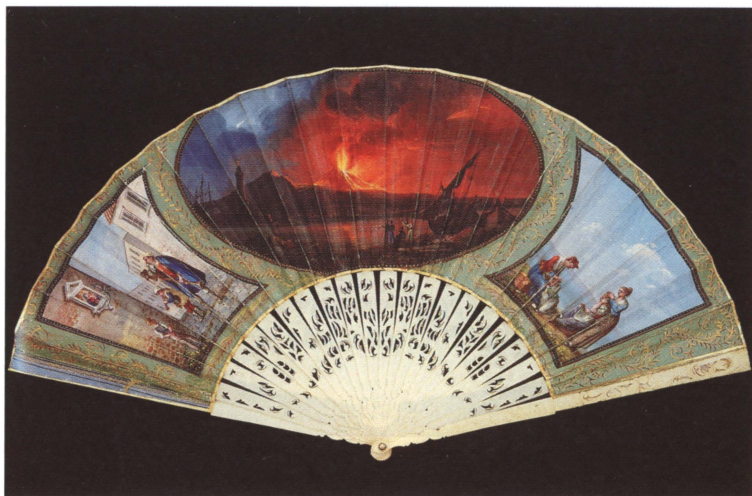
Веер. Франция (?). 1805—1810 гг.

Веер. Франция. 1800—1810 гг.

Веер «Урок рисования». Италия или Англия. 1820 г.

Веер «Везувий». Италия. 1820 г.

Веер «М. и В.». Италия (?). 1810—1830 гг. Веер принадлежал Марии-Луизе (1791—1847), дочери австрийского императора. Она стала второй супругой Наполеона I в 1810 г.

Фрейлины королевы, состоящие:

1. *При подсвечниках* — великая княгиня Ольга Николаевна, княгиня М.И. Барятинская.

2. *При туфлях* — великая княгиня Мария Александровна, будущая императрица, великая княжна Александра Николаевна.

3. *При носовых платках* — графиня Н.Л. Соллогуб.

4. *При мушках* — княгиня С.В. Трубецкая.

Императору Николаю Павловичу досталась в этом маскараде роль коменданта, наследнику престола — роль плац-майора, императрица числится в списке почетных дам королевы (*самегега мауог*)¹.

Как видим, члены императорской фамилии не только принимали активное участие в празднике, но и не считали для себя зазорным исполнять далеко не первые роли (роль императрицы — предпоследняя в списке).

Строгий этикет соблюдался во время балов и официальных приемов. Когда их не было, к вечернему чаю императрицы приглашались некоторые сановники и наиболее известные представители петербургского большого света.

Обменявшись приветствиями с каждым из присутствующих, император садился за карты. Но иногда устраивалось развлечение, которое Николай Павлович особенно любил. На нескольких столах камерлакеи размещали вещи, привезенные из английского магазина: золотые и серебряные изделия, статуэтки, малахитовые чернильницы, веера и т. д. Под каждым предметом лежало название карты: двойка бубен, десятка трюф, валет червей и прочее. Император садил-

¹ Все костюмы, исключая посольские, должны были быть конца XVIII века. Дамы — в фижмах, мужчины — в напудренных париках.

ся за небольшой столик, на котором лежали карты, и обращался к присутствующим:

«— Господа, кто из вас желает купить у меня девятку червей?.. Славная карточка.

— Я!.. Я!.. Я!.. — слышались отовсюду возгласы царедворцев.

— А что дадите? — добродушно спрашивал, улыбаясь, государь.

— Двести рублей, — картавя, басил граф Михаил Юрьевич Виельгорский, он в этих случаях всегда являлся «запевало», если можно так выразиться. Иногда начинается спор, каждый из гостей назначал все более высокую цену. Когда карты были распроданы, Николай Павлович подходил к столам с вещами, дежурный камер-юнкер или флигель-адъютант называл имена карт, обозначавших вещи, и император сам лично вручал их выигравшим. Часть денег, полученных за проданные карты, выплачивалась за привезенные вещи. Остальные — обычно весьма крупная сумма — раздавались петербургским беднякам.

Император очень любил на вечерних приемах находиться в окружении своих детей. Великий князь Константин Николаевич уже в детские годы проявлял незаурядные способности, но при этом он был весьма подвижным ребенком, любившим пошалить.

Однажды он выдернул стул, на который собирался сесть И.М. Толстой (будущий министр почт), чтобы принять участие в карточной игре. Толстой грузно упал на ковер, а Константин Николаевич, смеясь, убежал из комнаты. Император положил на стол свои карты, обратился к императрице со словами: «Madame, levez-vous!»¹ — произнес он, возвышая голос для того,

¹ Встаньте, сударыня! (фр.)

чтобы все присутствующие могли расслышать то, что он говорил. Императрица поднялась.

— Allons demander pardon à Иван Матвеевич d'avoir si mal élevé notre fils!¹»

Аристократ — это не только родовитый, знатный, наиболее уважаемый представитель дворянства, но и особый тип личности. «Вообще, с понятием «аристократия» у меня с детства неразрывно связалось чувство обязанности и ответственности, но никак не мысль о превознесении себя над другими и о привилегиях. Я хорошо запомнил фразу дедушки Трубецкого, говорившего о ком-то с Папá: «Когда князь делается хоть чуточку хамом, он хуже всякого хама!» — вспоминал князь С.Е. Трубецкой.

Благородное поведение — призвание благородной души и просвещенного ума. Истинным русским аристократом, по мнению современников, был князь В.Ф. Одоевский, который отличался необычайной скромностью. «<...> тем не менее он был истинный аристократ, потому что жил только для науки, для искусства, для пользы и для друзей, то есть для всех порядочных и интеллигентных людей, с которыми встречался», — писал граф В.А. Соллогуб.

Такие качества, как смирение, долг, дисциплина, родители стремились развить в детях прежде всего. Если в раннем детстве велико было воспитательное значение семьи, то позднее родители старались вводить детей в «общественную» жизнь. Видный военный деятель России Н.А. Епанчин считал, что участие в жизни светского общества — это важная жизненная школа, которую следует пройти так же, как школу семьи и военную школу.

¹ Попросим прощения у Ивана Матвеевича за то, что так плохо воспитали нашего сына!.. (фр.)

Принадлежность личности к дворянскому сословию, помимо всего прочего, определялась специфическими общественными привязанностями, в числе которых значились подготовка и участие в светских церемониалах. Ритуал приобщал людей к определенной социальной группе, он выражал содержание определенных принципов нравственности.

Большей части российского дворянства была присуща устойчивая государственно-консервативная система взглядов: монархическая власть незыблема; дворяне — посредники между верховной властью и народом; любые реформы не должны нарушать целостность государства, его реальные потребности. Какими бы ни были личные воззрения современников на действия властей, истинный патриот обязан служить Отечеству на любом избранном им поприще. Честное выполнение обязанностей становилось основой жизненной позиции. Успехи в карьере выступали своеобразной оценкой принесенной за время службы пользы. Но ключевым понятием, формировавшим мироощущение, было понятие чести. Честь — нравственная ответственность перед памятью предков и последующими поколениями.

Именно эти принципы закладывались в основу воспитания в большинстве дворянских семей. Этические нормы тесно соприкасались с правилами хорошего тона.

Светская жизнь в Тбилиси в 40—50-х годах

Кавказ хранит на своей земле следы глубокой древности. Почти все народы Старого Света, передвигаясь из Азии в Европу, оставляли на Кавказе

поселения, которые, смешиваясь между собой и местными племенами, образовали множество типов языков. «Многоязычный Кавказ», «муравейник народов» — так называли эту землю. Могушественные нации древности — финикийцы, египтяне, греки, римляне, арабы — стремились основать здесь колонии и, поселившись, распространяли среди жителей свои языки, нравы, верования. Поэты, писатели древних времен воспевали красоты этой земли, храбрость, свободолюбие ее обитателей.

К началу 40-х годов XIX столетия Россия на протяжении нескольких десятилетий вела на Кавказе непрерывные военные действия. «Закавказская Россия», состоящая из народов, имеющих различный общественно-экономический уклад, требовала выработки более глубокой и действенной административной системы¹.

27 ноября 1844 года, находясь в Алушке, генерал-губернатор Новороссийского края и Бессарабской области М.С. Воронцов получил личное послание императора, в котором тот сообщил ему об обострении ситуации на Кавказе, где к прежним проблемам края прибавилась еще одна, быть может, самая опасная — среди разобщенных племен, не знавших одной власти, появился лидер, сплотивший всех под своим началом.

Как известно, бороться с объединившимся противником несравненно труднее, чем с разобщенным.

¹ Сложность и многоступенчатость аппарата управления, медлительность делопроизводства, увеличение расходов заставили правительство Николая I вспомнить и апробированную административную форму — Кавказское наместничество, впервые организованное в 1785 году. Оно состояло из Екатеринодарского, Кизлярского, Моздокского, Александровского и Ставропольского уездов. Затем территория наместничества значительно расширяется, и, согласно Положению о разделении Закавказского края 1846 года, к вышеуказанным областям влияния наместника добавляются губернии Тифлисская, Кутаисская, Шемахинская, Дербентская и с 1849 года — Эриванская.

«<...> считаю нужным избрать исполнителем моей неременной воли лицо, облаченное всем моим неограниченным доверием и соединяющее с известными военными доблестями опытность гражданских дел, в сем поручении равномерно важных», — писал Николай Павлович Воронцову, подчеркивая при этом, что ввиду особого уважения к графу М.С. Воронцову желает узнать мнение по этому поводу и только затем обнародовать приказ о его назначении.

Как вспоминал впоследствии М.П. Щербинин, прочитав письмо, Михаил Семенович сказал: «Государю угодно меня назначить на Кавказ; но могу ли я, при настоящем положении этого края, принести ему какую-либо пользу? Я стар и дряхл; тут нужны силы свежие, не изнуренные годами и трудами. Я должен отклонить от себя высокое назначение, которое не в состоянии буду выполнить».

Но через некоторое время М.П. Щербинин был вызван к генерал-губернатору и услышал от него слова, в которых содержится основной смысл жизненной позиции М.С. Воронцова: «Я был бы не русский, если б не пойти туда, куда царь велит». Решение было принято.

7 марта 1845 года было назначено время отъезда М.С. Воронцова на Кавказ. «Чудесная, весенняя, ясная, тихая погода на море, почти весь город, высыпавший на приморский бульвар и на пристань пароходную, представляли картину великолепную. Толпы простого народа от искреннего сердца, провожая князя, высказывали ему пожелания всяких благ. Меховая кавказская шапка, надвинутая на глаза, отчасти прикрывала слезы доброго боярина, за всех болеющего. Такое всеобщее народное заявление начальнику края, удаляющемуся, может быть, навсегда, есть венок

гражданский <...> — в наше время награда, выходящая из уровня всех существующих знаков отличий!»

Передав управление Новороссийского края генерал-лейтенанту Федорову, граф Михаил Семенович отправился к месту своего нового назначения и 25 марта (по старому стилю) 1845 года прибыл в Тифлис.

Воронцов, стремясь к нравственному покорению Кавказа, был уверен, что, лишь делая добро краю, можно приблизить его к России. То есть изучив историю, культуру, природные ресурсы этой земли, развивая промышленность, торговлю, сельское хозяйство. Деятельность М.С. Воронцова в этих направлениях была огромна.

Ученые, военные, чиновники, художники, литераторы, приезжая в то время на Кавказ, в большинстве своем останавливались в Тифлисе, как в резиденции наместника, к тому же многие были лично приглашены Воронцовым — человеком, умевшим ценить и приближать людей способных, трудолюбивых и исполнительных. «От самого обнищавшего туземца до горделивой княгини, ведущей свой род от царя Давида, все невольно покорялись воронцовской обязательности и умению приласкать и покорять людей... Общество русское, хотя тогда еще небольшое, было тем не менее в Тифлисе избранное; общество туземное <...> с каждым днем все более и более примыкало к нему».

Согласно воспоминаниям современников, с приездом М.С. Воронцова в Тифлис жизнь города начала приобретать иной склад и характер, отличный от прежнего.

Люди, прибывшие с князем в 1845 году в Тифлис и приезжающие впоследствии из столиц, вносили в жизнь города новые понятия, новые взгляды. Европейская культура постепенно начала теснить восточную

патриархальную обстановку. Модистки из Одессы и Парижа прививали вкус к европейским туалетам, постепенно заменяющим грузинские чадры и шелковые платья. Куаффер Влотте, приехавший в Тифлис с ножницами и гребенкой, открывает огромный магазин и модное ателье. «На левом берегу Куры образовались целые новые кварталы до самой немецкой колонии со всеми условиями европейского города, особенно с устройством нового Воронцовского моста, взамен прежнего <...>. [Князь и княгиня] давали пример своею домашней обстановкой простоты и не особенной изысканности. В доме главнокомандующего оставалась та же казенная меблировка; стол князя, всегда, впрочем, вкусный, не отличался никакою изысканностью, вино подавалось кахетинское или крымское; в походе же и в дороге князь решительно ничем особенно не отличался от прочих, разве только в размерах широкого своего гостеприимства и обаяния своего простого и приветливого со всеми обращениями <...>. Именно вследствие естественной простоты его всякий сознавал невольно, что он принадлежит к другому высшему кругу, как по понятиям, так по нравам и привычкам прошлого». С годами доброта князя к некоторым лицам стала доходить до крайности, он не мог отказывать настойчивым посетителям, чем не замедлили воспользоваться многие из тех, кто последовал в Тифлис, узнав о назначении М.С. Воронцова. Но в целом тифлисское общество тех лет состояло из ярких личностей, многие из которых по праву вошли в историю Грузии и России.

Хорошо известно, что истинные потомки аристократических родов отличались особенной аристократической простотой и великодушием, что можно наблюдать и в наши дни. В описываемое время уважением пользовался дом Дмитрия Орбелиани, умная и веселая

жена которого, княгиня Мария Ивановна, умела соединять общество.

Особым гостеприимством славился дом князя Александра Чавчавадзе — сына последнего грузинского посла при русском дворе, участника Отечественной войны, впоследствии генерал-лейтенанта, члена совета Главного управления наместника. Он более известен как замечательный грузинский поэт и отец прекрасного семейства: старшая дочь его Нина была женой Грибоедова, вторая — Екатерина, была замужем за правителем Мингрелии князем Давидом Дадиани. После смерти мужа в 1853 году она была назначена правительницей и принимала участие в борьбе с турками, осталась союзницей России, несмотря на выгодные условия, предложенные ей султаном. Третья дочь, Софья, стала женой барона А.П. Николаи, бывшего в 1848 году директором походной канцелярии наместника, ставшего в будущем членом Государственного совета, а в 1881 году — министром народного просвещения.

Сохранение народных традиций — это сбережение души народа, его неповторимости, как бы ни удивительны они казались для тех, кто получал европейское образование и был непривычен к подобным действиям. Но видимо, талант администратора и состоит в умении анализировать события, находить их истоки и причины возникновения, помня, что управлять — значит предвидеть. С древних времен в Тифлисе устраивались так называемые тамашы, похожие на русские кулачные бои. В них участвовали люди не только всех сословий, но и разных возрастов. В первое время, после присоединения Грузии к России, в Тифлисе тамашы были запрещены, но с прибытием князя Цицианова благодаря просьбам жителей их разрешили. «Князь Цици-

анов сам выезжал на оные, не столько потому, что в нем текла грузинская кровь, как потому, что он считал сей обычай свойственным здешним характерам и приличным народу — воинственному, окруженному повсюду неприятелями и в котором личная смелость и молодечество всегда [нужна была] для поддержания необходимого воинствующего духа».

Воронцов предлагал во избежание беспорядков вынести тамашу за пределы города, где больше простора и нет общественных зданий, могущих пострадать. Это предложение поддержал император Николай Павлович: «За городом дозволять, но с тем, чтобы, кроме рук, других орудий в драке не употреблять, и всегда под надзором полиции, и кончать по данному оной знаку, когда слишком разгорячатся».

Среди народных праздников особенной любовью пользовался в Тифлисе массовый шумный карнавал — ксеноба. Он проводился в следующий за Масленицей понедельник и был последним всплеском веселья перед постом. В XIX столетии считалось, что празднование ксеноба связано с победой грузинских войск над персами, которые сначала захватили город, но впоследствии были разбиты, причем персидский шах попал в плен. Он был переодет в шутовской наряд, и его, с вымазанным сажей лицом, возили по городу. Тифлисцы стали устраивать праздничное действо, представляя в игре эпизоды борьбы с персами. Воронцов любил ксеноба, встречая во дворце процессию с мнимым шахом, бросал в толпу горсти серебра.

Тифлис того времени был наполнен молодыми военными, по разным причинам желавшими служить на Кавказе под началом Воронцова. Многие из них никогда не вернутся в Россию, другие же спустя время займут высокие посты в государстве.

«Для окружающей его молодежи и приближенных, — вспоминал князь Дондуков-Корсаков, — нельзя было вообразить себе более снисходительного, внимательного и доброго начальника. Все шалости молодежи, разумеется не имеющие характера буйства, ни явного неприличия, встречали скорее в нем симпатичный интерес к проявлению молодости, чем взыскательное отношение начальника к своим подчиненным».

Однажды, возвращаясь из театра, в прекрасную весеннюю тифлисскую ночь Дондуков-Корсаков зашел поужинать в клуб, расположенный на площади перед домом главнокомандующего. К зданию клуба примыкал сад, в котором он нашел князя Васильчикова и двух-трех приятелей, ужинающих на открытом воздухе.

Молодые люди решили, что для услаждения слуха следует послать за оркестром. Менее чем через час шестьдесят музыкантов развлекали в саду нескольких русских офицеров. Затем процессия отправилась гулять по городу, устраивая серенады своим товарищам.

Проснувшись в первом часу ночи от неимоверного шума, М.С. Воронцов приказал камердинеру разобраться, в чем дело. Узнав о происходящем, он не только не запретил тревожить собравшихся, но даже говорить, что они его разбудили, сказав при этом: «Слава богу, что моя молодежь довольна и веселится». Может быть, в эти минуты князь вспомнил свои шалости, когда в 1802 году он служил в Тифлисе под началом князя Цицианова.

Здесь нельзя не вспомнить еще об одном известном поступке Воронцова. Оставляя Францию в 1818 году, М.С. Воронцов, будучи командующим русским оккупационным корпусом, заплатил все долги не только офицеров, но и нижних чинов корпуса — примерно

один миллион франков собственных денег, дабы никаких претензий у французов не было.

Своеобразным центром для молодых офицеров были квартиры князей Васильчикова, Дондукова-Корсакова и Кочубея. «Наша квартира, — писал Дондуков-Корсаков, — считалась каким-то сборным пунктом всего нашего кружка: у нас совершались проводы отъезжающих в поход товарищей, обеды и встречи благополучно возвратившихся из экспедиции, у нас составлялись все предложения различных пикников, увеселений, всех шуток и школьничеств, на которые всегда так отечески смотрел князь Воронцов».

Молодые люди придумывали различные фарсы, привлекая к себе внимание всего города.

Однажды молодые офицеры распустили по Тифлису слух, что намерены дать на холостяцкой квартире бал знакомым дамам. В условный день, осветив нижний этаж дома лампами и канделябрами и подняв шторы окон, вся молодежь собралась в мундирах и фраках, причем некоторых офицеров нарядили в европейские и грузинские дамские туалеты. «Дамы с усами» сидели спиной к окнам. Бесподобен был в бальном наряде поручик граф Ф.Л. Гейден (впоследствии начальник Главного штаба). Весь вечер гремела музыка, многочисленные экипажи подкатывали к парадному подъезду, у дверей которого для соблюдения порядка дежурили городовые и жандармы.

На другой день весь город говорил об этом празднике. При этом офицеры лично посетили с объяснениями дома хозяек, которых они представляли на балу.

В другой раз молодые люди устроили мнимый въезд персидского посланника в город, которого с огромной свитой представлял князь Кочубей. На-

встречу ему выехал полицейский с переводчиком и произнес приветственную речь. Были также ночные серенады с хором под окнами мирных жителей.

Эти шалости происходили в перерывах между военными экспедициями, из которых, однако, возвращались не все. И нужно отдать должное обществу, которое с пониманием относилось к этим проявлениям безудержной молодости, снисходительно и добродушно прощая молодых людей. «Замечательно, — отмечал Дондуков-Корсаков, — что общество тифлисское, несмотря на отдаленность свою от Петербурга, а может быть, и вследствие этой отдаленности, не имело того характера местной провинциальной жизни, которая существовала и существует доселе во всех прочих провинциальных городах обширного нашего царства. Не было тех мелких интриг, тех сплетен, которые делают невыносимой нашу жизнь в провинции».

Удаленность Кавказа от центральных губерний Российской империи благоприятствовала возникновению там особой атмосферы, со своими нравами, интересами, особенностями. Сообщения со столицей были редки, почта приходила два раза в месяц, иногда же, из-за завалов, сообщение с Россией прекращалось совсем. Кавказский край и Тифлис, в частности, жил своей жизнью, на которую влияло также тревожное военное положение. Местные административные проблемы приобретали в этих условиях государственное значение. К тому же нельзя было забывать о приграничном расположении Закавказья, его соседстве с Турцией и Персией. Все это заставляло людей, живущих между войной и миром, дорожить каждым днем, не оставляя времени на мелкие интриги и сплетни.

Тифлис, как столица края, стал для многих вторым домом, где, находясь между походами, хотелось вспом-

нить и приблизиться к тому дорогому, что осталось в России.

25 сентября 1850 года в Тифлис прибыл наследник.

На другой день приезда в честь его высочества был дан торжественный обед у князя М.С. Воронцова, а вечером — большой бал у Елизаветы Ксаверьевны. 27-го числа наследник присутствовал на бале грузинского дворянства, состоявшемся за городом, в Ортачалах, в саду Н. Тершмавонова. «В 9 часов вечера губернский предводитель дворянства ген.-м. Кн. Орбелиан, с почетнейшими князьями, встретил Государя наследника в воротах сада, а хозяин одного, восьмидесятилетний старик Тершмавонов, по древнему грузинскому (восточному) обычаю, подостлал под ноги Августейшему посетителю богатый парчовый ковер (пиандаз). По обе стороны виноградной аллеи, среди яркой зелени листьев коей и золотистых гроздей спелого винограда светились тысячи разноцветных фонарей, стояли в два ряда князья и дворяне всех уездов Тифлисской губернии. По этой аллее Государь цесаревич был введен в залу, сооруженную в мавританском вкусе, собственно для этого торжественного случая. В зале уже находились: Персидский принц Бехмен-Мирза с сыновьями, дамы в великолепных уборах и почетнейшие лица города».

Бал открылся европейскими танцами, которые вскоре сменились национальными. Блистательный фейерверк прервал танцы.

Огненные декорации на противоположном берегу реки Куры сменяли одна другую. Наконец вспыхнул щит с вензелевым изображением августейшего гостя. Одновременно небо осветили ряды огромных огненных снопов, рассыпавшихся сверху букетами блестящих и разноцветных звезд. Потом снова начались танцы, продолжавшиеся до полуночи.

В одной из аллей парка был накрыт на возвышении так называемый европейский стол; перед ним, на коврах, разостланных на земле, разместились более двухсот грузинских князей и дворян. Началось пиршество по древним обычаям Грузии.

Наследник престола сначала удостоил вниманием этот пир. Под крики «ура!» его высочество прошел между двумя рядами пирующих и затем занял место за столом в беседке с почетными гостями праздника.

В конце ужина губернский предводитель дворянства провозгласил тосты за здоровье императора, потом за здоровье наследника. Местные и полковые хоры музыкантов исполнили «Боже, царя храни!», а крики «ура!» собравшегося вокруг народа потрясали окрестности. Наследник престола в свою очередь провозгласил тост в честь грузинского дворянства.

На следующий день в восемь часов вечера наследник посетил торжественный прием, организованный для него обществом тифлисских граждан — армян в караван-сарая Арцруни (рядом с Сионским собором).

Между группами пирующего народа были разложены разнообразные товары; в других лавках разыгрывались импровизированные комедии.

Из ротонды, куда пригласили высокого гостя, открывался прекрасный вид на двор караван-сарая, иллюминированный китайскими фонариками, светив-

*Наследник-цесаревич
Александр Николаевич*

шими сквозь цветы и зелень деревьев, обвитых виноградными лозами. В фонтане плескалась рыба, а на площади играла музыка. Над карнизом крыши блестел транспарант с вензелевым именем наследника.

Посетив так называемые темные ряды, где лавки и стены были увешаны богатыми материями, и провозгласив тост в честь граждан, царевич возвратился в караван-сарай, во внутренние залы, убранные с восточной роскошью.

Выйдя на балкон, наследник увидел поистине сказочное зрелище: весь скат Авлабарской горы был очерчен огненными линиями, воды Куры, освещенные заревом, переливались золотым цветом, и на крутящихся водоворотах показывались иллюминированные плоты с танцующими на них лезгинку зрителями праздника.

Поблагодарив граждан Тифлиса за прием, наследник в двенадцать часов ночи отправился в дом главнокомандующего.

По удалении высокого гостя караван-сарай был открыт для всех желающих, и сотни любопытных угощались в нем до трех часов ночи, а на Армянском базаре народ пировал до рассвета.

29 сентября цесаревич выехал из Тифлиса. После отбытия августейшего гостя в воскресенье, 1 октября, в Ванкском армянском соборе была отслужена Божественная литургия. После молебна духовенство отправилось на монастырский двор, где архиепископ Минас освятил столы с пищей для 1500 человек бедных людей, собравшихся у врат храма. Священник Патканов объявил им причину торжества, и тогда радостные крики, благословляющие имя наследника, и громкое «ура!» долго повторялись народом. Почетные граждане разносили нуждающимся вино, хлеб, зелень, мясо.

На молебне присутствовали тифлисский военный губернатор и другие высокие гости.

Наследник русского престола посетил Эчмиадзинский монастырь. За 200 сажен перед северными воротами обители он был встречен многочисленным духовенством монастыря, в полном облачении, с крестом, хоругвями и образами, и при пении священных гимнов и колокольном звоне его высочество, идя рядом с патриархом Нерсесом, вступил по золотой парче в монастырь и в собор.

После краткого молебна цесаревич прикладывался к иконе святого Копия и мощам угодников, затем, пишет Нерсес, «его Высочеству подали мы приветственную записку на армянском языке, изобразив в ней с искони одушевляющие всех армян заветные чувства усерднейшей верноподданности к всемилостивейшему Престолу великой державы Российской».

Из церкви наследник отправился в палаты патриарха, где для него были отведены специальные комнаты.

В программе нравственного покорения Кавказа Воронцов умело использовал народные традиции и светские церемониалы. Как отмечал М.П. Щербинин, устраиваемые наместником в Тифлисе еженедельные вечера, балы и концерты имели цель «<...> слияние туземцев с русскими и уничтожение <...> враждебной розни, искони существовавшей между <...> обитателями Кавказа <...>».

Расходы на проведение светских церемониалов осуществлялись не за счет казенных, но личных средств князя.

В 1845 году доходы Закавказского края достигали 1 649 151 рубль; в 1849 году — примерно 2 миллиона рублей, а в 1852 году — 6 226 492 рубля.

С первого года своего пребывания в Тифлисе Воронцов занимался его благоустройством.

Город рос: если в 1835 году он насчитывал 25 тысяч жителей, то в 1847 году население его составило 43 862 человека.

Воронцов — инициатор многих градостроительных преобразований. Тифлис хорошел. Большая часть его покрывается мостовыми. Вдоль северной городской стены (по линии будущей Мухранской улицы) строится крепостной бульвар. Недалеко от последнего в 1867 году будет воздвигнут памятник светлейшему князю М.С. Воронцову. Император Александр Николаевич утвердил ходатайство князя А.И. Барятинского о сборе добровольных пожертвований на памятник М.С. Воронцову. Сам государь внес 3 тысячи рублей. Памятник был открыт как признание заслуг человека, покинувшего в 1854 году Кавказ и о котором как об истинно государственном деятеле можно судить по тем делам, по той пользе, которую он принес своей деятельностью подвластным ему землям.

Многое изменилось в крае после Воронцова. Граф В.А. Соллогуб, будучи на Кавказе во время наместничества великого князя Михаила Николаевича, отмечал, что в эти годы уже не было в крае «<...> той задушевности, того простодушия, того яркого восточного колорита, что было при Воронцове <...>».

В 1871 году граф Соллогуб занимался подготовкой праздника по случаю приезда на Кавказ наследника цесаревича.

В.А. Соллогуб решил возобновить в Кутаисе торжество, которое он видел в Каире в 1869 году по случаю открытия Суэцкого канала в честь императрицы Евгении и императора Франца-Иосифа. При этом Соллогуб решил придать празднику местный коло-

рит, включив в него джигитовку, русские хороводы и т. д.

Бальный церемониал на подобном торжестве имел особый политический смысл. В одной из примыкавших к танцевальной заде гостиных Соллогуб читал наследнику и его приближенным стихи собственного сочинения:

С времен, давным-давно отжитых,
Преданьям Иверской земли,
От наших предков знаменитых
Одно мы слово сберегли;
В нем нашей удали начало,
Преданье счастья и беды,
Оно всегда у нас звучало:
Аллаверды!..

Аллаверды — «Господь с тобою»,
Вот слову смысл, и с ним не раз
Готовился отважно к бою
Войной взволнованный Кавказ;
Ходили все мы к схваткам новым,
Не дожидаясь очереди.
Хвала умершим... а здоровым —
Аллаверды!

Но если гость — отец державный, —
Земному солнцу кто не рад!
Подымутся на пир заздравный
Эльбрус, Казбек и Арарат.
И грохнет дружно всем Кавказом
На все наречья, все лады
Одной душой, единым разом —
Аллаверды!

Послесловие

Время правления Александра I — это время подлинного величия Российской империи. Тогда мало говорили о национальной идее, русская армия несла эту идею на своих штыках.

Сначала мы Европу удивили, потом восхитили, а затем насторожили. Все возрастающее могущество России мешало осуществлению стратегических планов ведущих европейских держав. В начале 50-х годов XIX столетия союзники и противники Российской империи оказались по одну сторону баррикад.

Несмотря на исход Крымской войны, весь мир был восхищен благородством, мужеством и стойкостью российских солдат и офицеров, многие из которых были воспитаны на примере служения Отечеству героев 1812 года, тех, для кого понятия чести и долга были дороже жизни, дороже всех материальных благ.

Писать эти строки одновременно и радостно, и больно. Радостно потому, что гордость за Отечество — это естественное чувство для гражданина, а больно потому, что нынешняя российская элита весьма далека не только по времени, но и по уровню нравственности от героев этой книги.

Впрочем, общение со студентами вселяет надежду на формирование в России подлинной элиты, представители которой, говоря о своей Родине, будут произносить не «эта», а «моя страна».

Программы балов первой половины XIX столетия

Начало XIX столетия

Полонез

«А-ла-грек»

Английский променад

Альман

«Хлопушка»

«Уточка»

Экосезы

Котильон

Матрадур

Галопад

Менуэты en deux et en quatre

В провинции — хороводы, «плетни», метелицы,
трепаки, казачки, камаринские танцы.

1812—1815 годы

Фавориты балльных программ

Кадрили

Мазурки

Вальсы

В 1812 году были популярны также
разнохарактерные танцы.

1814—1815 годы

Экосез

Вальс

Котильон

Французская кадриль в восемь фигур

Гросфатер

Полонез sautante

Пергурдон

Гавот Вестриса

Мазурка «в четыре пары»

Характерные танцы

Русская пляска

Па-де-шаль

Фан-анго

Мателот

Венгерка

Краковяк

Алеманд

Па-де-козак

1818 год

Экосез

Матрадур

Краковяк

Контрданс

Котильон

Немецкая кадриль

Эти танцы предпочитал популярный в то время преподаватель танцев господин Мунаретти.

1819—1820 годы

Польский

Русская кадриль с вальсом

Экосезы

Англезы

Круглый польский

Полонез sautante

Вальс

Тампет

Матрадур

Мазурка

Котильон

После ужина — гротфатер

1825—1826 годы

Польский

Экосез

Вальс

Кадриль

Мазурка

Матрадур

Краковяк

Тампет

Кадрили (французские)

После ужина — котильон

1832 год

Фавориты бальной программы

Вальс

Галоп

Французские кадрили

Теряют популярность

Матрадур

Экосез

Краковяк

1848 год

Танцы-фавориты бальных программ

Французская кадриль

Полька

Вальс 2, 3, 5 па

Мазурка

Кадриль-мазурка

Правила хорошего тона¹

О приветствиях

1. Приветствие обнаруживает познание светского обращения.

2. Есть множество разного рода приветствий; они должны сообразовываться с лицом, к которому относитесь: почтительное приветствие, дружеское, учтивое, благосклонное или коротко знакомое.

3. Мода, занятая от соседей наших, живущих за морем, начинает вводиться у нас в Париже; мы объясним ее как единственную утонченную вежливость,

¹ *Правила светского обхождения о вежливости. М., 1829.*

которой они следуют (*Il est dandy*). Разгильдеевато, встретясь с женщиной в другом каком месте, кроме гостиной, не поклониться ей, ожидая, пока не подаст какого-нибудь знака, что заметила вас.

4. На поклон отвечается всегда тем же; явное требование, которое выполнить должно.

5. После поклона, когда вступите в разговор со старшим или с благородной женщиной, следует стоять с обнаженной головой до тех пор, пока, по крайней мере, пригласят один раз накрыться.

6. Дамы приветствуют знакомых склонением головы, друзей — движением руки: счастлив тот, которого вместо всех церемонных обрядов встречают приятным взглядом.

7. Приветствия должностным людям должны различаться по уважениям к ним, независимо от правил вежливости, и по мере гибкости шеи того, кто вам кланяется. Есть, однако же, правило без исключения: просителю множество поклонов то же, что отказ; почтенные предки наши называли то придворными пустыми обещаниями.

8. Люди, вышедшие из низкого состояния, невежи, дворянчики, занимающие места, кланяются только высокомерно; человек, умеющий себя ценить, отвечает на первый поклон той же вежливостью, повторяемого же не замечает.

О балах

1. Приглашения на бал делаются по крайней мере осьмью днями прежде назначенного дня, для того чтобы дать время дамам приготовить все принадлежности к нарядам.

2. Хозяин дома встречает дам и чиновных людей: говорит им вежливости, провожая в зал, и всячески старается усадить их.

3. Некоторые считают доказательством вежливости, занимая беспрестанно разговорами танцующих с ними, которых в первый раз видят: большая ошибка.

4. Хозяин должен наблюдать, чтобы все дамы танцевали, и упрашивать снисходительных кавалеров, чтобы подымали тех, которые просидели бы целый век в креслах, как жемчужины в раковинах. Все дарование состоит в том, чтобы разделить безобидно танцевальную ту работу.

5. Люди, не имеющие слуха (то есть имеющие неправильный слух), должны непременно воздержаться от танцев.

6. Сесть на место женщины, начавшей фигуру в контрдансе, было бы невежливо: когда нет других стульев, кроме для дам, то стойте на ногах, с шляпой в руках, до первого обморока.

7. На бале у банкира, поставщика или богатого управляющего трудно утолить жажду. Требование или похищение стакана лимонада или аршата не прищется невежливости.

8. Провинциалы и простаки потчуют только в наши времена дам из конфетных своих коробочек, как Станерелли из табакерки своей.

9. С того времени, как начали мало танцевать, и вовсе не ужинают, танцевальная зала занимается ломберными столиками: между тем как любителей экарте обыгрывают на верное, ловкий человек усугубляет заботливость занять дам.

10. Так как читатели наши не посещают никогда публичных балов, кроме тех, которые бывают в оперном доме, то довольно объяснить им короткое сие

замечание, в котором весьма мало исключения. Све-
жесть там поддельная, лица фальшивые, ум запре-
щенный товар и корсеты подбиты ватой.

О подарках

1. Небольшие подарки поддерживают дружбу.

2. Между друзьями подарки должны быть недо-
рогие. Ежели же они и драгоценны, то работа долж-
на составлять цену, а не состав, из которого сде-
ланы.

3. Начальников дарят только одного рода подарка-
ми: корзинами, в которых носится дичь.

4. Очень приятно получить подарок от женщины;
но, в какой бы степени ни была дружба между вами,
даже родство, придется, однако же, поломать голову,
пока не решиться, чем отдариться. Женщинам не сле-
довало бы никогда дарить другим чем-нибудь, кроме
небольших произведений карандаша или иглы, соб-
ственной их работы.

5. Особенно подарки на Новый год должны быть с
большим вкусом: не последнее дарование уметь выбрать
у Алфонса, Жиру, Ладвоката или Версениуса прилич-
ный подарок тому лицу, которому хочешь поднести.

6. В чем бы ни состоял подарок, вам поднесенный,
если бы он был и поэма Баура, экземпляра о казенных
приходах и расходах или трагедия Амадея Тиссота,
примите оный с удовольствием; благодарность ваша
не должна иметь и тени принужденности.

7. Подарки для детей не требуют больших выду-
мок: новая игрушка или конфеты Бертелемота или
Помереля всего для них приятнее.

8. Приданные не поместятся нами в число подарков: читатель, желающий знать почему, найдет причину в «Рассуждении о наградах» г-на Азараса.

О дуэлях

Благонравию следовало бы искоренить зверское и более еще странное обыкновение дуэлей.

Может, однако, случиться, что какой-нибудь глупец, ветреник, вздорливый сделает вам грубость в глаза, и потому не худо знать, в чем состоят правила истинной чести.

Молодой человек, посещающий только хорошие общества, не употребляющий шуток, выходящих из границ благопристойности, не краснеющий от того, когда потребуют объяснения слову, которое могло показаться обидным, уважающий честь мужчин и честное имя женщин, не будет никогда иметь справедливой причины к ссоре. Неосновательную обиду должен он благоразумно пренебречь; шпажной тычок ничего не доказывает; не вступая в разбирательство чести, следует увериться прежде, равна ли ставка: между вздорливым, нападающим без причины, и обиженным, имеющим право на удовлетворение, обыкновенно большее различие.

Когда, доведенные до крайности, вынуждены вы решиться кончить дело подобным образом, то прежде всего следует избрать в свидетели друзей испытанного благоразумия и твердости и совершенно увериться, что человек, обидевший вас, считает большей честью удовлетворить вас признанием, нежели шпагой.

Язык цветов

В 1830 году в Петербурге была издана книга русского поэта Д.П. Ознобишина «Селам, или Язык цветов»¹. Главным источником предлагаемого издания была «немецкая книжка, напечатанная в 1823 году в Берлине»² <...>. В досущее время я (Д.П. Ознобишин. — *Авт.*) перевел сию безделицу; дополнил ее многими новыми растениями и цветами, написал посвящение <...>».

Это издание было очень популярно среди молодых людей, которые могли говорить о своих чувствах на языке цветов и растений.

Абрикосовая ветвь — Ты очаровываешь меня своею прекрасною душою.

Азалия — Я одинока и бледна от печали.

Акация — Дружба исцеляет раны любви.

Алойный цветок — Ты мучаешь меня своею ревностью.

Алоэ — Ты меня огорчила.

Альпийский бальзам (розовое дерево, кашкара, черногрив) — Ты горда, красавица, оттого и одинока.

Альстремерия (лилия инков, астра мира) — Нет более надежды!

Амарант — Мое сердце горит; но еще есть в нем надежда.

Амарант хвостатый (амарант красный) — Мое сердце никогда не поблекнет от любви.

¹ С е л а м — это приветствие. «Под сим именем на Востоке разумеется аллегорический язык цветов».

² Die Blumensprache, oder Bedeutung der Blumen nach orientalischer Art. Ein Toilettengeschenk. Achte vermehrte Auflage. Berlin, 1823.

Амарилла (лилия яковлевская) — Ты прекрасна, но мое сердце холодно.

Амела (дубовая омела) — Что может исцелить любовь?
Она сильнее яда:
Томит, ранит, волнует кровь
Могучей силой взгляда.

Ангельчик (ангелина, дягиль, еньть) — Все в тебе прекрасно.

Анемон бледно-красный — Красавица, время не медлит.

Астра — Умеешь ли ты любить постоянно?

Бабиджан (демянка, армянские огурцы) — Если дары любви тебе в тягость, то какое же сердце может быть после этого признательно!

Базилик — Только вблизи ты узнать меня можешь.

Бальзамин — Ты сияешь перед всеми, как царица.

Барская спесь — Не страшись этого пламени, оно ведет к счастью.

Бархатец — Не отчаивайся, твое желание будет со временем исполнено.

Безобразка — Не гляди на наружность; я также могу чувствовать.

Березовая ветвь — О! Последуй за мною — и мы будем счастливы.

Березовый лист — Положись на меня.

Бессмертный цвет (златая пуговица) — Моя любовь постоянна.

Блющ (плющ) — Навсегда и крепко привязан я к тому, что избрал однажды; ни суровость севера, ни палящие лучи юга не отвлекут меня от избранной мною.

Блющ земляной — Где обладатель души моей?

Бобовый цвет — Как часто я, незаметный, следил за тобой!

Богородская трава — Уже ли ты ничего ко мне не чувствуешь?

Божье дерево (степная чилига) — Верю и надеюсь.

Божья трава — Я жду награды.

Болиголов — Божественная сила любви не боится смерти.

Боярышник — Я в восторге, когда ты поешь.

Боярышня (ягода) — Я не верю тебе.

Бузина — Ты не узнаешь меня.

Бузина черная — Я твоя.

Буковая ветвь — Скажи мне, прелестница: уже ли ты меня не обманываешь?

Василек — Будь прост, как он.

Вдовый цвет — Мне грустно.

Вереск — За шумной рекою,
За дальней горою,
Друг милый, с тобою
Увижуся я.

Вечерница (ночная фиалка) — Я люблюсь тобой.

Виноградный лист — Люби и наслаждайся.

Виноцвет (пустосел) — Ты очаровательна.

Вишневый цвет — Мои намерения не порочны.

Вишня — Ты приковал к себе мое сердце; возьми его, если, полное любовью, оно может удовлетворить тебя.

Волчец (осот, чертополох) — Ты оскорбил меня.

Волчий боб (солнечник стручистый, паникадило) —
Не томи меня понапрасну.

Волчий боб (волчье лыко) — Нас подозревают.

Вязь (лист) — Не унывай.

Гардения — Когда ты проходишь мимо меня, сердце мое радуется.

Гвоздика (белая) — Вверься мне.

Гвоздика (пестрая) — Как могу я забыть тебя?

- Гвоздика (полосатая)* — Я для тебя потеряна.
Гвоздика (турецкая) — Не много тебе подобных.
Гелиотроп — Тебя повсюду ищет мое сердце.
Георгин — Могу ли я приблизиться к горделивой?
Гераний — Мне надобно тайком тебя увидеть и поговорить с тобою.
Гиацинт — По числу его колокольчиков узнаешь день недели.
Гиацинт махровый — Я к тебе не равнодушна.
Горицвет (марьин цвет, девичья красота) — Ты напрасно пылаешь.
Горошек душистый — Я живу для тебя.
Гортензия — Жестокая! Как могла ты так скоро забыть меня?
Гранатка — Пусть радости тебя ласкают в светском круге; но вспомни иногда об отдаленном друге.
Дрок — Ты найдешь меня одну; не заставь долго ждать себя.
Дубовая ветвь — Русская девушка, осчастливь юношу, хотя на голове его и нет венка лаврового.
Дубровка — Какой жертвы ты бы от меня ни потребовала, все исполню.
Дурман — Как ты смешон.
Душенька — Будь тверд в злополучии.
Душица — Все радуется моему благополучию.
Ежевика — Перестань сердиться.
Железник — Ободришь, все хорошо кончится.
Желтофиол (желтая фиалка) — Каждая безделица священна в очах любви.
Желтяница (дикий сафран) — Доверяй, но рассмотри прежде, кому?
Жестер — Вечная верность.
Жидовник — Не жалуйся на неблагодарность, если ты находишь удовольствие в делании добра.

Жизненное дерево — От тебя зависит смерть и жизнь моя; будь ко мне благосклонна.

Журавлиный горох — Не теряй надежды.

Зверобой — Верь любви моей.

Земляничный цвет — Милая, твое появление наполняет меня восторгом и небесными помыслами.

Змееголовник — Ты моя дневная мысль, ночная мечта моя.

Змеиный язык — Не унывай, если жизнь твоя злополучна.

Змей-трава — Поверь мне, милая, я сам тоже чувствую.

Зоря — Уже ли я обманулся?

Иванов цвет — Что за нами, что пред нами,
Не заботься; дни с крылами;
Дунет ветер — и улетят!

Кавалерские шпоры — Есть Русская доблесть; но где Русское постоянство?

Кактус — Не много часов был я счастлив с тобою.

Кардинал — Я пылаю.

Каштановое дерево (лист) — Справедливо.

Каштановый цвет — Проси прощения.

Ива — Ты несправедлив.

Ивовая ветвь — Отчего я тебе не нравлюсь?

Ирис — Зачем ты нарушила спокойствие моего сердца?

Кедр — Зачем ты так возносишься передо мной?

Кипарис — Когда смерть прекратит безнадежную любовь мою, пролей слезу на моей могиле.

Княженица — Мужество и решительность.

Козья жимолость — Обнадежь меня.

Колокольчик трехцветный — Потерпи только один день.

- Колокольчики* — Когда мы успеем переговорить сегодня?
- Колокольчики белые* — Укажи мне числом колокольчиков час дня.
- Колокольчики голубые карпатские* — Назначь час с вечера.
- Колос пшеницы* — Я забочусь. Скоро ты будешь моею.
- Колос ржи* — Счастливы любящие и взаимно любимые.
- Колючка* — Я разрываю союз наш.
- Кофейное дерево, цвет* — Я не могу жить без тебя.
- Кратива* — Берегись! Я девица.
- Кувшинчики* — Ты не должен меня обманывать.
- Кукушкины сапожки* — Тише, за нами примечают.
- Кукушкины слезы (душистые)* — О, простота! И ты можешь тронуть!
- Курослеп* — Я весел, но грусть в моем сердце.
- Лаванда* — Я тебя не понимаю.
- Лавровое дерево (ветвь)* — Я удивляюсь тебе; но не могу любить.
- Лавровый листок* — Ты носишь цвет постоянства; умеешь ли ты так же постоянно любить?
- Ландыш* — Долго втайне я любил тебя.
- Левкой алый* — Воспользуемся сегодняшним днем; кто знает, что случится завтра.
- Левкой белый* — Сжался над моею любовью.
- Левкой большой серый* — Помирился.
- Лилия белая* — Чисто и непорочно да будет твое сердце.
- Лимонный лист* — Прощай!
- Липовый лист* — Ужели напрасно я ищу любви твоей?
- Липовый цвет* — Понимаешь ли ты меня?
- Лук* — Отчего ты плачешь, когда я к тебе так близко?

Луковичный цвет — Я бегу от тебя.

Львиная лапа — Не пугай меня.

Маис — Часто и под грубой наружностью бьется чувствительное сердце.

Майоран — Скажи, ужели ты не приятельница всех мужчин?

Мак полевой — Не обнаружь счастливой любой.

Мак садовый — Воспоминания о тебе со мною будут навсегда неразлучны, и в счастии, и в злополучии.

Маковый цвет — Ты наводишь сон.

Малина — Прими сей знак уважения.

Маргаритка — Я желаю тебе всего лучшего.

Мать-и-мачеха — Чего должен ожидать? Любви или холодности?

Медуница обыкновенная — В груди моей много желаний.

Метлица — Ты насильно будешь любить меня.

Миндальный цвет — О, как ты прелестна, милое дитя природы!

Мирт — Будь постоянен; сладостна награда любви.

Можжевельник — В полночь, кода звезда блеснет,
К тебе твой друг тайком придет.

Мох — Я буду скорбеть на развалинах минувшего, сохраняя всегдашнее постоянство и невзирая на превратность времени.

Мята — Изгладим из памяти все минувшее горе.

Нард — Молчи!

Нарцисс желтый — Я смотрю завистливыми очами на окружающих тебя.

Нарцисс полевой — Сжался надо мной!

Настурция — Будь деятелен.

Незабудка — Она за меня все тебе выскажет.

Незабудка полевая — Пусть мой образ навсегда обитает в твоём сердце.

- Ноготки* — Поцелуй меня, девица,
Поцелуй меня, душа!
Роза в щечках загорится,
Будешь вдвое хороша.
- Одолей* — Зачем ты меня преследуешь?
- Одуванчик* — Я везде дома.
- Олеандр* — Ты очаровываешь меня.
- Орлянка* — Я припоминаю твои голубые очи.
- Осот* — Я жажду свидания с тобою.
- Папоротник* — Только сердечный союз может доставить продолжительное удовольствие.
- Перец индийский* — Страдания укрепляют любовь.
- Персиковый цвет* — Красота твоя очаровывает, а скромность привязывает.
- Петрушка* — Будь скромнень.
- Петуший гребешок* — Истина не любит прикрас.
- Пион махровый* — Как ты недогадлив!
- Подсолнечник* — Ужели любовь не может преодолеть твоей гордости!
- Полынь* — Твой образ, забываясь сном, с последней мыслию сливаю.
- Померанцевый листок* — Любовь побеждает.
- Померанцевый цвет* — Я не могу описать всю силу любви моей.
- Портулак* — Маленькая дверь будет отворена.
- Пролеска* — И в уединении я мысленно с тобою.
- Пчельник* — Ты прекрасна, но я не могу любить тебя.
- Пырей* — Не презирай меня.
- Редька (цвет)* — И радость имеет свои слезы.
- Резеда* — Не красота, но доброта пленила мое сердце.
- Репейник* — Буря жизни миновалась!
- Роза* — Твое равнодушие меня убивает.
- Роза белая* — Ты презираешь любовь мою, я умираю.

- Роза дикая* — Вознаградит ли будущее за настоящее?
Роза желтая махровая — Искренняя ли любовь твоя;
не обманываешь ли ты меня?
Роза иерихонская — Я воскресну снова для счастья;
любовь меня воскресила.
Роза китайская — Ты притворяешься.
Роза красная — Ты победил мое сердце.
Роза красноватая прованская — На груди твоей я
припоминаю мою отчизну.
Роза месячная — Сохрани чистоту своего сердца, и ты
всегда будешь прекрасна.
Роза мишустая — Роза без шипов!
О, если бы ты была на нее похожа!
Роза-царица — Не отвергай меня.
Розмарин — Скоро поведу тебя к алтарю.
Розовая ветка — Нет!
Розовый алый шипон — Надейся.
Розовый белый шипон — Я сохраняю прежние чув-
ства.
Розовый листок — Да.
Розочка — Честь девушки подобна выполированной
стали; от одного дуновения потускнеет.
Ромашка — Один сладостный взгляд твой утешит
меня в страданиях.
Сельдерей — Небо исполнит твои желания.
Синель — Будет ли твоя любовь так постоянно меня
счастьливить?
Ситник — Завтра будет бал, будь там.
Смоква — Нет ничего сладостнее любви.
Смородина белая — Оставь это, сердце мое обливает-
ся кровью.
Сухоцвет — Истинная любовь не проходит.
Сухоцвет алый — Никогда бедствия не могли сделать
истинную любовь непостоянной.

Сухоцвет желтый — Да никогда не поблекнет пленица любви, некогда обвившаяся вокруг сердец наших.

Табачный цвет — Ты возвышаешь дух мой.

Терновый цвет — Зачем ты презираешь меня?

Тмин полевой — Разве вас когда-нибудь спрашивали?

Толокнянка — Ты очаровываешь меня своей прелестью.

Тополь американский — С чем красота может заключить лучший союз, как не с добродетелью?

Тополь серебряный — Весьма часто скромная заслуга, укрываясь от суетного блеска, обитает в неизвестности.

Трилистник — Свободным я родился, свободным и хочу остаться.

Тростник морской — Ты оценишь меня, но будет поздно.

Тростник сахарный — Излишняя навязчивость противна.

Трость — Я поняла тебя.

Тыква — Пусть меня весь свет забудет, лишь была бы ты со мной.

Тысячелистник — Лови минуты, на их крыльях лежит небо.

Тюльпан — Красота проходит.

Укроп — Увенчай мои желания!

Фиалка — Только тайная любовь делает счастливыми; будь скромн!

Фиалка трехцветная — Я беспрестанно о тебе думаю.

Финиковый лист — Мир и довольство сделают нас счастливыми.

Хвощ — Тот весьма часто питается сладостным мерцанием надежды, кто пламенно любит.

Хмель — Меня влечет беспрестанное желание скорее
обнять тебя.

Цикорий — Могу ли я еще выбирать?

Чай новозеландский — Наша разлука неизбежна.

Черемуховый цвет — Как ты меня обрадовал!

Черника — Поделюсь охотно.

Чернобыльник — Будь мужествен! Прости и люби
меня.

Чертополох — Любовь не знает опасностей.

Чеснок — Ты нестерпим.

Шалфей — Только мысль о тебе сохраняет это бедное
сердце.

Шалфейный куст — Я горю.

Шафран — Я подумаю.

Шафран луговой — Однажды в жизни май цветет
И снова не приходит!

Шиповник — Можно ли тебе поверить?

Щавель — Сноси терпеливо маленькую досаду.

Щавель конский — Я могу переносить с терпением и
умереть.

Яблочный цвет — Ужели ты меня никогда и любить
не будешь!

Ясень — Мои слезы льются.

Ясмин — Будь доволен и моею дружбой.

Ясмин воздушный — Я люблю, но молчу о любви
моей.

Летний
альбом

ГРОМЪ ПОБѢДЫ РАЗДАВАЙСЯ!

РУССКІЙ ПОБѢДНЫЙ ГИМНЪ

ВРЕМЕНЪ

ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ

МУЗЫКА

Для фортепиано или 4-го голоскаго хора (ad libitum).

Партитура 15 коп.

Голоса по 5 коп.

О. Козловскаго.

МОСКВѢ у П. ЮРГЕНСОНА.

Классическая Имп. Русск. Музык. Общества и Консерваторія въ Москвѣ.

главные склады:

С.-Петербургъ у Г. Юргенсона. | Варшава у Г. Зенневальда.

Доставлено цензурой. Москва 30 Октября 1806 г.

Впервые соизволено издать П. Юргенсономъ въ Москвѣ.

Титульный лист к нотам гимна О. Козловскаго «Гром победы,
раздавайся!»

ГРОМ ПОБЕДЫ, РАЗДАВАЙСЯ!

О. Козловский

Maestoso.

Громъ по - бѣ - ды ра - да - вай - ся, ве - се - ли - ся храб - рый Россе!

Звучной сла - вой угра - шай - ся, звучной сла - вой угра - шай - ся, Ма - го ме - та ты по -

тре - сь! Ма - го ме - та ты по - тре - сь! Сла - вь ся симъ Е - на - те - ри - на, сла - вь ся симъ Е - на - те -

ри - на, сла - вь ся нѣж - на - я нѣ намъ мать! Сла - вь ся, нѣж - на - я нѣ намъ

мать! Сла - вь ся симъ Е - на - те - ри - на, сла - вь ся, нѣж - на - я нѣ намъ мать!

2. Во - ды бы - стры - я Ду - на - я у - шь въ ру - кахъ те - перь у насъ;

БАЛЬНАЯ ЭПОХА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

храбрыхъ Россіевъ почн - та - я, храбрыхъ Россіевъ почн - та - я, Тавръ подъ нами и Кав -

- казъ, Тавръ подъ нами и Кав - казъ! Славься сѣмъ Е - на - те - ри - на, славься сѣмъ Е - на - те -

- ри - на, славь - ся, вѣж - на - я къ намъ мать! Славься, вѣж - на - я къ намъ

мать! Славься сѣмъ Е - на - те - ри - на, славься, вѣж - на - я къ намъ мать!

3. Ужъ не могутъ орды Крыма нынѣ рушить нашъ покой; гордость князятъ Селима и блѣднѣетъ онъ съ луной. Славься и пр.
4. Стоишь Селима радуется здесь въ подсолнечной странѣ; зависть и вражда мятется и терзается въ себѣ. Славься и пр.
5. Мы ликуемъ славы звуки, Чтобъ врага могли то вѣсть, Что свои готовы руки Въ край вселенной мы прострѣть. Славься и пр.
6. Зри премудрая Царица, зри, великая Жена, что твой взглядъ, твоя десница намъ законъ, душа одна. Славься и пр.
7. Зри на блещущи соборы, зри на красивый этотъ строй; всѣхъ сердца Тобой и вѣры оживляются одной. Славься и пр.

POLONOISE

Pour

le Clavecin ou Piano-forte

par

Mr I. KOSLOVSKY (amateur)

Op. 5. N° 1

N° 70.

*à St. Petersbourg chez Gerstenberg et Dittmar
rue grande Moravia N° 122*

Титульный лист к нотам полонеза О. Козловского Op. 5 № 1

ПОЛОНЕЗ ОР. 5 № 1

О. Козловский

No. 1.

Dolce.

Cresc.

Expres.

Dal segno.

diminuendo

Polonoise Da Capo.

**ПОЛОНЕЗЫ О.А. КОЗЛОВСКОГО,
НАПИСАННЫЕ ДЛЯ ИМПЕРАТРИЦЫ
МАРИИ ФЕДОРОВНЫ**

После кончины великой княгини Наталии Алексеевны великий князь Павел Петрович вступил 21 сентября 1776 года во второй брак с дочерью герцога Вюртембергского принцессой Софией-Доротеей, принявшей имя Марии Федоровны (1759—1828).

В новом Отечестве великую княгиню ожидало немало испытаний. Любящая мать была практически лишена Екатериной II возможности заботиться о воспитании своих детей.

Позднее императрица Мария Федоровна всецело отдала себя благотворительной и общественной деятельности. Еще император Павел I поручил ей управление воспитательными домами и Смольным институтом.

В политической жизни императрица содействовала борьбе России с Францией и решительно воспротивилась браку своей дочери великой княжны Анны Павловны с Наполеоном в 1809 году.

Ежегодно, 22 июля, в день тезоименитства вдовствовавшей императрицы Марии Федоровны в Петергофе устраивались гулянья.

В 11 часов утра в Петергофский дворец начинали съезжаться гости: члены Святейшего синода, «знатные обоего пола персоны, гвардии и армии штаб и обер-офицеры, придворные обоего пола».

В начале первого часа императорские величества, высочества и все приглашенные шествовали в Придворную церковь к Божественной литургии.

В четвертом часу царственные особы, члены императорской фамилии и приглашенные лица следовали

Императрица Мария Федоровна

на обед, на котором обычно присутствовало от 50 до 70 человек.

В седьмом часу начинался съезд гостей на маскарад, «по собрании довольного числа масок», обычно с 8 до 9 часов вечера, в оркестрах «открывалась музыка».

Около 9 часов на маскараде появлялись император, императрица и наследник-цесаревич.

Императрица Мария Федоровна отправлялась в столовую, где играла в карты с первыми лицами государства и дипломатами. Выбор последних свидетельствовал о внешнеполитических приоритетах России.

Так, если в 1807 году за карточным столом находились послы Австрии, Великобритании и Швеции, то в 1808—1809 годах, после подписания Тильзитского мира, в числе партнеров императрицы со стороны дипломатического корпуса «Камер-фурьерский журнал» отметил лишь французского посла Коленкура.

Ближе к полуночи их величества с приглашенными следовали на ужин, во время которого император и цесаревич не садились за стол, стараясь уделять внимание каждому из присутствующих.

По окончании трапезы начинался фейерверк, а затем катания на «линеях» по иллюминированному Нижнему парку.

Обычно маскарад завершался во втором часу ночи.

В камер-фурьерских журналах мы находим имена первой и последней покинувшей вечер маски. В 1809 году первая маска Второго кадетского корпуса капитан Дружинин, последняя – статский советник граф Толстой.

Всего же в 1809 году на маскараде присутствовало 4531 человек, из которых – 3146 представители дворянского сословия и 1375 – купеческого.

«Цветущий период» Петергофа не прекратился и при императоре Николае I, относившемся к своей матери с особой любовью и заботой.

После кончины Марии Федоровны праздники были перенесены на 1 июля – день рождения императрицы Александры Федоровны.

ПОЛОНЕЗ¹.
ИСПОЛНЕН НА МАСКАРАДЕ В ПЕТЕРГОФЕ
22 ИЮЛЯ 1807 ГОДА

О. Козловский

¹ В примечании к нотам полонеза сказано, что он написан по увертюре «Поль и Виржиния».

О. Козловский

Polonoise

dolce

f *p*

f *p* *ff* *fp* *p*

**ПОЛОНЕЗЫ О.А. КОЗЛОВСКОГО,
НАПИСАННЫЕ ДЛЯ ИМПЕРАТРИЦЫ
ЕЛИЗАВЕТЫ АЛЕКСЕЕВНЫ**

Портрет Елизаветы Алексеевны

«...Впервые увидев императрицу Елизавету Алексеевну в Царском Селе, Виже-Лебрен писала: «...черты ее были тонки и правильны, а овал лица безупречен; прекрасный цвет лица не был ярок, его бледность гармонировала с выражением, кротость коего была чисто ангельской...» Позднее Виже-Лебрен называла Елизавету Алексеевну «ангел красоты...»

Императрица Елизавета Алексеевна (1779—1826), принцесса Баденская, родилась 13 января 1779 года в Карлсруэ.

В четырнадцать лет она стала супругой наследника русского престола великого князя Александра Павловича.

В Петербурге великая княгиня продолжала свое музыкальное образование, начатое еще при Баденском дворе.

В Северной столице ее учителями были Дж. Сарт и Жан Кардон, обучившие ее пению, игре на клавесине и арфе.

Во время домашних концертов Елизавета Алексеевна выступала как клавесинистка, арфистка и певица. Обладая прекрасным голосом, она очаровывала слушателей своим артистизмом.

В музыкальное окружение императрицы входил и О.А. Козловский, обязанности которого, по мнению исследователя жизни и творчества композитора А.М. Соколовой, заключались в хранении библиотеки Елизаветы Алексеевны, а также в подготовке и подборке «музыкального материала для исполнения на ее музыкальных вечерах...». В этом обширном нотном собрании сохранилось немало черновых набросков и тетрадей с сочинениями Козловского, посвященными императрице.

Для концертов и вечеров в салоне Елизаветы Алексеевны Козловский и предназначал свои многочисленные танцевальные миниатюры.

Представленные в книге ноты произведений О.А. Козловского, написанные для Елизаветы Алексеевны, хранятся в редком фонде нотного отдела Российской государственной библиотеки.

ДВА ПОЛОНЕЗА, ИСПОЛНЕННЫЕ
13 ЯНВАРЯ 1811 ГОДА, В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ
ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИЗАВЕТЫ АЛЕКСЕЕВНЫ

О. Козловский

№ 1.

Dolce.

БАЛЬНАЯ ЭПОХА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

TRIO.

Espressivo.
Lamentabile.
Legito.
Diminuendo.

POLONAISE. DA CAPO

The image shows a musical score for a Trio and a Polonaise. The Trio section is marked with 'TRIO.' and includes performance instructions: 'Espressivo.', 'Lamentabile.', 'Legito.', and 'Diminuendo.'. The Polonaise section is marked 'POLONAISE. DA CAPO'. The score is written for two staves, with the right hand playing the melody and the left hand providing accompaniment. The key signature is one flat (B-flat), and the time signature is 3/4.

№ 2.

Dolce

БАЛЬНАЯ ЭПОХА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Трио.

pp

Polonaise da capo.

The musical score is for a Trio, indicated by the word "Трио." at the beginning. It is written for three staves: a treble staff, an alto staff, and a bass staff. The key signature has one flat (B-flat), and the time signature is 3/4. The piece begins with a piano (pp) dynamic marking. The music features a variety of rhythmic patterns, including eighth and sixteenth notes, and rests. There are several slurs and accents throughout the score. The piece concludes with a double bar line and a repeat sign. The text "Polonaise da capo." is written at the end of the first system, indicating that the piece is to be repeated from the beginning.

ПОЛОНЕЗ¹
НАПИСАН ДЛЯ ПРАЗДНИКА
ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИЗАВЕТЫ
5 СЕНТЯБРЯ 1808 ГОДА

О. Козловский

Chassez de votre cœur une image si vaine .

FORTE-PIANO

fp *f* *Espressivo...*

¹ В примечании к нотам сказано, что полонез написан на мотив арии «Телемака».

POLONOISE
 POUR
Le Piano-Forte
 composée
 pour
La Majesté L'Impératrice
de toutes les Russies
ELISABETH ALEXIEWNA.
par
Seu tres humble et très obéissant Secrétaire
J. KOSLOVSKY,
amateur.
Opus 59
Paris chez les Compositeurs, L. M. Dufour.

Титульный лист к нотам полонеза О. Козловского

ПОЛОНЕЗ
О. Козловский

Trio

dolce

Trio Da Capo

POLONOISE
POUR
Le Piano-Forte
composee
pour
*Sa. Maj. sr^e L. Imperatrice
de toutes les Russes*
ELISABETH ALEXIEWNA.

par
Avec les honneurs de l'Académie de Musique

J. KOSLOVSKY,
amateur

Opus 27. (Lithuanie)

Титульный лист к нотам полонеза О. Козловского

ПОЛОНЕЗ

О. Козловский

TRIO.

Andte

f

Andte

f

Polonaise D. Capo.

POLONOISE
POUR
Le Piano-Forte
composée
pour
Sa Majesté L'Impératrice
de toutes les Russies
ELISABETH ALEXIEWNA.

par
son très humble et très obéissant serviteur

J. KOSLOVSKY
amateur.

Donné à l'Étude de sa Majesté l'Impératrice.

Титульный лист к нотам полонеза О. Козловского

ПОЛОНЕЗ

О. Козловский

Jamais on ne connaît la peine au sein des innocents plaisirs ;

TRIO.

Polon: Da Capo

Allegretto

Signe pour mettre la pédale
Signe pour ôter la pédale

Polonoise

ПОЛОНЕЗ¹. ОР. 5 № 12

О. Козловский

Polonoise
avec
Chœurs.

p *cresc.* *f* *Decrescendo.* *dolce* *dolce* *f*

Polon. D. C.

Trio.

p *f* *p* *f*

¹ В примечании к полонезу сказано, что он «написан и посвящен господину Нарышкину».

Trois Polonoises, trois Ecossaises
et une Quadrille
arrangées pour le PIANO-FORTE
composées et dédiées
 à S.E. Madame DE NARYSCHKIN,
 NÉE PRINCESSE LABANOW DE ROSTOW
 à l'occasion de son mariage
 avec S.E. Monsieur CIRILLE DE NARYSCHKIN
Gentilhomme de la Chambre de S.M. Impériale et Chevalier de plusieurs Ordres
par son très humble et très obéissant serviteur
 JOSEPH KOSLOVSKY amateur.
 *
Spéc. chez Dittmar à St. Pétersbourg.

Титульный лист к нотам трех полонезов, трех экосезов и
 кадрили О. Козловского, написанных и посвященных мадам
 Нарышкиной по случаю свадьбы с господином Кириллом
 Нарышкиным

**ТРИ ПОЛОНЕЗА, ТРИ ЭКОСЕЗА
И КАДРИЛЬ, НАПИСАННЫЕ
И ПОСВЯЩЕННЫЕ МАДАМ
НАРЫШКИНОЙ, УРОЖДЕННОЙ КНЯЖНЕ
ЛОБАНОВОЙ-РОСТОВСКОЙ ПО СЛУЧАЮ
СВАДЬБЫ С ГОСПОДИНОМ КИРИЛЛОМ
НАРЫШКИНЫМ**

О. Козловский

Polonoise
№ 3.

Trio .

Quadrille.

Da Capo.

Da Capo.

Da Capo.

f

fp

f

POLONOISE

POUR

Le Piano-Forte

composée

par

A. KOSLOVSKY

amateur

1819

à St. Pétersbourg chez Kellner

Титульный лист к нотам полонеза О. Козловского

ПОЛОНЕЗ

О. Козловский

Trio .

p *cresc.*

poco f *piano e staccato*

ritardi.

Trio Da Capo .

POLONOISE
Pour le Piano
composée et dédiée
À MADAME LA COMTESSE
CATHERINE DE CHEREMETTEFF
par
LE PRINCE
PAUL DOLGOROUKY
—
Ouv: 7
—
A S: PETERSBOURG
gravée et imprimée chez PAEZ

Титульный лист к нотам полонеза О. Козловского, посвященного
графине Екатерине Шереметевой от князя Долгорукого

ПОЛОНЕЗ, НАПИСАННЫЙ
И ПОСВЯЩЕННЫЙ ГРАФИНЕ ЕКАТЕРИНЕ
ШЕРЕМЕТЕВОЙ ОТ КНЯЗЯ ДОЛГОРУКОГО

d'un Air Russe.

TRIO .

p

f

8va

loco

ralentando

Trio Da Capo

ДВА КОНТРАНСА ДЛЯ ФОРТЕПИАНО

О. Козловский

Довольно скоро *)

p cres.

Довольно скоро

cres. *rit.* *a tempo*

rit. *a tempo*

f *p* *f* *p*

*) Облегченная обработка редактора напечатана мелким шрифтом.

The musical score is written for piano and consists of six systems of staves. Each system typically contains two staves (treble and bass clef). The notation includes various musical symbols such as notes, rests, and accidentals. Dynamic markings are present, including *mf cresc.* (mezzo-forte crescendo) and *rit.* (ritardando). The score is written in Russian, with the word "KAR" appearing in the second system. The notation is in Russian, with "KAR" appearing in the second system.

БАЛЬНАЯ ЭПОХА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Умеренно скоро

Умеренно скоро

Титульный лист к нотам мазурок М. Шимановской

ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ МАЗУРКИ

М. Шимановская

MAZURKA.
№ 1.

№ 2.

№ 3.

№ 4.

№ 5.

D. C.

№ 6.

№ 7. Fine.

D. C.

№ 8.

№ 9. Fine.

D. C.

№ 10. Fine.

D. C.

БАЛЬНАЯ ЭПОХА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

№ 11.

№ 12.

№ 13.

№ 14.

№ 15.

Fine.

D.C.

№ 16.

№ 17.

№ 18.

№ 19.

№ 20.

БАЛЬНАЯ ЭПОХА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

№ 21.

№ 22.

№ 23.

№ 24.

Титульный лист к музыкальному альбому, изданному
А.Н. Верстовским

МАЗУРКА ИЗ МУЗЫКАЛЬНОГО АЛЬБОМА,
ИЗДАННОГО А.Н. ВЕРСТОВСКИМ

Ф. Шольц

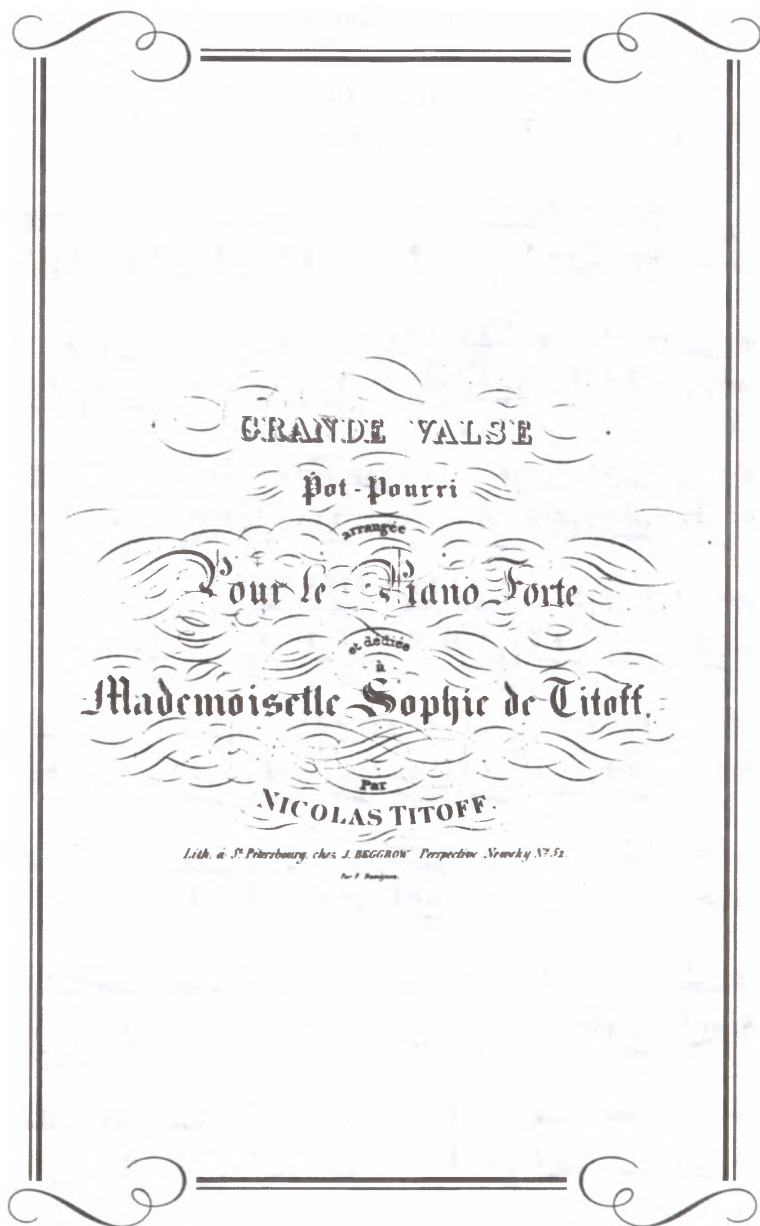
Piano
Forte

The musical score is for a Mazurka by F. Scholz, Op. 10, No. 1. It is in 3/4 time and consists of six systems of piano and forte parts. The piano part is in treble clef and the forte part is in bass clef. The key signature is one sharp (F#). The score includes various musical notations such as eighth notes, sixteenth notes, and triplets. The first system is marked 'Piano' and the second system is marked 'Forte'. The score ends with a double bar line and a repeat sign.

МАЗУРКА ИЗ МУЗЫКАЛЬНОГО АЛЬБОМА,
ИЗДАННОГО А.Н. ВЕРСТОВСКИМ

Н. Кубишта

The musical score is written for piano and features a treble and bass clef. The key signature is one sharp (F#), and the time signature is 3/4. The score is divided into six systems. The first system begins with a treble clef staff and a bass clef staff. The treble staff contains a melodic line with slurs and accents, while the bass staff provides harmonic support with chords and single notes. Dynamic markings include *sfz* (sforzando) and *sf* (sforzando). The second system continues the melodic development in the treble staff, with a triplet of eighth notes. The third system shows a change in the bass line with chords and a single note. The fourth system features a melodic phrase in the treble staff with a slur and a triplet, and a corresponding bass line. The fifth system includes a trill (*tr*) in the treble staff and a *sfz* marking. The sixth system concludes the piece with a final melodic phrase in the treble staff, marked with a slur and a triplet, and a corresponding bass line. The score ends with a double bar line and repeat signs.

Титульный лист к вальсу Н. Титова

ВАЛЬС

Н. Титов

Valse.

The musical score is written for piano and consists of eight staves. The first staff begins with the word "Valse." and a dynamic marking of *f*. The notation includes a variety of chords, arpeggios, and dynamic markings such as *f*, *mol.*, *con.*, and *do*. The score is written in a key signature of one flat and a 3/4 time signature. The notation includes a variety of musical symbols, including notes, rests, and accidentals.

БАЛЬНАЯ ЭПОХА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

The image displays a musical score for a waltz, likely from the first half of the 19th century. The score is written for piano and features a variety of musical notations including treble and bass staves, key signatures, time signatures, and dynamic markings. The piece is characterized by its 3/4 time signature and key signature of one flat (B-flat major or D minor). The notation includes numerous beamed eighth and sixteenth notes, suggesting a lively tempo. The score is divided into sections, with the first section labeled "Trio." and the second section labeled "Fin.". The music is written in a style typical of the Romantic era, with a focus on melodic and harmonic development. The score is presented in a clear, legible format, with the notes and markings clearly visible against the background.

Trio.

Fin.

WALZ
Sur un thème de la Dame du Lac.
arrangée et dédiée
Comte Valentin Stroganoff.
Par
Nicolas Titoff.

St PETERSBOURG
Cité chez J. Beggien, Perspective, Vourky N° 52.
Par F. Dargatzis.

Титульный лист к нотам вальса Н. Титова

ВАЛЬС
Н. Титов

Valse.

rit.

f

p

f

p

f

p

D.C. al Segno

БАЛЬНАЯ ЭПОХА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

VALSE ET MAZOURKA

Pour le Piano-forte

Composées

Par

Nicolas. Titoff.

St PETERSBOURG

Lith. chez J. BEGGROW Perspective, Nourky, № 52

Sur 1re édition

Титульный лист к нотам вальса и мазурки Н. Титова

ВАЛЬС И МАЗУРКА

Н. Тумов

Valce. *dolce*

Mazurka *p* *f*

ВАЛЬС, ПОСВЯЩЕННЫЙ ГЕРЦОГУ
ОРЛЕАНСКОМУ

И. Штраус-отец

Introduction.
Allegro vivace.

The musical score for the Introduction is written for piano in 3/4 time. It consists of five staves. The first staff begins with a piano (*pp*) dynamic. The second staff includes a crescendo (*cresc.*) marking. The third staff features a forte (*f*) dynamic. The fourth and fifth staves contain complex chordal textures and melodic lines, with first endings marked by a '1' and a repeat sign.

Walzer.

№ 1.

The musical score for the first waltz is written for piano in 3/4 time. It consists of two staves. The first staff begins with a piano (*p*) dynamic. The second staff features a steady accompaniment of chords. The waltz concludes with a final chord.

БАЛЬНАЯ ЭПОХА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Musical score for a piano piece, likely a waltz, from the first half of the 19th century. The score is written for piano (p) and includes a second ending (Nº2). The music is in 3/4 time and features a mix of chords and melodic lines in both hands.

The score consists of several systems of music. The first system shows the beginning of the piece with a key signature of one sharp (F#) and a 3/4 time signature. The second system continues the melody and harmony. The third system introduces a second ending, marked "Nº2.", which provides an alternative conclusion to the piece. The score includes various musical notations such as notes, rests, and dynamic markings like *f* (forte) and *p* (piano).

Eingang.

№3.

Walzer.

1. 2.

№4.

The musical score consists of three distinct pieces. The first piece, 'Eingang', is marked with a piano (p) dynamic and features a simple melody in the right hand and a rhythmic accompaniment in the left. The second piece, 'Walzer', is marked with a forte (f) dynamic and includes a waltz-like melody with a first and second ending. The third piece, numbered 4, is marked with a piano (p) dynamic and features a more complex melody with trills and grace notes in the right hand, supported by a steady bass line.

БАЛЬНАЯ ЭПОХА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Eingang.

№ 3.

Walzer.

1. 2.

№ 4.

The musical score consists of three pieces. The first piece, 'Eingang.', is marked '№ 3.' and is in 3/4 time. The second piece, 'Walzer.', is marked '1. 2.' and is in 3/4 time. The third piece, '№ 4.', is marked '№ 4.' and is in 3/4 time. The score is written for piano (p) and includes first and second endings for the 'Walzer.' piece. The key signature is B-flat major (two flats) and the time signature is 3/4. The 'Walzer.' piece is marked with 'p' and 'f' dynamics. The '№ 4.' piece is marked with 'p' and 'f' dynamics.

№5.

БАЛЬНАЯ ЭПОХА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Coda

The musical score is for a Coda section, likely from a 19th-century ballroom music collection. It features a piano accompaniment and a violin melody. The piano part is written in the bass clef, and the violin part is in the treble clef. The key signature has one sharp (F#). The tempo is marked 'Allegretto'. The score includes various musical notations such as notes, rests, and dynamic markings like 'f' (forte) and 'p' (piano). The Coda section is marked with a 'Coda' symbol at the beginning.

ВАЛЬС, ПОСВЯЩЕННЫЙ КОРОЛЕВЕ ВИКТОРИИ

И. Штраус-отец

Introduction.
Tempo di Marcia.

The musical score is written for piano and bass. It begins with a key signature of two sharps (F# and C#) and a 2/4 time signature. The tempo is marked 'Tempo di Marcia'. The introduction consists of seven systems of staves. The first system includes a key signature change to D major (two sharps). The music is characterized by a strong, rhythmic melody in the right hand and a supporting bass line in the left hand. Various musical notations are used, including slurs, accents, and dynamic markings like 'ff' (fortissimo). The score ends with a double bar line and repeat signs.

БАЛЬНАЯ ЭПОХА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Walzer.

№1.

№2.

Detailed description: The image contains two musical pieces, Walzer No. 1 and Walzer No. 2. Each piece is written for piano (left hand) and violin (right hand). The key signature for both is three sharps (F#, C#, G#), and the time signature is 3/4. Walzer No. 1 consists of five systems of staves. The piano part features a steady bass line with chords and some moving lines, while the violin part has a more melodic and rhythmic character with many eighth and sixteenth notes. Walzer No. 2 also consists of two systems of staves. The piano part is characterized by a strong, rhythmic accompaniment with many chords, while the violin part has a more melodic line with some grace notes. The notation includes various musical symbols such as clefs, key signatures, time signatures, notes, rests, and dynamic markings like 'p' (piano) and 'f' (forte).

№3.

The musical score is written for piano and consists of 16 measures. It is in 4/4 time and has a key signature of two sharps (F# and C#). The score is divided into two systems of eight measures each. The first system begins with a piano (p) dynamic marking. The melody in the right hand is characterized by slurs and accents, while the left hand provides a steady harmonic accompaniment. The second system continues the melody and accompaniment, featuring a forte (f) dynamic marking in the final measures. The piece concludes with a first ending (marked '1.') and a second ending (marked '2.').

БАЛЬНАЯ ЭПОХА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Eingang. *attaca*

Walzer.

Nº 4.

p *pp* *f*

№ 5.

Coda.

БАЛЬНАЯ ЭПОХА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

О.Ю. Захарова

The musical score is written for piano and consists of seven systems of two staves each. The key signature is G major (one sharp) and the time signature is 4/4. The notation includes various musical symbols such as notes, rests, accidentals, and dynamic markings like 'f' and 'ff'. The piece concludes with a double bar line and repeat dots at the end of the seventh system.

Комментарии к нотам

Осип Козловский

В эпоху Просвещения исторические и культурные связи Польши и России проявлялись в различных областях художественной жизни, в том числе в музыке. Особую популярность в России в конце XVIII столетия имели музыкальные произведения Осипа (Юзефа) Антоновича Козловского (1757—1831).

Уроженец Варшавы, композитор прожил в Польше почти тридцать лет.

Музыкальное образование Осип Антонович получил в капелле кафедрального собора Святого Яна, впоследствии Козловский был в этом соборе певчим, а затем органистом.

В 1775 году Козловский появился в доме троцкого воеводы Анджея Огиньского. Сначала он занимался музыкой с дочерью дипломата, а вскоре стал давать уроки Михаилу Клеофасу, известному в будущем польскому композитору.

Трудно указать причину, по которой Осип Антонович был вынужден на время расстаться с профессией музыканта и поступить на военную службу в русскую

армию. Думается, что он искал в России не только творческого вдохновения, но и материальной поддержки, так как после окончания занятий с М.К. Огиньским финансовое благополучие Козловского заметно ухудшилось.

Осип Антонович начал службу 26 сентября 1786 года в должности адъютанта князя Ю.В. Долгорукова, командующего Кинбургским полком.

В 1788 году полк князя Долгорукова вместе с войском Г.А. Потемкина участвовал в осаде и взятии Очакова. Вероятно, именно тогда Осип Антонович познакомился с Потемкиным, на главной квартире которого «беспрестанно были праздники, балы, театр, балеты...».

28 февраля 1791 года адъютант Козловский, состоящий в это время в свите светлейшего князя, прибыл в Петербург.

Свой талант композитор продемонстрировал на блестящем празднике в Таврическом дворце, устроенном Потемкиным в честь Екатерины II по случаю взятия Измаила. Козловскому была поручена вся музыкальная часть торжества.

Бал открылся «Польским танцем». «Громкая музыка его сопровождается была литаврами и пением»: звучал полонез «Гром победы, раздавайся». Этот полонез прославил композитора, впоследствии он станет гимном Российской империи.

Участники праздника были щедро отмечены светлейшим князем. 7 мая 1791 года Козловскому был присвоен чин секунд-майора.

Осип Антонович был не только музыкально одарен, но и имел приятные манеры. Поэтому неудивительно, что он был представлен ко двору и стал вхож в дома российских аристократов, среди которых осо-

бым гостеприимством славился дом Л.А. Нарышкина, где постоянно бывали Г. Державин, Н. Львов и другие деятели русского искусства.

«С утра до вечера в доме Нарышкина слышались звуки веселья и пира, безумный хохот, музыка: весь день там ели, смеялись, пели, плясали...»

Спустя некоторое время после знакомства Нарышкин предложил композитору квартиру в своем доме на Мойке, где Козловский прожил несколько лет.

В ноябре 1793 года Козловский получил чин премьер-майора.

В том же году композитор встречается в Петербурге со своим учеником М. Огиньским, который показал учителю свои сочинения, в частности полонезы. Один из полонезов был инструментован Козловским и по его рекомендации исполнялся на придворных балах.

Как отмечает в своем замечательном исследовании, посвященном жизни и творчеству Козловского, А.М. Соколова, «встречи учителя и ученика продолжались и позже, когда в 1802 году, после длительной эмиграции, Огиньский вновь посетил Петербург. К этому времени относится и работа Козловского как редактора полонезов Огиньского».

В конце 1796 года Козловский подал в отставку и 3 декабря получил увольнение от военной службы.

Поступив в 1799 году на службу в дирекцию Императорских театров, Козловский был произведен в чин коллежского асессора, а 21 декабря того же года — в надворные советники.

Деятельность композитора была весьма разнообразна, но главное — организация придворных праздников и концертов.

19 июня 1803 года Козловский утвержден директором музыки Императорских театров, получив неза-

долго до этого звание коллежского советника. Помимо прочих обязанностей, директор решал вопросы материального содержания артистов оркестра и исполнителей.

Деятельность композитора была отмечена присвоением ему 19 января 1807 года звания статского советника. В последующие годы за свой талант Осип Антонович получал в качестве подарков бриллиантовые перстни.

Директор музыки имел следующие обязанности: «Директор музыки имеет в полном ведении все оркестры; разделяет по оным музыкантов, делает им наряды на пробы, представления, балы и маскарады; prepares в конторе <...> контракты музыкантам, принимаемым вновь <...>. На него возлагается наблюдение и ответственность в исправлении Нотной конторы. Из воспитанников школы, предопределяемых для музыки, старается приготовить музыкантов, которые могли бы заменить иностранцев».

Козловский занимается не только административной деятельностью, но и творческой. Он продолжает писать произведения крупной формы — торжественные полонезы с хором, кантаты по поводу событий государственного значения: «Польский с хором на победы князя Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова-Смоленского, спасителя Отечества», «Te Deum» (по случаю заключения всеобщего мира)».

В 1819 году была удовлетворена просьба Козловского об увольнении от службы. Согласно императорскому указу от 27 июля 1819 года, «ему была назначена пенсия в размере 4000 рублей, то есть основного жалованья, которое он получал по штату Дирекции».

Последние годы жизни композитор провел в кругу семьи.

Скончался Козловский 27 февраля 1831 года. Спустя некоторое время после его кончины в газете «Санкт-петербургские ведомости» появился некролог. «Февраля 27-го дня сего года скончался здесь, в глубокой старости, статский советник и бывший директор музыки Императорских театров Осип Антонович Козловский. Он происходил из белорусских дворян и в молодости снискал благоволение князя Потемкина-Таврического... и тогда уже Козловский отличался музыкальным своим талантом. С именем Козловского соединяется множество воспоминаний, сладостных для русского сердца. Звуки сочиненной Козловским музыки раздавались некогда в чертогах царских, в палатах вельмож и в домах среднего сословия. Кто не знает, кто не слышал славного полонеза с хором: *«Гром победы, раздавайся»* (слова Державина), игранного и петого в первый раз в Таврическом дворце на великолепном или, лучше сказать, волшебном празднестве, данном князем Потемкиным Екатерине Великой? Кто не помнит полонеза, сочиненного Козловским же на торжество коронации императора Александра Павловича *«Росскими летит стрелами на золотых крылах молва»* (также Державина)? Целое поколение пело и ныне поют многие песни Козловского, сочиненные им на слова Нелединского-Мелецкого. Не имея соперников, кроме графа Огиньского, в сочинении полонезов и народных мелодий, Козловский заслужил одобрение знатоков и высшими композициями. Музыка его сочинения для трагедии Озерова «Фингал» и Requiem поистине заслуживают уважения. Осип Антонович Козловский был человек добрый, тихий, постоянный в дружеских связях и оставил после себя хорошую память. Имя его займет почетное место в истории русской музыки. Русских композиторов вообще очень мало, а О.А. Козловский стоит в первом ряду между ними».

Мария Шимановская

Мария Агата Воловская (в замужестве Шимановская) по праву принадлежит к числу выдающихся пианистов XIX столетия.

Мария Шимановская родилась в Варшаве 14 декабря 1789 года. Когда девочке исполнилось восемь лет, она начала заниматься с пианистом Лисовским.

Большая часть произведений Марии Шимановской — фортепианные пьесы (примерно 90), многие из которых она исполняла на своих концертах.

В 1810 году ей рукоплескал Париж, в 1818 году — Лондон и, наконец, в 1822 году — Петербург.

Затем последовали концерты в Германии, Франции, Италии...

Европа заговорила о Шимановской как о талантливейшей пианистке своего времени.

В 1827 году Мария приняла решение поселиться в России. В юности зачастую происходят события, которые впоследствии определяют всю последующую судьбу человека.

Еще в 1814 году Шимановская познакомилась в Варшаве с С.Л. Пушкиным, отцом А.С. Пушкина, вписавшим в ее альбом послание.

В Варшаве Мария познакомилась также с князем П.А. Вяземским, супруге которого она посвятила цикл «Восемнадцать различных танцев для фортепиано».

С Россией будет связана вся последующая жизнь Шимановской.

В Петербурге у нее бывали М.И. Глинка, А. Мицкевич, А.С. Пушкин, В.А. Жуковский, П.А. Вяземский, А.Ф. Львов, братья Виельгорские.

Концерты Шимановской в Москве и Петербурге всегда проходили с большим успехом.

Мазурки, предлагаемые читателю в этой книге, не «сочинены» ею, а «аранжированы для фортепиано». Согласно мнению И.Ф. Бэлзы, «...в основу мазурок Шимановской положены какие-то танцевальные пьесы, распространенные в то время. Нам представляется, однако, гораздо более вероятным, что миниатюры Шимановской просто очень близки к тем образцам польской танцевальной музыки, с которыми она знакомилась в городском и усадебном быту. Характерные черты этой музыки получили художественное обобщение в мазурках Шимановской, причем не исключена, конечно, возможность и того, что композитор цитирует в некоторых мазурках те или иные народно-бытовые танцы или развивает их мелодию».

Бэлза считал, что мазурки Шимановской подготовили почву для «творческих исканий Шопена».

Местонахождение автографа мазурок, созданных, видимо, в 20-х годах XIX столетия, неизвестно.

В основу предполагаемого издания положено издание Пробста, хранящееся в Нотном отделе Российской государственной библиотеки.

Алексей Верстовский

Алексей Николаевич Верстовский родился 18 февраля 1799 года в Тамбовской губернии.

По окончании Института инженеров путей сообщения занялся изучением теории музыки, которая в конце концов окончательно победила в нем инженера.

Он возвращается в артистической среде Петербурга, выступает в частных домах как актер и певец.

Оперы-водевили Верстовского были весьма популярны в 20-х годах XIX столетия. Особенный успех

имела опера «Дом сумасшедших», шедшая на сцене в 1849 году.

В 1822 году Алексей Николаевич переезжает в Москву и поступает на службу в Московскую контору Императорских театров. В 1825 году он был назначен «инспектором репертуара и трупп».

Заметное влияние на театральную жизнь оказывала и супруга Верстовского Надежда Васильевна — дочь театрального музыканта из столыпинских крепостных. По выражению В.Г. Белинского, «вся она была огонь, страсть, трепет, дикое упоение». В роли Сусанны («Женитьба Фигаро») ей не было равных.

Настоящую славу Верстовскому принесла опера «Аскольдова могила», поставленная в Москве в 1835-м, а в Петербурге в 1841 году.

Верстовский — автор нескольких десятков романсов, один из них, «Старый муж, грозный муж» (А.С. Пушкин), не раз исполняла Полина Виардо-Гарсия. Некоторые из своих произведений композитор публиковал в издаваемом им в 1827—1828 годах «Музыкальном альбоме». Алексей Николаевич Верстовский скончался в 1862 году.

Предшественник Глинки, вместе с Алябьевым он по праву может считаться одним из создателей «национальной русской школы в музыке».

Николай Титов

Николай Алексеевич Титов принадлежал к семье потомственных военных музыкантов. Он родился в 1800 году в Петербурге. Его отец, Алексей Николаевич, служил в конной гвардии и вышел в отставку в чине генерал-майора.

Он был известным оперным композитором конца XVIII — начала XIX столетия и превосходно играл на скрипке. Дядя Н.А. Титова, Сергей Николаевич, музицировал на альте, виолончели, писал оперы.

В доме А.Н. Титова часто устраивались музыкальные вечера, на которых зачастую выступали заезжие знаменитости.

Дворянское воспитание — это стиль жизни, который передавался от одного поколения к другому на протяжении столетий. Менялась форма бытия, но не ее содержание. Поэтому неудивительно, что музыкальная одаренность братьев Титовых перешла к их детям — Николаю и Михаилу Алексеевичам и Николаю Сергеевичу.

В 1808 году по окончании домашнего обучения Н.А. Титов поступает в 1-й кадетский корпус. Маленький Николай был мальчик «бойкий, смывленный, но шалун». Поступив сразу в 3-й класс, он тут же отличился тем, что на вопрос одного из учителей: «Как твоя фамилия?» — Николай, обескураженный таким обращением, спросил: «А тебя как зовут?» К счастью, за подобную дерзость кадет Титов не был наказан.

За отличные успехи в обучении Николай Алексеевич каждый год получал в подарок книги, которые вручал кадетам директор корпуса генерал-лейтенант Клингер.

Николай Алексеевич не отличался крепким здоровьем, и поэтому в 1810 году родители забрали его из корпуса (чему немало способствовала также смерть в том же году брата Н.А. Титова Федора, воспитанника Пажеского корпуса) и отдали Николая вместе с другими братьями в частный пансион. Отец, по словам Николая Алексеевича, хотел сделать из него музыканта, и в 11—12 лет он начал обучение игре на фортепиано.

Уроки шли на немецком языке, и, едва выучив ноты, воспитанник принимался за «сонаты». Неудивительно

поэтому, что мальчик учился неохотно. В 19 лет у него «впервые заговорило сердце». Под влиянием этого «говора» Николай Алексеевич один, без учителя, начал «фантазировать на фортепиано и сочинять, насвистывая, сначала вальсы, после и романсы».

Первым печатным произведением Титова (1820) был романс «Уединенная сосна» на слова М.А. Офросимова, служившего в лейб-гвардии Измайловском полку (впоследствии московский генерал-губернатор).

В начале 20-х годов Николай Алексеевич начал издавать танцы.

В 1824 году он сочинил свою известную кадрили *Vieux réchés* (издание Бернарда разошлось более чем в 16 тысяч экземпляров). По словам композитора, «не было бала, где бы его не играли, даже в институтах и пансионах, повсюду был он играем».

Будучи батальонным адъютантом в лейб-гвардии Финляндском полку, Титов в том же году сочинил скорый марш для военного оркестра. Марши Николая Алексеевича были так популярны, что их заказывали Титову великие князья Николай и Михаил Павловичи. И сам император представил его императрице.

В 30-х годах Н.А. Титов познакомился с Глинкой и Даргомыжским, советы которых очень ценил.

В 1833 году, будучи полковым адъютантом в лейб-гвардии Уланском полку, Николай Алексеевич расшибся на маневрах. Выздоровев, он не мог продолжать строевую службу и перешел на службу в Комиссариатский департамент.

В 60-х годах Титов часто бывает на музыкальных вечерах у А.С. Даргомыжского, творчество которого, по его мнению, недостаточно оценено публикой. «Все, что наше, русское, родное, мы того ценить не умеем и, к стыду нашему, кадим и преклоняемся всему чужеземному».

В 1867 году Н.А. Титов вышел в отставку генерал-лейтенантом и скончался в Петербурге 10 декабря 1875 года.

Иоганн Штраус-старший

Во многих исследованиях, посвященных жизни и творчеству представителей семьи Штраус, авторы задаются одним и тем же вопросом: чем был танец для венца?

Ирландский певец О'Келли, друг Моцарта, в своих воспоминаниях о пребывании в Вене в 1787 году пишет: «Когда приближается время карнавала, всех охватывает лихорадка предстоящего наслаждения. <...> Одержимость венских дам танцем и маскарадом настолько непреодолима, что они не терпят никаких помех этому любимейшему развлечению. Дело заходило столь далеко, что для женщин в «интересном положении», которых даже это обстоятельство не могло заставить остаться дома, были предусмотрены специальные комнаты со всеми необходимыми принадлежностями на тот досадный случай, если бы наступили внезапные роды».

Для венцев вальс — это страсть, это опьянение, это полет и наслаждение. Как справедливо отмечает Марсель Брион: «Прилагательное «венский» соединилось со словом «вальс» начиная с момента, когда Европу воспламенила дьявольская скрипка Иоганна Штрауса <...>».

«Наполеон вальса» родился в 1804 году в Вене в Дунайском квартале, в Леопольдштате, где его отец держал кабачок «У доброго оленя». Предок Иоганна Штрауса, офицерский слуга Иоганн Михаэль Штраус, в конце 40-х — начале 50-х годов XVIII столетия переселился из венгерского города Буда-Пешт в им-

ператорскую столицу на Дунае. 11 февраля 1762 года в книге бракосочетаний собора Святого Стефана появилась запись: «Почтенный Иоганн Михаэль Штраус, слуга... крещеный еврей, холостой, родом из Буды, сын Вольфа Штрауса и его супруги Терезии... соч[е-
тался] браком с благопристойной и добродетельной Розалией Бусхинин, дочерью окружного егеря, родившейся в Гфёле...»

Когда в 1938 году Австрия стала частью Великогерманского рейха, книга бракосочетания собора Святого Стефана была изъята, и имперское ведомство по чистоте расы в Берлине сняло с нее фотокопию и спрятало в архив. В копии, переданной приходу, Штрауса превратили в арийца. Таким образом, произведения Штрауса могли исполняться и не подлежали запрету на территории Великогерманского рейха.

Вена, ее удивительная атмосфера сформировала великого музыканта, и поэтому венцам было совершенно безразлично происхождение Штрауса.

Маленький Иоганн рос в квартале, в котором музыка была повсюду. Из окон пивных кабачков слышались мелодии лендлеров, «немецких» танцев, куплетов...

Но характер звучания музыки не всегда совпадает с характером реальной жизни. В семь лет мальчик лишился матери, а в двенадцать — отца.

Иоганн Штраус остался один в полной нищете. Опекун отдал его учиться переплетному делу, но Штраус уже сделал свой выбор.

Еще в пять лет он получил в подарок скрипку, на которой по памяти повторял все, что ему доводилось слышать, и целыми днями импровизировал.

В пятнадцать лет Штраус встретился с трио подростков, игравших, как и он, в ресторанах, — это были братья Драганек и Йозеф Ланнеры.

Впоследствии ансамбль превратился в квинтет, потом в оркестр. Штраус начинает сочинять музыку, сначала вместе с Ланнером, а позже друзья вступят в творческое сражение за право называться «королем вальса».

В карнавальном сезоне 1825 года, выступая в кабачке «У красного петуха», Штраус влюбился в дочь трактирщика Анну Штрайм. 11 июля они поженились, а 25 октября у них родился первенец, названный по имени отца.

Для содержания семьи требовалась полная независимость. По случаю расставания со Штраусом Йозеф Ланнер, «первый поэт венского вальса», написал «Прощальный вальс».

Соперничество Штрауса и Ланнера будоражило венские умы не меньше, а может быть, и больше, чем политическая обстановка в Европе, что не могло не радовать государственного канцлера князя Меттерниха, стремившегося удерживать жителей империи «в состоянии спокойствия».

Штраус весьма скоро победил в соревнованиях «скрипачей-дирижеров». Он вводит твердую входную плату, использует рекламу для привлечения публики на свои выступления, в Народном парке, в казино «Доммайер», в парке «Аугартен» и других местах, он стремится обеспечить большой сбыт своих произведений, и, наконец, он совершенствует своих музыкантов. В результате оркестр Штрауса — один из лучших в Вене.

Штраус как дирижер буквально гипнотизировал публику. Ему рукоплещут в Париже, Берлине, Брюсселе и Лондоне. Но успехи в карьере не всегда сопутствуют укреплению семейного союза.

В середине 30-х годов Штраус почти каждый вечер играет в танцевальных залах или дает концерты. К тому же он заводит роман с девятнадцатилетней Эмилией Трампуш, дочерью военного врача.

Страдания матери происходят на глазах детей; Иоганн очень переживает за родителей, но принимает сторону матери, несмотря на то что отец всегда был для него кумиром. Вероятно, именно в это время между ними начинается негласное соперничество за право называться «королем венского вальса».

15 октября 1844 года Иоганн Штраус дебютировал в качестве «капельмейстера и композитора» в знаменитом казино Фердинанда Доммайера.

После смерти в 1843 году Ланнера сын становится единственным конкурентом отца. Дебют стал триумфом, Штраус-сын упивался успехом, но уже в 1845 году все встало на свои места: на всех балах и при дворе играл отец. В последующие годы положение почти не изменилось.

Несмотря на выступления сына против отца на страницах газет, общественное мнение на стороне Иоганна Штрауса-старшего. Именно он удостоивается звания «дирижера придворных балов».

В 1848 году во время революционных событий в Вене Штраус-отец на стороне порядка, а сын — на стороне революции.

Все это время Иоганн Штраус-младший находился в тени отца. Положение изменилось только после его смерти.

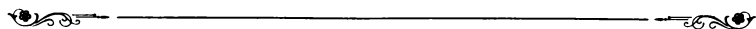
Иоганн Штраус умер в сентябре 1849 года, только что вернувшись с гастролей по Англии.

27 сентября десятки тысяч венцев вышли на улицы города, чтобы проводить своего композитора в последний путь.

«Скорбь Вены была искренней, и, когда из Парижа донесся голос Гектора Берлиоза, воздавшего должное «композитору, который всегда и во всем был артистом», все были согласны с его словами, что «Вена потеряла одно из лучших своих украшений».

Рисунки
Графа
А. М. де Гальмена

Граф Я.П. де Бальмен родился в 1813 году. Воспитывался сначала дома в с. Линовицах, а затем в Нежинской гимназии высших наук вместе с Н.В. Гоголем и Н.В. Кукольников. По окончании курса поступил в Белгородский уланский полк, служил недолго в кирасирах и оттуда в чине штаб-ротмистра назначен адъютантом к генералу Лидерсу на Кавказ. Под Дарго в 1845 году Лидерс был отрезан чеченцами от своего отряда, граф Яков Петрович де Бальмен погиб, прорываясь со своим генералом через неприятельскую линию. Тело его, несмотря на обещание крупного вознаграждения, найдено не было. На месте оказалась лишь сумка с альбомом рисунков, изображающих эпизоды войны на Кавказе.

По мнению Е.Н. Опочинина, бальные зарисовки одни из наиболее удачных среди его рисунков: «Они полны правды и настоящего, живого, искреннего юмора. У них художник, без преувеличения, второй Федотов».

БАЛЬНАЯ ЭПОХА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Источники и литература

Адарюков В.Я. Очерки по истории литографии России. СПб., 1912.

Аракчеев: Свидетельства современников. М., 2000.

Ауэрбах Л. Рассказы о вальсе. М., 1980.

Бал у графа Аракчеева в 1820 году (Из записок Н.А. Титова) // Русская старина. 1870. Т. I.

Безотосный В. Секретная экспедиция // Родина. № 6—7. 1992.

Брион М. Повседневная жизнь Вены во времена Моцарта и Шуберта. М., 2009.

Булич С.К. Несколько новых данных для биографии Н.А. Титова. СПб., 1900.

Васильева-Рождественская М.В. Историко-бытовой танец. М., 1987.

Воспоминания Аполлинария Петровича Бутенева // Русский архив. 1881. Кн. III.

Воспоминания князя Дондукова-Корсакова // Старина и новизна. СПб., 1902. Кн. 5. СПб., 1903. Кн. 6.

Воспоминания Н.А. Титова // Русская старина. 1870. Т. 1.

Герштейн Э.Г. Судьба Лермонтова. М., 1986.

Глинка В.М., Помарнацкий А.В. Военная галерея Зимнего дворца. Л., 1981.

Глушковский А.П. Воспоминания балетмейстера. М., 1940.

Гоголевское время. Оригинальные рисунки графа Я.П. де Бальмена (1813–1839). М., 1909.

Государственный музей А.С. Пушкина: Путеводитель. М., 2000.

Грибоедовская Москва в письмах М.А. Волковой и В.И. Ланской // Вестник Европы. 1875. Кн. I.

Дневник Екатерины Васильевны // Старые годы. Апрель. 1913.

Домашний памятник Николая Гавриловича Левшина (1788–1804) // Русская старина. Т. VIII. 1873.

Екатерина Сушкова (Е.А. Хвостова) Записки. 1812–1841. Л., 1928.

Ефимова Л.В., Белогорская Р.М. Русская вышивка и кружево. М., 1985.

Жихарев С.П. Записки современника: Дневник студента. Л., 1989.

Записки герцогини Абрантес. Т. III. М., 1835; Т. V. М., 1835; Т. VII. М., 1836; Т. IX. М., 1836; Т. X. М., 1839; Т. XVI. М., 1839.

Записки графа М.Д. Бутурлина // Русский архив. 1897. Кн. II.

Записки Екатерины Александровны Хвостовой, рожденной Сушковой. 1812–1841. СПб., 1871.

Захарова О.Ю. Дворец М.С. Воронцова в Одессе. Симферополь, 2007.

Захарова О.Ю. М.С. Воронцов и Одесса. Симферополь, 2007.

Захарова О.Ю. Русские балы и конные карусели. М., 2000.

Захарова О.Ю. Русский бал XVIII – начала XX века. М., 2010.

Захарова О.Ю. Светские церемониалы в России XVIII – начала XX в. М., 2001.

Земляниченко М.А. Ливадия доимператорская. Симферополь, 2010.

Знаменитые россияне XVIII–XIX веков. СПб., 1995.

Из писем А.Я. Булгакова к его брату // Русский архив. 1902. Кн. I.

Иллюстрированная энциклопедия моды. Прага, 1987.

Исторические мемуары об императоре Александре и его дворе графини Шуазель-Гуффье, урожденной графини Фитценгауз, бывшей фрейлины при Российском дворе. М., 1912.

К 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина. Страницы жизни. М., 1999.

Каменская М. Воспоминания. М., 1991..

Керн А.П. Воспоминания. Дневники. Переписка. М., 1974.

Князь Сергей Волконский. Воспоминания. М., 1994.

Князь Феликс Юсупов. Перед изгнанием. М., 1993.

Куриев М.М. Герцог Веллингтон. М., 1995.

Кусков И. Танцовальной учитель. СПб., 1794.

Майлер Ф. Иоганн Штраус. М., 1980.

Малыгин А. Русская Ривьера. Симферополь, 2004.

Мария Шимановская. Двадцать четыре мазурки для фортепиано / Вступительная статья и комментарии И.Ф. Бэлзы. М., 1956.

Мартен-Фюжье А. Элегантная жизнь, или Как возник «Весь Париж». 1815—1848. М., 1998.

Маскарад в Санкт-Петербурге в 1841 г. // Русская старина. Июль—сентябрь. 1883.

Модной вестник. М., 1816.

Молва. Журнал мод и новостей, издаваемый при «Телескопе». М., 1831.

Московский меркурий. М., 1803.

Мурзакевич Н.Н. Автобиография // Русская старина. Т. LIII.

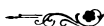
Наука быть учтивым. СПб., 1774.

Ознобишин Д.П. Селам, или Язык цветов. СПб., 1830.

Память доброй матери, или Последние ее советы дочери своей. СПб., 1827.

Полезная книжка для женатых и холостых, желающих счастливого супружества. М., 1799.

- Правила светского обхождения о вежливости.* М., 1829.
- Придворная жизнь.* 1613—1913. СПб., 1913.
- Пыляев М.И.* Старый Петербург. Л., 1990.
- Рассказы бабушки.* Л., 1989.
- Русский костюм.* 1750—1830. Выпуск первый. М., 1960.
- Русский литературный анекдот конца XVIII — начала XIX века.* М., 1990.
- Русский придворный костюм от Петра I до Николая II.* Б. м., б. г.
- Сабанеева Е.А.* Воспоминания о былом // История жизни благородной женщины. М., 1996;
- Смирнова-Россет А.О.* Воспоминания. Письма. М., 1990.
- Соколова А.М.* Композитор Осип Антонович Козловский. М., 1997.
- Соллогуб В.А.* Повести. Воспоминания. Л., 1988.
- Тюлар Ж.* Наполеон, или Миф о «спасителе». М., 1996.
- Фрейлины и кавалерственные дамы XVIII — начала XX века.* М., 2004.
- Целлариус.* Руководство к изучению новейших бальных танцев. СПб., 1848.
- Шелковникова Е.Д.* Дуэль — лекарство от любви. М., 2001.
- Шереметев С.Д.* Старая Москва. Графиня Анна Алексеевна Орлова-Чесменская. М., 1915.
- Шереметев С.Д.* Старая Москва. Екатерина Васильевна Шереметева. М., 1915.
- Шильдер Н.К.* Александр I. Т. 1—4. СПб., 1897—1898.
- Юсуповский дворец.* СПб., 2003.
- Costume Parisien.* 1819.
- Costume Parisien.* 1822.
- Costume Parisien.* 1823.
- Petit courier des dames.* Paris, 1849.

Содержание

Картины светской жизни Москвы и Петербурга начала XIX столетия.....	7
Париж времен консульства и империи.....	35
Бал в Вильно. 1812 год	47
Балы в Полтаве и в Москве (1813—1815 годы)	52
Балы в Париже, Вене, Брюсселе (1814—1815 годы)	56
Император Александр I и А.П. Керн. Три встречи	61
Приемы московского генерал-губернатора светлейшего князя Д.В. Голицына.....	68
«Без лести предан». Бал у графа Аракчеева.....	74
Париж в 30—40-х годах XIX столетия. Балы в австрийском и английском посольствах.....	78
Екатерина Сушкова и Михаил Лермонтов. История любви.....	83
Посещение императорской фамилией Одессы и Крыма. 1837 год	95
Законодатели бальной моды 30—40-х годов XIX века княгиня З.И. Юсупова и графиня А.К. Воронцова-Дашкова.....	115
«Бобовый» маскарад 1841 года.....	126
Светская жизнь в Тбилиси в 40—50-х годах	132
Послесловие.....	148
Программы балов первой половины XIX столетия	149
Правила хорошего тона.....	153
Язык цветов.....	158

Нотный альбом	171
Комментарии к нотам.....	237
Осип Козловский.....	237
Мария Шимановская.....	242
Алексей Верстовский.....	243
Николай Титов.....	244
Иоганн Штраус-старший.....	247
Рисунки графа Я.П. де Бальмена	253
Источники и литература.....	266

Научно-популярное издание

Захарова Оксана Юрьевна

БАЛЬНАЯ ЭПОХА

ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Героям 1812 года посвящается

Ответственный редактор *А.В. Бутурова*
Художественный редактор *Е.Ю. Шурлапова*
Технические редакторы *Н.В. Травкина, Н.Н. Должикова*
Корректор *М.Г. Смирнова*

Подписано в печать 27.12.2011.
Формат 84×108^{3/32}. Бумага офсетная. Гарнитура «Петербург».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,28.
Уч.-изд. л. 11,01 + вклейка – 12,76.
Тираж 3 000 экз. Заказ № 332

ЗАО «Издательство Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@CNPOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Бальная эпоха первой половины XIX века

«Бал — вечернее собрание обоего пола для пляски» — такое определение балу дал В.И. Даль. Многим может показаться, что танцевальный вечер был простым развлечением. Однако это не так. Это был регламентированный ритуал, где важна каждая деталь, начиная от манер поведения, заканчивая костюмом. На балах вершились судьбы народа, создавалось общественное мнение. Бал, как и любой церемониал, — это иллюстрация общественной, политической и культурной жизни общества.

Сегодня в России прослеживается тенденция возвращения бальной культуры. Балы вновь становятся актуальны. Автор показывает специфику русского бала, его сложную, противоречивую природу.

В книге вы прочтете о балах первой половины XIX столетия, узнаете, как проводились балы в Москве и Петербурге, Вене и Париже, Тбилиси и Одессе.

Книга уникальна еще и тем, что в ней представлены программы балов первой половины XIX века, приводятся правила хорошего тона и язык цветов. Уникальные ноты и ценные фотографии, многие из которых публикуются впервые, дополняют и украшают издание.

ISBN 978-5-227-03248-5

9 785227 032485

ЦЕНТРОЛИГРАФ®